

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

ПРАВО, ЗАКОН И СУД В РАННИХ ТРУДАХ КАРЛА МАРКСА

СБОРНИК СТАТЕЙ

к 200-летию со дня рождения
К. Маркса

Москва
2019

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

ПРАВО, ЗАКОН И СУД В РАННИХ ТРУДАХ КАРЛА МАРКСА

к 200-летию со дня рождения К. Маркса

СБОРНИК СТАТЕЙ

Ответственный редактор
профессор
В.В. Лазарев

Москва – 2019

УДК 34
ББК 67.1(0)5
П68

*Одобрено на секции публичного права Ученого совета
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации*

Рецензенты:

Н.А. Боброва — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

С.А. Боголюбов — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

П68 **Право, закон и суд в ранних трудах Карла Маркса** (к 200-летию со дня рождения К. Маркса): сборник статей / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.С. Автономов и др.; отв. ред. В.В. Лазарев. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. — 304 с.

ISBN 978-5-9516-0845-1

Книга подготовлена по материалам конференции (собрание теоретиков права), посвященной 200-летию со дня рождения Карла Маркса. Представленные в ней статьи хотя и не отражают всего богатства творческого наследия молодого Маркса, но вводят читателя в мир реалий государственности середины XIX века и последующих оценок этих реалий (вплоть до настоящего времени) представителями разных философских и теоретических доктрин.

Работа организаторов конференции, авторов и составителей сборника направлена на осмысление мирового научно-правового наследия и его роли в современном обществе, а также на решение практических задач по преодолению кризисных социальных явлений, предполагающих поиск ответов на общетеоретическом уровне, который и позволяет выстроить адекватную правовую политику, определить векторы эффективного и устойчивого развития государства.

Для широкого круга читателей, интересующихся проблемами права и правосудия, в особенности для тех молодых исследователей, магистров и аспирантов, которые постигают историю правовой мысли.

УДК 34
ББК 67.1(0)5

ISBN 978-5-9516-0845-1

© Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации, 2019

The Institute of Legislation and Comparative Law
Under the Government of the Russian Federation

LAW, LEGISLATION
AND COURT
IN THE EARLY WORKS
OF KARL MARX

to the 200th anniversary of the birth of K. Marx

COLLECTION OF ARTICLES

Edited by
professor
V.V. Lazarev

Moscow – 2019

*Approved by the Section of Public law of the Scientific Council
of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation*

Reviewers:

N.A. Bobrova — Doctor of law, Professor, honored lawyer of Russian Federation;

S.A. Bogolyubov — Doctor of law, Professor, honored worker of science of the Russian Federation

Law, legislation and court in the early works of Karl Marx (to the 200th anniversary of the birth of K. Marx): collection of articles / T.Y. Khabrieva, Edited by: V.V. Lazarev. — M.: The Institute of Legislation and Comparative Law Under the Government of the Russian Federation, 2019. — 304 p.

ISBN 978-5-9516-0845-1

The book is prepared on the basis of the materials of the interuniversity conference (a meeting of theorists of law) dedicated to the 200th anniversary of the birth of Karl Marx. Although the articles presented in this book do not reflect the entire richness of the creative legacy of the young Marx, they lead readers into the world of realities of statehood of the mid-19th century and their subsequent evaluations (up to the present time) by the representatives of different philosophical and theoretical doctrines.

The efforts of the conference organizers, authors and compilers of the collection are aimed at understanding the world scientific and legal heritage and its role in modern society, as well as at solving practical problems to overcome social crises, involving the search for answers at the General theoretical level, which allows to build an adequate legal policy, to determine the vectors of effective and sustainable development of the state.

The book is prepared for everyone who is interested in problems of law and justice and, in particular, for those young researchers, masters and graduate students who comprehend the history of legal thought.

© The Institute of Legislation and Comparative Law
Under the Government of the Russian Federation,
2019

ISBN 978-5-9516-0845-1

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

Хабриева Т.Я., академик Российской академии наук, действительный член Международной академии сравнительного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Татарстан, заместитель президента Российской академии наук, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП), член Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии Совета Европы)

Лазарев В.В., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований ИЗиСП

Автономов А.С., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник – советник директора ИЗиСП

Арзамасов Ю.Г., доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории права НИУ «Высшая школа экономики» и кафедры государственного права РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

Баранова М.В., доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Варламова Н.В., кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора сравнительного права Института государства и права РАН, доцент

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства ИЗиСП, профессор РУДН

Жуков В.Н., доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Журавлева О.О., кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела финансово-налогового и бюджетного законодательства ИЗиСП

Какителашвили М.М., кандидат юридических наук, доцент кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности Академии Генеральной прокуратуры РФ

Ковлер А.И., доктор юридических наук, профессор, заведующий Центром зарубежного законодательства и сравнительного правоведения ИГиСП

Колоколов Н.А., доктор юридических наук, профессор, судья Верховного Суда РФ (в почетной отставке)

Корнев А.В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Князькин С.И., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия (РГУП)

Купцова О.Б., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Липень С.В., доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Мачин И.Ф., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Никитин А.Г., кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязева (ИЭУП)

Панченко В.Ю., доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Сибирского федерального университета

Пашенцев Д.А., доктор юридических наук, профессор, и.о. заведующего отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства ИГиСП

Поляков С.Б., доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета

Рыбаков О.Ю., доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Московского государственного университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Соломко З.В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти РГУП

Сырых В.М., доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории и истории права и судебной власти РГУП

Фролова Н.А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева Юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

Фурсов Д.А., доктор юридических наук, профессор, профессор РГУП

Шафиров В.М., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник РГУП

Аннотации к разделам подготовлены **Сидоренко А.И.** (кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела судебной практики и правоприменения ИЗиСП)

AUTHORS

Khabrieva T.Y., Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the Academy of Comparative Law, doctor of Law, professor, Honored Jurist of the Russian Federation, Honored Jurist of the Republic of Tatarstan, Deputy president of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (ILCL), Member of the European Commission for Democracy through Law (Venice Commission of the Council of Europe)

Lazarev V.V., doctor of legal sciences, professor, chief researcher of the Center for fundamental legal studies of the ILCL

Avtonomov A.S., doctor of legal sciences, professor, advisor to the director of ILCL

Arzamasov Yu.G., doctor of legal sciences, professor of the department of theory and history of law of the Higher School of Economics and the Department of State Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPa)

Baranova M.V., doctor of legal sciences, candidate of cultural science, professor of the department of theory and history of state and law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Varlamova N.V., candidate of legal sciences, leading researcher of the comparative law sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, docent

Vlasenko N.A., doctor of legal sciences, professor, chief researcher of the theory of law and interdisciplinary legislation studies department of the ILCL, professor of RUDN University

Zhukov V.N., doctor of legal sciences, doctor of philosophy, professor, professor of the department of theory of state and law and political science faculty of law, Moscow State University M.V. Lomonosov

Zhuravleva O.O., candidate of legal sciences, leading researcher of the finance, tax and budget legislation department of the ILCL

Kakitelashvili M.M., candidate of of legal sciences, docent of the department of international cooperation in the sphere of prosecutorial activity of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

Kovler A.I., doctor of legal sciences, professor, head of the Center of the foreign legislation and comparative law of the ILCL

Kolokolov N. A., doctor of legal sciences, professor, judge of the Supreme Court (retired)

Kornev A.V., doctor of legal sciences, professor, head of the department of theory of state and law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Knyazkin S.I., candidate of Legal Sciences, docent of the department of civil and administrative justice of the Russian State University of Justice (RSUJ)

Kuptsova O.B., candidate of legal sciences, docent, docent of the department of theory and history of state and law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Lipen S.V., doctor of legal sciences, professor of the department of theory of state and law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Machin I.F., candidate of legal sciences, docent, docent of deartment of theory of state and law and political science faculty of law of Moscow State University. M.V. Lomonosov

Nikitin A.G., candidate of legal sciences, docent, dean of the faculty of law of Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)

Panchenko V.Yu., doctor of legal sciences, professor of the department of theory and history of state and law of the Siberian Federal University

Pashentsev D.A., doctor of legal sciences, professor, the acting head of of the theory of law and interdisciplinary legislation studies department of the ILCL

Polyakov S.B., doctor of legal sciences, head of the department of theory and history of state and law of the Perm State National Research University

Rybakov O.Yu., doctor of legal sciences, doctor of philosophy, professor, head of the department of philosophy and sociology of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Solomko Z.V., candidate of legal sciences, docent, docent, of the department of theory of law, state and judiciary of the Russian State University of Justice (RSUJ)

Syrykh V.M., doctor of legal sciences, professor, head of the department of theory and history of law and judicial power of the Russian State University of Justice (RSUJ)

Frolova N.A., doctor of legal sciences, professor, professor of the department of theory of state and law. G.V. Maltsev Faculty of Law. M.M. Speransky Institute of Law and national security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPА)

Fursov D.A., doctor of legal sciences, professor, professor of the Russian State University of Justice (RSUJ)

Shafirov V.M., doctor of legal sciences, professor, chief researcher of the Russian State University of Justice (RSUJ)

Annotations to the section are prepared by ***Sidorenko A.I.*** (candidate of legal sciences, leading researcher of the Judicial practice and enforcement Department of the ILCL)

СОДЕРЖАНИЕ

Т.Я. Хабриева Вступительное слово.	19
В.В. Лазарев Предисловие.	22

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ ОБЩЕМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗЗРЕНИЙ МАРКСА НА ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

В.В. Лазарев Реализм восприятия государственности в ранних работах Маркса	29
А.С. Автономов Диалектика юридического и метаюридического в работах раннего К. Маркса	42
Н.А. Власенко Диалектика К. Маркса и современные методологические поиски в правоведении	59
В.М. Сырых Марксистская теория права в позитивистской доктрине российских правоведов	67
В.М. Шафиров Учение К. Маркса о праве и государстве и современное (интегративное) правопонимание	79
О.Б. Купцова Государство как идея и как надстройка над обществом в ранних трудах К. Маркса	91
Н.В. Варламова Человек как частное лицо и член политического сообщества: актуализация идей К. Маркса в современных интерпретациях прав человека (размышления над статьей «К еврейскому вопросу»)	98
А.И. Ковлер Эволюция идей К. Маркса о демократии.	108

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ
ПРАВО И ГОСУДАРСТВО – ОБЪЕКТ КРИТИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА

З.В. Соломко Радикальная критика права: от раннего Маркса — к современности	115
А.Г. Никитин Проблема свободы печати в трудах К. Маркса	124
С.Б. Поляков Губительные крайности во взглядах на государство и право	133
Ю.Г. Арзамасов Положительные и отрицательные моменты учения К. Маркса и Ф. Энгельса и их значение для развития теории и истории государства и права.	143
В.Ю. Панченко Юридически значимая деятельность в свете положений К. Маркса о сферах, подвластных законодателю	152
С.В. Липень К оценкам исторической школы права: «Философский манифест исторической школы права» К. Маркса и традиции отечественных историко-политученческих исследований	157
О.О. Журавлева Категория налога в ранних работах К. Маркса.	165
М.В. Баранова Невластное начало юридической техники в ранних работах К. Маркса	173

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ
МАРКСИСТСКИЕ ИДЕИ СОВРЕМЕННОСТИ,
СВОБОДЫ И ПРАВОСУДИЯ

Д.А. Фурсов Ранние воззрения К. Маркса и современные проблемы правосудия	183
С.И. Князькин Идеи справедливого судебного разбирательства в ранних трудах К. Маркса	192

М.М. Какителашвили

Феномен «права привилегированных» в трудах К. Маркса
в контексте современных проблем избирательного права 198

Н.А. Колоколов

Динамика грамматики правопорядка: от ранней работы
К. Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса»
к новой повестке дня в современной уголовной политике. 205

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

**ФИЛОСОФСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ ВЗГЛЯДОВ К. МАРКСА
НА ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО И ПРАВО**

В.Н. Жуков

Марксизм, социология, социология права в России:
проблема взаимного влияния 227

О.Ю. Рыбаков

Гегелевское "Bürgerliche Gesellschaft" (гражданское общество)
в работе К. Маркса «К критике гегелевской
философии права» 238

Д.А. Пашенцев

А.Я. Вышинский как интерпретатор идей права
у К. Маркса 244

И.Ф. Мачин

Теория и социология права: обращение
к раннему К. Марксу 250

Н.А. Фролова

Критика марксизма в русской философии права
(П.И. Новгородцев). 254

А.В. Корнев

Марксизм и современность 265

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выдержки из Тома 1 Сочинений К. Маркса
и Ф. Энгельса. М., 1955 274

CONTENTS

T.Y. Khabrieva Introductory word	19
V.V. Lazarev Preface	22

SECTION ONE GENERAL METHODOLOGICAL ASPECTS OF MARX'S VIEWS ON THE STATE AND LAW

V.V. Lazarev The Realism of the Perception of Statehood in the Early Works of K. Marx	29
A.S. Avtonomov The Dialectic of Legal and Metaridic in the Works of the Early K. Marx	42
N.A. Vlasenko The Dialectic of K. Marx and Modern Methodological Searches in Jurisprudence.	59
V.M. Syrykh K. Marxist Theory of Law in the Positivist Doctrine of Russian Lawyers	67
V.M. Shafirov The K. Marx Doctrine of Law and State and the Modern (Integrative) Legal Thinking	79
O.B. Kuptsova The State as an Idea and as a Superstructure over Society in the Early Works of K. Marx	91
N.V. Varlamova A Human as an Individual and a Member of the Political Community: the Actualization of the Ideas of K. Marx in Modern Interpretations of Human Rights (Reflections on the Article "Towards the Jewish Question").	98
A.I. Kovler The Evolution of Karl Marx's Ideas about Democracy.	108

SECTION TWO
THE LAW AND THE STATE – THE OBJECT
OF CRITICAL ANALYSIS

Z.V. Solomko
 Radical Criticism of Law: from Early K. Marx
 toward Modernity 115

A.G. Nikitin
 The Problem of the Freedom of Press
 in the Works of K. Marx. 124

S.B. Polyakov
 Destructive Extremes in the Views on State and Law 133

Yu.G. Arzamasov
 Positive and Negative Aspects of the Teachings
 of K. Marx and F. Engels and their Importance
 for the Development of the Theory and History
 of State and Law 143

V.Yu. Panchenko
 The Legally Significant Activity in the Light
 of the K. Marx Theory about the Areas
 Which are under the Influence of the Legislator 152

S.V. Lipen
 The Estimates of the Historical School of Law:
 “The Philosophical Manifesto of the Historical
 School of Law” by K. Marx and the Traditions
 of Russian Historical and Political Studies 157

O.O. Zhuravleva
 The Category of Tax in the Early Works of K. Marx. 165

M.V. Baranova
 The Powerless Beginning of the Legal Technique
 in the Early Works of K. Marx. 173

SECTION THREE
MARXIST IDEAS OF MODERNITY, FREEDOM
AND JUSTICE

D.A. Fursov
 The Early Views of Marx and the Modern Problems
 of Justice 183

S.I. Knyazkin
 The Fair Trial Idea in the Early Works of K. Marx 192

M.M. Kakitelashvili

The Phenomenon of "Privileged Rights"
in the Works of K. Marx in the Context
of Contemporary Problems of Electoral Law 198

N.A. Kolokolov

The Dynamics of Legal Order Grammar:
from K. Marx's Early Work "Debates on the Forest Theft Law"
to a New Agenda in Modern Criminal Policy. 205

SECTION FOUR
PHILOSOPHICAL, SOCIOLOGICAL
AND POLITICAL ASSESSMENTS OF MARX'S VIEWS
ON SOCIETY, STATE AND LAW

V.N. Zhukov

Marxism, Sociology, Sociology of Law in Russia:
the Problem of Mutual Influence 227

O.Yu. Rybakov

Hegel's «Bürgerliche Gesellschaft» (civil society)
in the work of K. Marx "To the Criticism
of Hegel's Philosophy of Law" 238

D.A. Pashentsev

A. Vyshinsky as an Interpretator of the Ideas
of Rights Described by K. Marx 244

I.F. Machin

The Theory and The Sociology of Law:
Scrutinizing the Early K. Marx. 250

N.A. Frolova

Criticism of Marxism in the Russian Philosophy of Law
(P. Novgorodtsev) 254

A.V. Kornev

Marxism and Modernity. 265

APPENDIX

Extracts from the Volume 1 of the Essays of K. Marx
and F. Engels. Moscow, 1955. 274

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Т.Я. Хабриева

Уже в четвертый раз в феврале в стенах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (далее — Институт) собираются видные ученые — теоретики права со всей страны. Эти встречи проходят плодотворно. Не впервые мероприятие приурочено к памятной дате. В феврале 2016 г. была организована конференция, посвященная 150-летию со дня рождения профессора Евгения Владимировича Васьяковского.

В 2018 году в Институте образован Центр фундаментальных правовых исследований, призванный активизировать теоретические поиски в сферах законотворческой и правоприменительной деятельности, эффективного и устойчивого развития российского государства и его правовой системы. Перечень направлений таких исследований известен, Институт постоянно держит их в поле зрения, обновляя концепции развития законодательства. Теоретики продолжают дискутировать, например, о соотношении права и закона, обращаясь к истории политической мысли, определяют новые возможности формирования правового государства. Эти темы были закрыты в советское время. Однако они четко обозначались уже в ранних работах К. Маркса, разрабатывались отдельными учеными, но объявлялись гегельянскими, отдающими дань идеализму. Приблизиться к истине теперь, хотя и по прошествии значительного времени, — основная цель авторов настоящей книги.

Обращение к правовым идеям далекого прошлого и к «борьбе за право» молодого К. Маркса, казалось бы, имеет сугубо историческое значение. Вместе с тем выявляются проблемы, которые имеют вполне современное практическое звучание, например, о том, как оценивать «кражу дров» и следует ли привлекать к ответственности тех, кто собирает валежник в частном лесу при осуществлении при-

ватизации лесных массивов. Характер дебатов в ландтаге и правовая оценка К. Марксом выступлений депутатов, представляющих экономические интересы разных сословий, а также вопросов защиты частной собственности до сих пор не утрачивают своего значения.

Для Института, который на профессиональной основе ведет постоянную экспертно-правовую работу, важно учитывать все многообразие мнений относительно процессов правотворчества и судебного применения законов. Такие темы, как закон и суд, юридическая сила правовых актов и их моральная сила, законность и целесообразность, социальные интересы и их воплощение в законодательстве, не подвержены течению времени и сохраняют свою актуальность, как и общее руководство от Маркса: законодатель должен смотреть на себя как на естествоиспытателя, «он не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует» и др.

Предлагаемые вниманию читателя материалы отражают интерпретации идей Маркса о праве, законе, правосудии, при этом в общей оценке политического наследия марксизма мнения авторов сборника могут расходиться.

Отмеченная в 2018 г. памятная дата — 200-летие со дня рождения выдающегося ученого и философа, на наш взгляд, не должна была остаться незамеченной. В связи с этим Институт, осознавая некоторый отрыв отраслевых исследований от области философии и общей теории государства и права, 21 февраля 2018 г. провел конференцию, которая была направлена на поддержку и развитие фундаментальной науки и ее внедрение в практическую деятельность. Это событие получило отклик, поэтому в ходе мероприятия можно было отметить не только плюрализм мнений, но и широту подходов, которыми руководствовались участники при выборе тем докладов. Подобные исследования жизненно необходимы в науке. Нельзя отрицать значимую теорию в угоду идеологическим предпочтениям или по иным соображениям, а марксизм — это теория, которая имела колоссальное значение для глобального исторического развития, в связи с чем нуждается в осмыслении в настоящее время. Отказавшись от изучения мирового наследия, можно столкнуться с ошибочными представлениями о роли учения, вытекающего из трудов Маркса и Энгельса, а также упустить тот потенциал, который могут принести их труды в современную жизнь. Актуальность выбранной для обсуждения темы подтверждается ее неразрывной связью с понятием социальной справедливости, анализ которого служит теоретической платформой в процессе построения правового государства.

Подчеркнем, что К. Маркс, известный в основном как экономист и философ, проводил исследования по философии права в молодом возрасте. В 1843 году, когда ему было всего 25 лет, написана и частич-

но опубликована его работа «К критике гегелевской философии права». Полагаем, на это следует обратить внимание нашим молодым ученым-правоведам.

В настоящий сборник вошли статьи, в которых рассмотрены общеметодологические подходы и результаты критического анализа в воззрениях Маркса на государство и право, свободу и правосудие. Цель дискуссии заключается в осмыслении его учения и преодолении сложившегося в российском обществе стереотипа об устарелости и непригодности этого учения для созидательной деятельности пост-индустриального общества и государства.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В.В. Лазарев

На рубеже веков BBC News и «Radio 4», той же компании BBC, провели опрос англичан и жителей Великобритании относительно величайшего мыслителя тысячелетия и философа всех времен и народов. Результаты этих опросов были ошеломляющими. Они засвидетельствовали, что величайшим мыслителем и философом является... Карл Генрих Маркс¹. Более того, по утверждению многих сторонников и противников Маркса, именно он оказал на историю мира и становление социальных наук в XX в. наиболее значительное, фундаментальное влияние². Рискну предположить, что это объективный западноевропейский взгляд, которого трудно ожидать в России. Российской науке было свойственно отдавать первенство идеологическим позициям перед научными, взгляду господствующей в обществе власти, а не строгому поиску истины. Сам марксизм «в качестве государственной идеологии породил феномен идеологизированной науки», который еще долго давал о себе знать и «выражался в стремлении некоторых ученых «старой закалки» препарировать достижения науки под углом зрения ортодоксального марксизма, используя тяжелую артиллерию из цитат классиков марксизма-ленинизма»³. Он и сегодня, в постсоветскую эпоху, заявляет о себе, правда, с точностью до наоборот, а именно в плане сокрушения марксизма, что особенно ярко демонстрировали «лихие» 90-годы прошлого века. В аннотации к книге известного социолога Кагарлицкого Б.Ю. «Марксизм: не рекомендовано для обучения» подмечено: «Марксизм сегодня — учение немодное, подвергается анафеме, изначально отвергается всеми так называемыми современными политологами. Его настойчиво выпихивают на «свалку исто-

---

¹ URL: https://www.bbc.com/russian/blogs/2015/06/150604_blog_seva_novgorodsev

² URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-naibolee-rasprostranennyh-mifov-o-filosofii-marksa>

³ Баханов В.А. Постсоветский марксизм в советскую эпоху: деятельностный подход к анализу науки // Эпистемология и философия науки. 2018. № 3. С. 137 и далее.

рии», по неосмотрительности, по недоумию, не утруждая себя необходимостью разобраться в самой сути этого выдающегося политико-экономического учения XX века»¹.

Особо следует сказать о ранних работах К. Маркса. Они в советское время не признавались вполне научными, расценивались как гегельянские, не вполне марксистские, написанные еще незрелым Марксом. Отсюда происходит миф «двух Марксов». Он представлен двумя ветвями марксизма XX в. — сциентистской и гуманистической. Согласно сциентистам «ранний», «молодой» Маркс — это философская смесь из идей Спинозы, Гегеля, Фихте и Фейербаха о «сущности человека», «праксисе», «отчуждении», «гуманизме» и иных метафизических субстанциях, содержание которых эмпирически верифицировать невозможно. На эту версию отреагировал академик Т. Ойзерман, полагающий, что «поворот буржуазных идеологов к молодому Марксу является специфической формой борьбы против марксизма», что современные «марксоведы» выискивают в нем то, чего там нет, «т.е. экзистенциализм, персонализм, философскую антропологию, прагматизм и т.п.»². Однако критика эта дана с позиций классической науки. Принимая во внимание достижения модерна и постмодерна, оценивая в совокупности и сциентистскую и гуманитарную версии оценки трудов молодого Маркса, скорее окажется прав В. Майхофер: в ранних работах К. Маркса (по 1844 г. включительно) «разработана вся материалистическая и социалистическая концепция»³.

В развитие сказанного предлагаю свой тезис и свое новое понятие. **В ранних работах Маркса в зачатке, в неразвитом виде заложены едва ли не все сциентистские и гуманистические начала в их взаимосвязи и взаимопроникновении, в их противоречивости, требующей постижения на основе принципа дополнительности, в котором нуждается современная (в том числе и гуманитарная) наука.**

До сих пор марксистская наука оперирует такими понятиями, как материализм и идеализм, как диамат и истмат, которые сориентированы на механическое противопоставление друг другу и не предполагают никакой интеграции. **Предлагаю понятие «идеамат»,**

¹ URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/104172/Kagarlickii_-_Marksizm__ne_rekomendovano_dlya_obucheniya.html

Сам автор, различая политический и академический марксизм, пишет о скрещивании традиций западного марксизма и фрейдизма у «франкфуртцев». Но западный марксизм — это не только Франкфуртская школа. Сюда же, по его мнению, надо отнести и философские работы Ж.-П. Сартра, пришедшего к марксизму от экзистенциализма, и поздние работы Льва Троцкого, не говоря уже о его многочисленных учениках, «Тюремные тетради» Антонио Грамши, Дьердя Лукача и многих других.

² Ойзерман Т. Формирование философии марксизма // URL: <https://profilib.net/chtenie/58016/teodor-oyzerman-formirovanie-filosofii-marksizma-4.php>

³ См.: Maihofer W. Recht und Staat im Denken des jungen Marx // Karl Marx. 1818–1968. Neue Studien zu Person und Lehre. Meisenheim am Glan, 1968. S. 169.

охватывающее в системной совокупности все виды реальности, позволяющее видеть в материальном воплощении идеальное, а в идеализме проследить материалистические истоки и материальное содержание.

Поводом для выдвигания обозначенных новаций послужили ранние работы Маркса, но их глубинные смыслы лежат в самих реалиях, в которых мы видим диалектические сплетения многочисленных ризом появления и практического осуществления идей в их материальном и парадигмальном исчислении.

В обоснование предлагаемых тезисов уместно сослаться на ряд авторитетных мнений современных философов.

Непримиримый критик марксизма К. Поппер о Марксе говорил: «Он на многое открыл нам глаза и обострил наше зрение. Возвращение к домарксистской общественной науке уже немислимо... Его главные таланты проявились в области теории. Он затратил гигантские усилия для того, чтобы выковать, так сказать, научное оружие для борьбы за улучшение доли громадного большинства людей. Я считаю, что искренность в поиске истины и интеллектуальная честность отличают его от многих его последователей»¹.

Чаще всего последователи Маркса видели его главное оружие в материалистическом подходе к явлениям общественной жизни. Но в связи с этим представляется интересным подход профессора Пекинского университета доктора философии Т. Рокмора, для которого Маркс является реалистом, а материализм его не более, чем марксистский миф². Для такого поворота в оценке Маркса можно многое найти именно в его ранних работах, в которых он и материалист, и идеалист, но в отличие от Гегеля, идеализировавшего прусскую государственность, смотрит на последнюю объективно, дает реалистические зарисовки открывшейся ему действительности.

Признавая вклад Маркса в теорию познания, в анализ социальной природы сознания и знания доктор философских наук В.П. Филатов при этом замечает: «Марксу было необходимо совмещать экономические, исторические и социологические исследования, что было нехарактерно для классической английской политической экономии. Современная экономическая наука в определенной мере возвращается к проекту такого синтеза, привлекая социологические, правовые, исторические, психологические теории и данные, а также методы когнитивных наук»³. Его когнитивность направлена в русло практической деятельности. Характеристику Маркса в русле деятельностного подхода можно найти у Р. Арона: «...Как социолог он не

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 98.

² Рокмор Т. Материалист ли Маркс? // Эпистемология и философия науки. 2018. № 3. С. 61.

³ Филатов В.П. Проблемы познания в работах Карла Маркса // Эпистемология и философия науки. 2018. № 3. С. 11.

отделял постижение настоящего от предвидения будущего и от воли к деятельности. По отношению к социологам, именуемым сегодня объективными, он был, стало быть, пророком и вместе с тем человеком действия и ученым»¹.

В ранних работах Маркса уже просматривается деятельностный подход в оценке существующих государственно-правовых реалий, ориентация Маркса на изменение существующего положения дел. И это как раз отличает его философию от распространенных идей основателей исторической школы права. Но деятельностный подход, который практически вырастает из марксизма, не поддерживался официальной советской философией. Сегодня значение марксова деятельностного подхода неожиданно для многих получает поддержку в развитии современной науки. Бельгийский философ К. Захиди отстаивает тезис о том, что марксистский подход к сознанию, представленный в концепции деятельностного подхода, предлагает разумную философскую основу для дальнейшего развития посткартезианских идей в когнитивной науке и аналитической философии сознания. Более того, он полагает, что материалистический метод, разработанный представителями этого подхода, является наиболее перспективным в решении проблемы натурализации сознания².

Сторонником деятельностного подхода, основания которого усматривались в идее дополнительности, являлся И.С. Алексеев. В своей книге «Концепция дополнительности: историко-методологический анализ» (1978) он предлагает весьма оригинальную концепцию познавательного процесса в контексте деятельностного подхода. Соответствующий раздел им назван «Опыт диалектико-материалистической интерпретации концепции дополнительности» (гл. 5, § 2)³. Как известно, принцип дополнительности обосновал Н. Бор применительно к проблемам неклассической физики, имея в виду противостояние разных систем. Но здесь уместно привести его действие в части противостояния науки и религии. С точки зрения Бора тот факт, что религии на протяжении веков говорили образами, притчами и парадоксами, означает просто, что нет иных способов охватить ту реальность, которую они подразумевают. Но это не значит, что эта реальность не подлинная. Разные религии стараются выразить ее содержание в весьма различных духовных формах. «Возможно, мы должны смотреть на эти различные формы как на взаимно дополнительные описания, которые хотя и исключают друг друга, нужны,

¹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. 1992. С. 152 (Цит. по: Филатов В.П. Проблемы познания в работах Карла Маркса) // Эпистемология и философия науки. 2018. № 3. С. 9.

² Захиди К. Преодолевая Декарта. О значении марксизма для посткартезианской философии сознания // Эпистемология и философия науки. 2018. № 3. С. 91 и далее.

³ См. подробнее: Бажанов В.А. Указ. соч. С. 140.

чтобы передать богатые возможности, вытекающие из отношений человека со всей полнотой мира»¹. Остается лишь подчеркнуть методологическое значение подхода Бора к оценке материалистического и идеалистического во взглядах молодого Маркса на государство и право.

Для оценки состояния современной юридической науки представляется существенным замечание о том, что «по Марксу, сама социальная реальность может представать в ложных или иллюзорных формах, так что иллюзии могут существовать до всякого размышления и теоретизирования и даже сопротивляться тем, кто хочет развеять их с помощью истинной теории ...социальный мир, как и мир физический, может порождать видимость, сходные с оптическими иллюзиями»². Современные симулякры в области государства и права дают тому яркое подтверждение.

И, наконец, последнее. Как бы провокационно ни звучала постановка вопроса о скрытых марксистских корнях в современной науке³, они, как убеждаются многие исследователи, есть и в эпистемологии, и в исследованиях самых разных онтологий современных реалий. Остается надеяться, что предлагаемые в настоящем сборнике статьи послужат просвещению молодого поколения юристов.

Разумеется, статьи эти разные и по авторским отправным позициям, и по освещению связи взглядов Маркса с последующими идеями, и по стилистике. Но все они отражают интерес конкретных исследователей к истории правовой мысли и ее влиянию на решение вопросов в реалиях современной России. Читатель обратит внимание на завершающий материал об общей оценке марксизма применительно к современности. Он открывает путь для дальнейшего раскрытия темы. Как редактор, ответственный за подготовку книги к изданию, должен оговориться, что не считал возможным корректировать авторские оценки наследия К. Маркса.

¹ Цит. по: Горелик Г.Е. Объяснение Гессена и вопрос Нидэма, или как марксизм помог задать важный вопрос и помешал ответить на него // Эпистемология и философия науки. 2018. № 3. С. 162. И далее математик Бостонского университета Г.Е. Горелик пишет: «Марксизм — не универсальная истина. Можно сказать, что марксизм — «глубокая истина» в смысле Нильса Бора, т.е. что противоположное понимание — тоже «глубокая истина». В некоторых исторических явлениях материальное бытие определяет сознание, в других, напротив, сознание определяет бытие. Об этом говорит история современной науки, подсказавшая «библейский» ответ на вопрос Нидэма. О том же говорит миролюбивый идеализм и библейский гуманизм величайших творцов современной науки» (С. 168). Итог автор подводит признанием многовекового и плодотворного философского взаимодействия материализма и идеализма, теизма и атеизма в формировании миролюбивого гуманизма.

² Филатов В.П. Указ. соч. С. 13–14.

³ См.: Шипалова Л.В. Есть ли в современной науке скрытые марксистские корни? // Эпистемология и философия науки. 2018. № 3. С. 47 и далее.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

**ОБЩЕМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ
ВОЗЗРЕНИЙ МАРКСА
НА ГОСУДАРСТВО
И ПРАВО**

Принято утверждать, что современная юридическая, и не только, наука переживает период кризиса в связи с необходимостью поиска новой методологии. Исследователи всё чаще обращаются к синтетическим теориям науки и философии. Обсуждаются с разных сторон и обосновываются различные варианты интегративных теорий правопонимания¹.

К. Маркс на раннем творческом этапе удачно сочетал элементы идеалистических и материалистических концепций. Его критика гегелевской философии права демонстрирует, что он воспринял от немецкой классической философии базовые концепты, на основе которых были учреждены прогрессивные права и свободы буржуазного государства. Но он двинулся дальше, в отличие от Гегеля утверждая, что современное государство не является апогеем справедливости. Именно благодаря синтетичности, интегративности взглядов Маркса, которые прослеживаются в его ранних работах, можно утверждать, что марксистская теория права и государства в целом была логична и последовательна.

В первом разделе настоящей работы авторы пытаются дать ответ на вопрос, как формировалась методологическая установка марксизма в ранних трудах К. Маркса. Предпринимается попытка осмыслить присущие работам молодого К. Маркса элементы того или иного типа правопонимания (естественно-правового, социологического, исторического, позитивистского или интегративного).

---

¹

См., например: Обзор круглого стола «Интегративное понимание права», состоявшегося в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации 13 февраля 2017 г. (Сидоренко А.И. Ибрагимов Ю.Э. Интегративное понимание права // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 33–45.)

РЕАЛИЗМ ВОСПРИЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РАННИХ РАБОТАХ МАРКСА

В.В. Лазарев

Гегелевская диалектика является основной формой
всякой диалектики, но лишь *после* освобождения ее
от ее мистической формы,
а это-то как раз и отличает от нее *мой* метод
Карл Маркс

Законы в основе своей сформированы
на беспринципности и безнравственности,
что отражает сущность государственности,
символизируя возглас дьявола
Карл Маркс

Точка зрения законодателя
есть точка зрения необходимости
Карл Маркс

Молодой Маркс был одновременно и материалистом и идеалистом во взглядах на общество и государство. Логично уже в одном этом видеть своего рода реализм, обозначающий философию интегративизма, исключая односторонний подход к миру общественных явлений. Он видел право в позитивных законах государства, если они соответствуют естественной природе вещей и воплощают свободу. Он видел право в реальных общественных отношениях, если они не противоречат закону в его всеобщности.

Понимание закона у Маркса сугубо интегративное: «Законы — это положительные, ясные общие нормы, в которых свобода приобретает теоретическое, независимое от произвола отдельных личностей существование... Настоящим законом становится он тогда,

когда в его лице бессознательный естественный закон свободы воплотился в сознательный государственный закон»¹. Закон, как можно убедиться, одновременно продукт человеческой деятельности и независимый от нее бессознательный естественный закон свободы. «От идеализма, — писал он, — ...я перешёл к тому, чтобы искать идею в самой действительности»². Маркс не отказывается от идеализма. Здесь интеграция двух веками враждующих между собой подходов. Но философией дело не ограничивается. И тот, и другой подход позволяют Марксу реалистично оценивать, прежде всего, прусскую государственность, но не только, в ее отношении к гражданскому обществу.

В послесловии ко второму немецкому изданию первого тома «Капитала» (1873) Маркс подчеркивает, что его диалектический метод в своей основе не только отличен от гегелевского, но и является его прямой противоположностью. Если диалектика в мистифицированной форме стала немецкой модой, так как казалось, будто она прославляет существующее положение вещей, то в своем рациональном виде она по существу критична и революционна. И, резюмируя смысл своего отношения к диалектике Гегеля, пишет: «Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад».³ Другими словами, уже в ранних работах Маркс положил начало критическому реалистическому взгляду на государственность вообще и прусскую государственность в частности, которые идеализировались Гегелем исходя из мистификаций общих идей⁴.

Для нас ценность работ Маркса состоит прежде всего в его методологии, в обращении к реалиям современной ему действительности. В письме к Л. Кугельману (6 марта 1868 г.) Маркс, отвергая нападки Дюринга на диалектику, отмечает: «Он очень хорошо знает, что мой метод исследования *не* тот, что у Гегеля, ибо я — материалист, а Гегель — идеалист. Гегелевская диалектика является основной формой

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 63.

² URL: <https://icitata.ru/karl-marks-citaty/> (Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 12.)

³ URL: https://www.marxists.org/russkij/marx/1867/capital_vol1/02.htm (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М., 1960); см. так же Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 12 // URL: <https://icitata.ru/karl-marks-citaty/>

⁴ Позднее в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) уже Энгельс делает вывод: «Итак, государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель». См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 184. Диалектика присущая гегелевской философии, допускала как консервативную, так и революционную ее интерпретацию. Ф. Энгельс подчеркивает, что тезис о тождестве разумного и действительного, оправдывающий по видимости все существующие порядки деспотизма и полицейского государства, имеет в соответствии с логикой диалектического подхода и противоположный смысл: все, что существует, достойно гибели.

всякой диалектики, но лишь *после* освобождения ее от ее мистической формы, а это-то как раз и отличает от нее *мой* метод»¹. Этот метод и сегодня позволяет увязывать оценки соответствующих идей с тем, как они воплощаются в действительность, каково их значение в свете решения острых проблем современности.

Маркс — один из прародителей интеграционного восприятия государства и права. Именно такое понимание государственности следует рассматривать как реалистическое. Сам Маркс нигде не объявляет себя приверженцем интегративных теорий права и государства и даже категорий «интегративность» или «синтетичность» у него не сыскать. Но не заявлениями конструируется метод, а всем содержательным материалом, который находим у мыслителя.

Реализм марксова анализа государственности обусловлен следованием гегелевской диалектике (всем открытым Гегелем законам диалектики) на материалистической основе. И первое, что диктует нам диалектическая логика, это развитие всех явлений во взаимосвязи, во взаимопроникновении, в борьбе. **Противники интегративной теории понимания права акцентируют внимание на противоположностях и игнорируют их единство.** Между тем в исторически реальной действительности противоположности сходятся, реальный взгляд на государство и право не позволяет игнорировать моменты единства явлений, находящихся во взаимном неприятии друг друга. Да, нормативистская концепция Г. Кельзена и, например, инструментализм Дьюи (проявление социологической теории права) противоположны по своему содержательному замыслу. Но в лестнице норм Г. Кельзена есть нижняя ступенька — индивидуальные нормы (решения правоприменительных органов) и тем самым налицо возможность увидеть единство континентальной и англосаксонской правовой системы, которое в отечественной правовой науке еще ждет своего скрупулезного анализа.

«Идеализм господствует в публично-правовых воззрениях молодого Маркса, в особенности в его теории государства и законности» — писал И.П. Разумовский² Это типичное для советского времени мнение. Однако в приводимых им цитатах мы этого «господства» можем не заметить, поскольку по Марксу «право государственных конституций» мы должны выводить «из собственной природы государства, из его собственного существа», «из природы человеческого общества...». Одновременно и «на основе Разума и

¹ Маркс К. Письмо Л. Кугельману, 6 марта 1868 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 448.

² Разумовский И.П. Понятие права у К. Маркса и Ф. Энгельса // Под знаменем марксизма. 1923. № 2–3. С. 68. Иная оценка дана В.И. Лениным: в статьях, опубликованных в «Рейнской газете», «намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму» (В.И. Ленин. Соч. Т. 21. С. 63).

свободы»¹. Строить «на основе религии» — отвергается как крайность идеализма. Вместе с тем признается «природа вещей» трактуемая сегодня чаще всего идеалистически (на основе светского варианта естественного права). «Правовая природа вещей не может сообразоваться с законом, закон должен сообразоваться с ней»².

Понимание закона у Маркса, как мы уже заметили выше, сугубо интегративное. Это одновременно продукт человеческой деятельности и независимый от нее бессознательный естественный закон свободы. В том и реализм восприятия государственности Марксом, что он смотрит на нее без юридических очков, что анализирует ее последовательно с идеалистических и материалистических позиций. «От идеализма, — писал он, — ...я перешёл к тому, чтобы искать идею в самой действительности»³. Лучше о реализме, об интеграции того и другого подхода не скажешь для него законы о лесных порубках «это грубый материализм». Он против такой крайности материализма.

Реалистический подход требует учета и, одновременно, в итоговом решении освобождения от случайного, крайнего, стохастического. Реалия государства отражена в статье в «Vorwärts» 1842 г.: «Государство... зиждется на противоречии между общественной и частной жизнью, на противоречии между общими интересами и интересами частными»⁴. Как у Маркса-гегельянца, так и у Маркса-фейербахианца государство стоит над обществом, как олицетворение общих интересов, в противоположность частному произволу. Но одновременно Маркс-гегельянец видит в государстве высшее проявление общественно-разумной природы человеческого общества, а Маркс-фейербахианец видит в государственности («юридическая и политическая надстройка») надстройку над определенным базисом общественных отношений («экономическая структура общества»)⁵. Можно ли более отчетливо проиллюстрировать интегративный взгляд на государство?

Сторонники сугубо материалистических взглядов могут сослаться на более позднее заключение Маркса, когда он, как бы вопреки себе пишет: «...Правовые отношения, наравне с формами государ-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М., 1955. С. 111.

² См.: Дебаты шестого рейнского ландтага (статья третья). Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 122 (www.k2x2.info/.../sobranie_sochinenii_tom_1/p5.php). «Характер вещей есть продукт рассудка» у Маркса. Если государство хотя бы в одном отношении опускается до того, что действует сообразно характеру частной собственности, вместо того чтобы действовать сообразно своему собственному характеру, — то отсюда непосредственно следует вывод, что оно должно приспособить выбор своих средств к узким рамкам частной собственности.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 12 // URL: <https://icitata.ru/karl-marks-cityat/>

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 1. С. 440.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 6–7.

ства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития духа, но скорей коренятся в материальных условиях жизни¹. Но нельзя не заметить, что Маркс говорит не о государстве, а о формах государства; не о праве, а о правоотношениях. Действительно, на то и на другое, на специфику конкретных форм, на содержание конкретных отношений самым непосредственным образом сказываются условия жизни. В конечном счете — именно материальные.

Там, где младогегельянцы видели только одностороннее воздействие философии на мир, Маркс обнаруживает их взаимодействие. Он указывает, что «в той мере, в какой мир становится философским, философия становится мирской»². «... Истинное исследование, — по Марксу — это развернутая истина, разбеденные члены которой соединяются в результате»³. Более того, справедливо суждение проф. В. Багдасаряна: «Амбициозная задача Маркса состояла в синтезе гегелевской диалектики с получившим новый импульс материалистическим дискурсом»⁴.

В обоснование интегративного понимания права уже приходилось указывать, что в разные времена в разных регионах и в разных обществах в виде права представлялись разные формы далеко не однородные и порой даже полярные. Однако каждая из них удовлетворяла идее права и это позволяло вырабатывать общее интегративное определение права⁵. Можно согласиться с тем, что нет абсолютного права, как нет абсолютной правовой идеи, что можно «считать за абсолютное только процесс, а не временный его результат, и никакой правовой идеи не могло появиться, кроме самого исторического процесса»⁶. Процесс этот продолжается, и ничто не препятствует тому, чтобы, например, прецедент укоренился в России в качестве реалистической идеи права.

В любом случае, если в понимании права следует обращаться к историческому процессу, то почему такое неприятие Марксом исторической школы права? Ответ находим не только в статье, посвященной философскому манифесту исторической школы в виде работ Гуго, но и во всех других статьях того периода. Маркс проявляет себя

¹ Маркс К. К критике политической экономии: предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 4.

² Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 78.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 113 (www.informaxinc.ru/lib/marx/01.html).

⁴ Багдасарян В. Похороны социализма были преждевременными // URL: <http://devec.ru/almanah/18/2093-varदान-bagdasarjan-pohorony-sotsializma-byili-prezhdevremennymi.html>

⁵ См.: Valery Lazarev. Integrative perception of law // KAZAN UNIVERSITY LAW REVIEW. Vol. 1. Fall 2016. Number 1. P. 19–32.

⁶ Письмо Ф. Энгельса К. Марксу от 29 декабря 1861 г.

гегельянцем, что и просматривается в критике исторической школы права, для которой «позитивное имеет силу вовсе не потому, что оно разумно»¹, которая если и признает какие-то ценности справедливости и ценности, то только как исторические реликвии, но не проявления разума, которая и подлость сегодняшнего дня может оправдать подлостью вчерашнего: так сложилось, так существует². У Гуго «всё, что существует, признаётся им в качестве авторитета, а всякий авторитет берётся как основание»³.

Эти общие положения иллюстрируются, например, взглядами на брак. Маркс здесь выступает критиком Гуго, поскольку «духовная сущность брака, — вот что является сомнительным в браке для г-на Гуго»⁴. Но что главенствует в браке? Физическое — материальное или духовное — идеальное = идеалистическое? Что естественно? Казалось бы историческая школа ближе к гегельянству. Но Маркс в защите разумного и духовного принимает материалистские основания. Тем самым скорее идет просто отвержение крайности исторической школы. В действительности же можно интегративно приходиться к выводу об органическом соединении того и другого, и в духовном усмотреть не меньше естественного, чем в физиологическом.

Представляется, что с позиций современной науки не следует так остро противопоставлять историческую школу Гегелю, у которого, как все знают, все действительное разумно⁵. Напрашивается диалектическая интеграция позиций. Отсюда «ни один государственный строй не является безусловно правомерным; но временно правомерен всякий строй, каково бы ни было разделение властей»⁶. Но то же самое надо сказать и о праве. «Однолюбы» готовы признать правом только то, что является с их точки зрения идеалом, а все остальное характеризуется как не право, как не государство (например, итальянское или германское государство и право 40-х гг. прошлого

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 86–87.

² Диалектика действительного и разумного применительно к праву изложена Марксом так, что действительные правовые отношения изначально формируются как обычные. Обычай «становится разумным, потому что право превратилось в закон, потому что обычай стал государственным обычаем», но «право не перестало быть обычаем оттого, что конституировалось как закон, — оно перестало быть только обычаем». См.: Дебаты шестого рейнского ландтага (статья третья) / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1 (URL: www.k2x2.info/.../sobranie_sochinenii_tom_1/p5.php).

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 1. С. 87.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 2014. Т. 1. С. 101.

⁵ «Гегель заслуживает порицания не за то, что он изображает сущность современного государства так, как она есть, а за то, что он выдаёт то, что есть, за сущность государства. То, что разумное действительно, доказывается как раз противоречием неразумной действительности, которая на каждом шагу является противоположностью тому, что она о себе говорит, и говорит о себе противоположное тому, что она есть» (Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9 т. М., 1984. Т. 1. С. 333).

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М., 1955. С. 91 // URL: http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_1/p5.php#metkadoc5

века). Между тем с позиций исторической школы все существовавшие государства по праву претендуют на это имя. Окрас их (форма их) будет разным при неизменной сущности, которая позволяет именовать их таковыми.

Не следует противопоставлять сущее и должное. «Для себя бытие» должное берет в сущем. Бытие включает в себя все и вся. И предметы и процессы. Все что можно увидеть, о чем можно услышать, что можно потрогать и т.д. Основу бытия составляет материя. В качестве ее атрибутов философы рассматривают движение, пространство и время. При таком понимании взгляды исторической школы права представляются именно материалистическими. Создается впечатление, что Маркс обрушился на эту школу скорее с политических позиций, поскольку ее идеологи олицетворяли консерватизм юнкерской государственности.

Критикуя Гегеля, Маркс берет у него диалектику в ее апелляции к разуму. Отвергая прусское государство, он не против государства вообще. Он за разумность государства. «В действительности истинная «общественно-воспитательная» роль государства заключается в его разумном и общественном бытии»¹. Маркс решительно отвергает «безнравственный, грубо-вещественный взгляд на государство», что особенно проявляется в критике новейшей прусской цензурной инструкции. Неразумны и безнравственны учреждения, которые «возводят произвол в право».

Маркс находит в реалиях государственности «террористические законы», законы «как позитивные санкции беззакония», безнравственные «законы мести», «законы не единения, а разъединения». Это те законы, которые предусматривают ответственность за образ мыслей, за убеждения, но не за действия. Они не отвечают требованиям права. «...Действие — это единственное, для чего я требую права существования, права действительности, и в силу чего я, таким образом, подпадаю под власть действующего права»².

П.И. Новгородцев, критикуя утопизм марксизма, признает, что «материалистическая теория Маркса заключает в себе значительную дозу рационалистического оптимизма»³. «От диалектики Гегеля... и может быть, от всей философской традиции немецкого идеализма ...усвоили и веру в разумный ход вещей, в скрытые законы исторического развития»⁴. Подмечено органическое соединение материа-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М., 1955. С. 103 // URL: <http://citaty.su/aforizmy-i-citaty-karla-marksa>

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М., 1955. С. 15.

³ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. Глава II. «Крушение утопий земного рая». С. 165, 169 // URL: http://www.odinblago.ru/ob_obshh_ideale/

⁴ Новгородцев П.И. Цит. соч. С. 169.

листического видения и идеалистического. А далее проф. П.А. Новгородцев прямо указывает на стройный и блестящий «синтез разнородных элементов» достигнутый Марксом (интегративная теория права часто подается как синтетическая¹). Эти элементы, однако, скоро вступают у самого Маркса в противоречие и противоборство. «И причиной этих внутренних борений в мысли самого Маркса является именно то обстоятельство, которое мы здесь подчеркнули: явная зависимость цельности его синтеза от субъективного настроения, от субъективной веры в близость и неотвратимость социальной революции ...колебаниями между реальностью и мечтой, между научной трезвостью и утопическим оптимизмом объясняется противоречие абсолютной и относительной точек зрения, проходящее через все его взгляды на действительность»². Таким образом, отвергни Маркс революционные политические идеи преобразования общества и, может быть, и не было бы претензий к его синтетическому научному взгляду на жизнь. Уместно заметить в этой связи, что суть интегративной методологии состоит в поиске возможных компромиссов, в конвергенции, в отвержении революционных преобразований³.

Был ли Маркс сторонником правового государства? И да, и нет. В пользу первого говорит разделение права и закона и господство первого; в пользу второго — критика всего того, что выдавалось за правое. Имея в виду частнособственнические отношения буржуазного неравенства. Очень глубокий анализ находим у П.И. Новгородцева: «За два года до того, как Маркс выступил со своими статьями о грядущей человеческой эмансипации, Лоренц Штейн в сочинении «Социализм и коммунизм в современной Франции» (1842 г.) показал, что теория правового государства не только не исключает, а логически требует устранения социальной несправедливости, борьбы с эгоизмом сильных, защиты слабых и обездоленных. А двадцать лет спустя, как бы продолжая в этом отношении дело Лоренца Штейна, соратник Маркса по распространению социализма Фердинанд Ласаль обосновал прямую связь ограничения индивидуализма с идеей

¹ Так, например, именуется работы проф. А. С. Яценко «Синтетическая точка зрения в юридических теориях» (СПб., 1912) и «Опыт синтетической теории права» (Юрьев, 1912).

² Новгородцев П.И. Цит. соч. С. 182.

³ Представляется, что более всего марксистскому социалистическому интегративизму отвечает идея «интегрализма» П.А. Сорокина, в соответствии с которой знание будет развиваться в сторону создания обобщающей теории структуры и динамики различных социокультурных систем, когда их реально существующее противоречивое многообразие в перспективе будет трансформироваться в некий интегральный социокультурный строй. Он видел перспективы интегрировать все знание в целостную систему, включая не только гуманитарное, но и естественно-научное. В практическом отношении доходил до своеобразной концепции конвергенции. России и США (См.: Нерсисянц В.С., Лапаева В.В. Сорокин Питирим Александрович. Правовая наука и юридическая идеология России: энциклопедический словарь биографий. Т. 1. М., 2009. С. 673).

правового государства. Ошибка Маркса заключалась в том, что первые шаги правового государства он принял за его окончательные успехи, что по первому его выступлению он характеризовал самую его природу. Между тем, если новое правовое государство оказалось в силах разбить старые публично-правовые связи, основанные на привилегиях, почему не было бы у него возможности установить новые публично-правовые ограничения частного произвола, и уже не в виде привилегий, а на почве общего и единого для всех права. Великий успех объединения публично-правовой власти, который так хорошо характеризует Маркс, открывает возможность нового правообразования и в сфере публично-правового регулирования частной жизни»¹. Мы приводим эту пространную цитату, чтобы напомнить о «государстве социалистической законности», о пропаганде идей «социалистического правового государства» (как бы в исправление «ошибки Маркса») в перестроечные годы СССР и апологии идей правового государства в классическом духе буржуазного индивидуализма сразу в постсоветское время.

В любом случае мы убеждаемся, что Маркс различает право и закон. Есть убеждение, что здесь он следует материалисту Фейербаху, у которого «право есть нечто вторичное. Праву предшествует то, что не является правом, т.е. то, что есть больше права, что не является человеческим установлением. ...Право первоначально не зависит от закона, а, наоборот, закон зависит от права. Закон закрепляет только то, что является правом и по праву, только превращает право в долг для других»². Маркс нигде не выступает против закона как такового. Он за правовой закон и в этом его интегративный подход, одновременно позитивистский и естественно-правовой и социологический подход, поскольку все определяется жизненными закономерностями. В качестве неотъемлемых свойств закона Маркс видит его всеобщность и необходимость и все права, которые по своему содержанию противоречат им, «являются обычным бесправием; их нельзя поэтому отстаивать в противовес закону»³.

Отвергая историческую школу с апологией прусских реалий, он против того, чтобы смотреть на то, что есть позитивно, но он за то, чтобы оценивать сущее разумом. Если бы тогда была известна теория естественного права с изменяющимся содержанием, то Маркс не был бы против естественного права Гуго. Он в угоду диалектике восстал против консервации тех правил, которыми жили в естественном

¹ Новгородцев П.И. Цит. соч. С. 198.

² Фейербах Л. Собр. соч. Т. 1. С. 231.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М., 2014. С. 140.

состоянии. Не потому ли «говорить об естественной справедливости — бессмыслица»¹.

С гегельянских позиций, с позиций придания разумности правопорядку, устанавливаемому законами государства, Маркс обрушился на прусское законодательство о цензуре.

Особого внимания заслуживают интегративные подходы Маркса по вопросу соотношения государства и гражданского общества. В современной политической публицистике часто можно встретить их противопоставление или принижение роли государства по причине того, что не находят государству надлежащее место, а категория «политическое государство» наукой практически не разрабатывается. Анализ ранних работ Маркса позволяет прийти к выводу, что он нигде не отрицает государство во имя гражданского общества. Он интегрирует государство в общество.

Уже в самых многоликих определениях общества и государства просматривается интеграция разного. «Общество есть законченное сущностное единство человека с природой, подлинное воскресение природы, осуществленный натурализм человека и осуществленный гуманизм природы»². Возражая против спекулятивного мышления, в котором соотношение общества и государства ставится с ног на голову³, Маркс пишет: «В действительности семья и гражданское общество составляют предпосылки государства»⁴. Однако этим он не ограничивается, и для настоящей статьи не менее важно другое: «Семья и гражданское общество сами себя превращают в государство»⁵. И еще: «...Не государственный строй создаёт народ, а народ создаёт государственный строй»⁶.

При всей критике гегелевских позиций, Маркс признает: «Взгляд на политическое государство как на организм и, следовательно, взгляд на разделение властей не как на механическое расчленение, а как на расчленение живое и разумное, — знаменует большой шаг вперед»⁷. Отвергая крайне идеалистическое представление о животворящем разуме и идее государства, Маркс пишет: «В государстве необходимо должен господствовать сознательный разум; ...случайное [сплетение] «властей и функций» не может быть выдано за

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. М., 1961. С. 373.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. М., 1974. С. 118.

³ У Гегеля политический строй «звено в цепи развития идеи»; «различные власти» «определены природой понятия», «не их «собственной природой», а чужой природой»; у Гегеля ««понятие» является богом-сыном в боге-отце — «идее». У Маркса — мысль соотнобразится с природой государства, понятие отражает бытие государства.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М., 2014. С. 245.

⁵ Там же. С. 246.

⁶ Там же. С. 275.

⁷ Там же. С. 250.

разумное»¹. Как убеждаемся, это лишний раз свидетельствует о стремлении повенчать сущее с должным. Такого рода «венчание» с успехом возможно и применительно к праву.

Интегративное восприятие гражданского общества, государства и права проводится Марксом через философское соотношение содержания и формы: «Собственность, договор, брак, гражданское общество выступают ... как особые способы существования наряду с политическим государством, как содержание, к которому политическое государство относится как организующая форма...»².

Интегративность общества, (особой совокупности страт, сословий и представляющих их корпораций) и государства (живой организм властей и функций) как в реалии, так и в восприятии многомерных реалий, живет по закону единства и борьбы противоположностей. «Корпорации представляют собой материализм бюрократии, а бюрократия есть спиритуализм корпораций. Корпорация составляет бюрократию гражданского общества, бюрократия же есть корпорация государства. В действительности поэтому бюрократия противопоставляет себя как «гражданское общество государства» корпорациям как «государству гражданского общества»³.

Представляется, что бюрократия, воплощая дух государства, является связующей синтетической материей гражданского общества и государства. По Марксу «бюрократия» «есть «государственный формализм» гражданского общества. Она есть «сознание государства», «воля государства», «могущество государства»...»⁴.

Тождество между гражданским обществом и государством сконструировано Гегелем как «тождество двух враждебных армий, где каждый солдат имеет «возможность» путём «дезертирства» стать членом «враждебной» армии»⁵. Но Маркс видит, что этим правильно описывается современное эмпирическое состояние, что «члены правительства и государственные чиновники» образуют «главную составную часть среднего сословия», превозносимого Гегелем как «главную опору» государства.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М., 2014. С. 263.

² Там же. С. 276.

³ Там же. С. 296.

⁴ Там же. С. 297. Идея об отмирании государства появится в более поздних работах, но уже здесь становится понятным при каких условиях: «Упразднение бюрократии возможно лишь при том условии, что всеобщий интерес становится особым интересом в действительности, а не только — как у Гегеля — в мысли, в абстракции; это, в свою очередь, возможно лишь при том условии, что особый интерес становится в действительности всеобщим» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М., 2014, С. 300).

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М., 2014. С. 303.

Таким образом, «тождество» — это своего рода неразделенность общества и государства где «скрепой», опорой этого единства является средний класс (армия чиновничества).

Итак, Гегель исходил из раздельности «гражданского общества» и «политического государства» как двух прочных противоположностей, двух действительно различных сфер. И Маркс видел эту раздельность в реальном государстве. Но видел он и все противоречия гегелевской трактовки вопроса, поскольку «Гегель смешивает здесь государство, как совокупное целое существования народа, с политическим государством»¹. Здесь нет возможности подробно прокомментировать это положение. Для данной статьи важно отметить, что Маркс в критическом изложении Гегеля отмечает только крайние его позиции: «С высот своего политического спиритуализма Гегель везде опускается до грубейшего материализма»². Между тем, по теории Маркса государство только тогда соответствует своему понятию, когда оно представляется как осуществление разумной свободы. Поэтому государство надо строить на основе разума свободы. Не случайно великие мыслители (Макиавелли, Кампанелла, а впоследствии Гоббс, Спиноза, Гуго Гроций, вплоть до Руссо, Фихте, Гегеля) «стали рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта»³. Мы видим здесь не просто признание «естественных законов» государства, но их интегративную суть, выводимую из синтеза материалистического и идеалистического представления о появлении государства.

Точно также обстоит дело и с позитивным правом: «Прусское право берёт своё начало от философской школы... ...французский кодекс Наполеона берёт своё начало... от идей Вольтера, Руссо, Кондорсе, Мирабо, Монтескьё и от французской революции»⁴. «Законодатель же должен смотреть на себя как на естествоиспытателя. Он не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений»⁵. Как убеждаемся, волевая теория права («закон является сознательным выражением народной воли») совместима с объективными закономерностями («точка зрения законодателя есть точка зрения необходимости»), а они в свою очередь не отвергают «законы духовных отношений».

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М., 2014. С. 341.

² Там же. С.378.

³ Там же. С. 125.

⁴ Там же. С. 125.

⁵ Там же. С. 180.

«Новейшая философия, придерживаясь более идеальных и глубоких взглядов, исходит в своей конструкции государства из идеи целого. Она рассматривает государство как великий организм, в котором должны осуществиться правовая, нравственная и политическая свобода, причём отдельный гражданин, повинуюсь законам государства, повинуеться только естественным законам своего собственного разума, человеческого разума. *Sapienti sat.*»¹ Как убеждаемся, целостное системное представление о государстве предполагает интеграцию сущего с должным, одновременное воплощение в государстве и правовых, и нравственных, и политических начал. Маркс противится смещению Гегелем государства «как совокупного целого существования народа» с политическим государством, в котором «государство» тождественно «правительству».

Возвращаясь к зачислению Маркса в сторонники правового государства можно было бы сказать, что он скорее приверженец государства законности. В известном противостоянии Платона и Аристотеля Маркс на стороне последнего: «Я вообще не думаю, что личности должны служить гарантиями против законов; я, наоборот, думаю, что законы должны служить гарантиями против личностей»². Вместе с тем следует учитывать генезис позитивных законов, и мы вновь получим интеграцию теории государства законности с теорией правового государства.

Остается только оговориться, что в обществе своекорыстия, в атмосфере необузданного проявления частных интересов и закон, и право «расцениваются как препятствие»: «Интересу права предоставляется слово лишь постольку, поскольку он — право интереса, но интерес права должен умолкнуть, как только он вступает в коллизию с этой священной особой»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М., 2014. С. 126.

² Там же. С. 155.

³ Там же. С. 175. Уместно в связи с этим воспроизвести еще одно положение более чем реалистичное не только для Германии того времени: «Какой глупой и непрактичной является вообще иллюзия, будто возможен беспристрастный судья, когда законодатель пристрастен! Может ли иметь какое-либо значение бескорыстный приговор, если закон своекорыстен?» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М., 2014 (Протоколы шестого рейнского ландтага (статья третья)). Дебаты по поводу закона о краже леса. URL: <http://dparchives.narod.ru/marx/tom01.htm?oprd=1>)).

ДИАЛЕКТИКА ЮРИДИЧЕСКОГО И МЕТАЮРИДИЧЕСКОГО В РАБОТАХ РАННЕГО К. МАРКСА

А.С. Автономов

Сегодня трудно однозначно сказать, что именно и в какой степени повлияло на молодого К. Маркса при выборе факультета и университета. Учитывая, что его отец был практикующим юристом, а отец оказывал на него сильное влияние, на что обращает внимание Ф. Меринг¹, возможно, не без участия отца молодой К. Маркс выбрал именно юридический факультет. Хотя, вероятно, к такому выбору К. Маркса могла привести совокупность нескольких факторов. По крайней мере, в своём выпускном сочинении «Размышления юноши при выборе профессии» по окончании гимназии К. Маркс написал: «Мы не всегда можем избрать ту профессию, к которой чувствуем призвание; наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться ещё до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие»². Как известно, первый год учёбы К. Маркс провёл в Боннском университете, а затем перевёлся в Берлинский университет, о чём выражал пожелание Маркс-старший.

В университете К. Маркс, наряду с изучением юридических дисциплин, увлёкся философией, сблизился с кружком младогегельянцев. К. Маркс избирает себе карьеру учёного и преподавателя, надеясь поступить на работу в Боннский университет. Для этого он готовит и защищает в 1841 г. в Иенском университете диссертацию на

---

¹ Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни. М., 1957. С. 30–32.

² Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 3.

тему «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» («Differenz der demokritischen und epikureischen Naturphilosophie»). Не случайно выпускник юридического факультета обращается в своей диссертации к сугубо философской проблематике. Фактически, накануне начала работы над диссертацией в 1839 г. К. Маркс пишет работу, получившую наименование «Тетради по истории эпикурейской, стоической и скептической философии». Как справедливо отметил Н.И. Лапин, исследуя указанные «Тетради», на основе изучения связи развития философии с реальным миром на примере древнегреческой философии К. Маркс сделал вывод об историческом значении борьбы современных ему философских течений как политического фактора, активно преобразующего реальный мир¹.

Таким образом, К. Маркс, имея склонность и желание разобраться в сути вещей, уже на студенческой скамье осознал, что право невозможно объяснить из него самого, и потому обращается к философии, рассчитывая с её помощью овладеть инструментарием познания, в том числе правовых явлений. Вместе с тем уже в данной работе совсем ещё юного К. Маркса проявился подход к философии, характеризующий всё его творчество, а именно — диалектически-понимаемую неразрывную связь философии и практики, связь, в которой, с одной стороны, философские построения опираются на практику, а выводы, полученные в результате развития таких построений, проверяются практикой, с другой же стороны, философия предоставляет человеку орудия сознательного, целенаправленного, но отнюдь не произвольного преобразования практики. Через несколько лет (точнее, в 1845 г.) повзрослевший, но всё ещё молодой К. Маркс напишет: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»², в чём чётко, без обиняков выражен практикоориентированный характер теоретико-философской деятельности К. Маркса.

Собственно, вопрос о важности мыслимого диалектического единства теории и практики в ходе развития немецкой классической философии ставил ещё И. Кант, опубликовавший в 1793 г. небольшую работу «Об общепринятой сентенции: это может быть хорошо в теории, но не подходит для практики», явившуюся ответом на критику его (И. Канта) этических воззрений. В этой работе И. Кант остановился на практичности теории, отвечающей критериям истинности, причем не только в сфере морали, но и в сферах государственного и международного права. И. Кант начинает свою работу

¹ Лапин Н.И. Молодой Маркс. М., 1976. С. 59.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 4.

словами: «Само по себе воплощение практических правил называют *теорией*, если такие правила как принципы мыслятся в некоторой подразумеваемой универсальности, и при этом абстрагируются от множества условий, оказывающих всё же влияние на их практическое исполнение»¹. И далее он отмечает: «Только в теории, которая основана на *понятии обязательности*, озабоченность по поводу пустой идеальности этого понятия полностью отпадает. Ибо было бы не обязательно начинать с определенного влияния нашей воли, если бы это было невозможно и в опыте (теперь его можно рассматривать как совершённый или постоянно приближающийся к совершенному); и речь в настоящем трактате идёт только об этом типе теории»². И заканчивается работа кратким выводом: «То, что по разумным причинам относится к теории, относится и к практике»³. Хотя мне не удалось обнаружить в работах К. Маркса конкретных отсылок, но указанный трактат И. Канта был широко известен, да и сегодня хорошо знаком специалистам, читающим на немецком языке, поэтому скорее всего не обошёл он стороной и К. Маркса, занимавшегося многими философскими проблемами. Между тем К. Маркс, как уже говорилось, отстаивает не только тесную диалектическую взаимосвязь теории и практики, но и необходимость осуществления деятельности в соответствии с выводами теории, построенной на основе глубокого изучения практики. В этом отношении К. Маркс на новом уровне развития человеческой мысли возрождает древнегреческую традицию, согласно которой философию, в идеале, изучали для того, чтобы руководствоваться её положениями в практической сфере человеческой жизни.

По окончании юридического факультета Берлинского университета и защиты диссертации в Иенском университете по философской теме К. Маркс не отходит от права и правовой проблематики. Хотя в Боннском университете поработать К. Марксу, как изначально предполагалось, не довелось, он активно сотрудничает с «Рейнской Газетой» (*Rheinische Zeitung*) и вскоре становится её главным редактором (в 1842–1843 гг.). К. Марксу, освоившему философию Г.В.Ф. Гегеля, были знакомы его слова: «Когда говорят о противоположности между моральностью, нравственностью, с одной стороны, и *правом* — с другой, то под правом понимают лишь первое формальное право абстрактной личности. Моральность, нравственность, государственный интерес каждое в отдельности представляют собой особое право, так как каждая из этих форм есть определе-

¹ Kant I. Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis. 4. Auflage Berlin: Edition Holzinger, 2016. S. 6.

² Ibid. S. 7–8.

³ Ibid. S. 44.

ние и наличное бытие *свободы*. *Коллизия* между ними может произойти лишь постольку, поскольку все они находятся на одной и той же линии и являются правом»¹. Получается, по Г.В.Ф. Гегелю, что наличное право, выступая в качестве развёртывания в действительную жизнь идеи права, представляющей собой свободу, хотя и опирается на волю, не может и не должно являться произволом, а существует и развивается в соответствии с закономерностями движения объективного духа (несмотря на то, что сами понятия права и свободы подготовлены в лоне субъективного духа) в диалектическом восхождении понятия права от формального права абстрактной личности к конкретным формам в моральности и нравственности (семья, гражданское общество, государство). Для К. Маркса — это не просто умозрительные рассуждения или красивые слова. Он обращается к практике, вооружившись философским знанием, и вот с чем он сталкивается. В «Рейнской Газете» К. Маркс публикует ряд статей, посвящённых обсуждению Рейнским Ландтагом различного рода законопроектов, т.е. К. Маркс выступает в качестве юриста-аналитика.

Первая из его статей была посвящена свободе печати. Откликаясь на аргумент одного из депутатов, провозгласивших, что свобода печати есть составная часть свободы промыслов, К. Маркс заявил: «*Разве свободна та печать, которая опускается до уровня промысла?* Писатель, конечно, должен зарабатывать, чтобы иметь возможность существовать и писать, но он ни в коем случае не должен существовать и писать для того, чтобы зарабатывать»². К. Маркса явно не устраивает такой откровенно «промысловый», буржуазный подход к свободе. Он уточняет: «Выразим мысль оратора в обнажённом виде. На вопрос: что такое свобода? — он отвечает: “*промысловая свобода*”»³. От себя заметим, что оратор, требующий свободы печати как промысловой свободы, являет собой яркий образчик отчуждения человека от его собственной сущности в условиях капитализма: капиталист становится лишь функцией капитала, сам того не сознавая. Капиталу для существования нужно функционирование, а функционировать он может только через промысел (торговый, производственный, денежно-обменный и пр.), а человек (капиталист) превращается в придаток капитала, в средство, с помощью которого капитал функционирует. В силу такого своего отчуждённого (от своей человеческой сущности) состояния индивидуум ничего, кроме промысла, не видит и не считает значимым.

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 90.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 76.

³ Там же. С. 75.

Правда, в этой статье К. Маркс об отчуждении ещё не пишет, он напишет об этом позже в 1844 г. в «Философско-экономических рукописях» (а в XX в. с идеей «одномерного человека» [в 1964 г. увидела свет одноимённая книга¹] выступит Г. Маркузе, но его категория одномерности, на мой взгляд, беднее по своему содержанию категории отчуждения, используемой К. Марксом, и потому не даёт достаточных инструментов исследователю для раскрытия существа всех глубинных процессов социальной жизни). Тем не менее при рассмотрении дебатов рейнского ландтага К. Марксу ясно, что в результате такого подхода свобода не просто выхолащивается, но превращается в свою противоположность. Он пишет далее: «Провозглашение свободы печати одним из видов промысловой свободы — это такая защита свободы печати, при которой она умерщвляется ещё до защиты. Разве я не уничтожаю свободу характера, когда я требую, чтобы он был свободен на чужой лад? Твоя свобода — не моя свобода, говорит печать промыслу. Подобно тому, как ты подчиняешься законам твоей сферы, так и я хочу подчиняться законам своей сферы. Быть свободной по-твоему для меня всё равно, что не быть свободной вовсе...»². Поэтому К. Маркс объясняет, в чём же должна состоять свобода печати: «Главнейшая свобода печати состоит в том, чтобы не быть промыслом. Писатель, который низводит печать до простого материального средства, в наказание за эту внутреннюю несвободу заслуживает внешней несвободы — цензуры; впрочем, и самое его существование является уже для него наказанием»³. А раз свобода, воплощающаяся в идее права, превращается в свою противоположность, то с правом происходит то же самое. Хотя К. Маркс не написал об этом прямо в таких выражениях, но это очевидно каждому, кто знаком с гегелевским пониманием права, под влиянием которого во время находился и К. Маркс.

В статье, посвящённой дебатам о кражах леса и ужесточению наказания за это, К. Маркс выступил на стороне бедняков, используя для их защиты правовые основания. Изучая дебаты Ландтага и комментируя их, он требовал сохранения обычного права на пользование некоторыми лесными ресурсами. Он подробнейшим образом остановился на диалектике *обычая и закона*. «При господстве всеобщих законов, — пишет К. Маркс, — разумное обычное право есть не что иное, как *обычай установленного законом права*, ибо право не перестало быть обычаем от того, что конституировалось как закон, — оно

¹ В электронном виде на русском языке в переводе А. Юдина книгу Маркузе Г. «Одномерный человек» можно прочитать, например: <http://www.e-reading.club/book.php?book=86627> (дата доступа: 1 августа 2018 г.).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 75.

³ Там же. С. 77.

перестало быть *только* обычаем. Для того, кто руководствуется правом, право становится его собственным обычаем; правонарушитель же принуждается к тому, чтобы повиноваться праву, хотя оно и не является для него обычаем. Право не зависит больше от случайности — от того, разумен или неразумен обычай; обычай, наоборот, становится разумным, потому что право превратилось в закон, потому что обычай стал государственным обычаем»¹. Таким образом, К. Маркс дал краткую характеристику генезису законодательства, вырастающего из обычаев. При таком соотношении обычай не вступает в противоречие с законом, а закон — с обычаем, просто одна форма права переходит в другую форму, но при этом сохраняется содержание образующих обе эти формы норм.

Совсем в другом соотношении находятся сосуществующие одновременно обычай и законы и, прежде всего, обычаи, сложившиеся в прежние времена и сохраняющиеся правила, установившиеся в иных условиях, которых уже более не существует, и законы, принятые в интересах закрепления новых, не известных ранее отношений. По словам К. Маркса, «Как *обособленная область*, существующая наряду с тем правом, которое установлено законом, обычное право поэтому разумно только там, где это право существует *наряду с законом и кроме него*, где обычай есть *предвосхищение* установленного законом права. Об обычном праве привилегированных сословий и поэтому не может быть и речи. Закон признаёт не только их разумное право, но часто даже и их неразумные притязания»². Пользуясь характерным для гегелевской философии критерием разумности, К. Маркс чётко различает право, основанное на обычае и обеспечивающее базовые потребности, и право, также основанное на обычае, но закрепляющее сословные привилегии. Этим последним К. Маркс отказывает в разумности: «Но если эти обычные права благородных являются обычаями, противоречащими понятию разумного права, то обычные права бедноты — это права, противоречащие обычаям позитивного права. Содержание обычного права бедноты восстаёт не против формы закона, — оно, скорее, восстаёт против своей собственной неформленности. Форма закона не противоречит этому содержанию, но только оно не приобрело ещё этой формы. Достаточно самого небольшого размышления, чтобы увидеть, как *односторонне* рассматривали и должны были рассматривать просвещённые законодательства *обычные права бедноты*, наиболее богатым источником которых можно считать различные *германские права*»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 127.

² Там же. С. 127.

³ Там же. С. 127.

Особенно неблагоприятно для бедноты складывались обстоятельства, когда отменялись старые привилегии, с которыми были сопряжены некоторые гарантии малоимущих. Ликвидация привилегии подлежала той или иной компенсации, а «перед бедными были воздвигнуты новые преграды, отрезавшие их от старого права. Это имело место при всех превращениях привилегий в права. Вместе с этим устранялся и положительный момент, который был связан с этими злоупотреблениями и в котором также отразилось злоупотребление, поскольку право одной стороны было превращено в нечто случайное, но устранение положительного момента происходило не так, что законодательства претворяли случайное в необходимое, а так, что они от этого случайного абстрагировались»¹. Другими словами, при ликвидации путём превращения в права привилегий, которые в своё время устанавливались с добавлением к ним некоторых обязанностей по обеспечению интересов подвластно-зависимого населения, обязанностей, служивших даже определённым обоснованием введения таких привилегий, уничтожались и соответствующие обязанности, усугубляя и без того тяжёлое положение малоимущих, хотя и получавших некоторую поддержку при исполнении указанных обязанностей привилегированными лицами.

К. Маркс показал неустойчивый характер некоторых видов собственности, не относящихся ни исключительно к частной, ни исключительно к общей собственности, что сохранилось со времён Средневековья с его переплетением частного и общинного владения. По мысли К. Маркса, в лице законодателя «рассудок... уничтожил двойственные, неустойчивые формы собственности, применив к ним существующие категории абстрактного частного права, схему которых он в готовом виде нашёл в римском праве. Законодательный рассудок считал себя вправе уничтожить обязательства этой неустойчивой собственности по отношению к беднейшему классу, тем более, что он уничтожил и её государственные привилегии. Однако он забыл, что даже с частноправовой точки зрения здесь имелось двоякое частное право: частное право владельца и частное право невладельца, не говоря уже о том, что никакое законодательство не уничтожило государственно-правовых привилегий собственности, а только освободило их от их случайного характера и придало им гражданский характер»². Итак, К. Маркс, продолжая использовать в своём исследовании категориальный аппарат гегелевской философии, обнаружил, что перестройка законодательства на разумных началах, тем не менее, привела к уничтожению некоторых разумных прав (которыми

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 128.

² Там же. С. 129.

традиционно пользовались малоимущие слои населения), не заменив их ничем не менее разумным. И именно такое уничтожение разумных прав без какой-либо замены или компенсации служит источником конфликта, который государство пытается разрешить исключительно с помощью уголовно-правовых репрессивных мер, которые неразумно ужесточаются.

Попутно отметим, что в данной работе К. Маркс обращается к вопросам, которые можно было бы отнести к правовой психологии. В частности, он упоминает «правовой инстинкт» и «правовое стремление»: «Мы увидим, что в обычаях, являющихся обычаями всего бедного класса, с верным инстинктом подмечена эта *неоформленная* сторона собственности; мы увидим, что этот класс не только инстинктивно стремится удовлетворить жизненную потребность, но что он чувствует потребность удовлетворить своё правовое стремление»¹. Далее К. Маркс говорит об «инстинктивном чувстве права»: «В этих обычаях бедного класса живёт, таким образом, инстинктивное чувство права, корни этих обычаев положительны и законны, а форма *обычного права* здесь тем более естественна, что *само существование бедного класса* остаётся до сих пор не более как *обычаем* гражданского общества, не нашедшим ещё надлежащего места в кругу сознательно расчленённого государства»². Далее, правда, в вопросы правовой психологии К. Маркс углубляться не стал, что для того времени объяснимо тем, что в рассматриваемой его работе это было бы неуместно, а затем перед К. Марксом стояли иные насущные проблемы, требующие своего первоочередного разрешения.

К. Маркс затрагивает и вопрос о значимости профилактики преступности и роли законодателя в обеспечении упомянутой профилактики. «Мудрый законодатель, — замечает К. Маркс, — предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него. Но он сделает это не путём ограничения сферы права, а тем путём, что в каждом правовом стремлении уничтожит его отрицательную сторону, предоставив праву положительную сферу деятельности. Он не ограничится тем, что для членов одного класса устранил *всё то, что не даёт им возможности* подняться на более высокую ступень правовой сферы, а предоставит самому этому классу *реальную возможность* пользоваться своими правами. Но если государство является для этого недостаточно гуманным, богатым и великодушным, то, по крайней мере, безусловным долг законодателя — не превращать в *преступление* то, что имеет характер *проступка*, и то лишь в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 129.

² Там же. С. 130.

силу обстоятельств»¹. К. Маркс, как мы видим, видную роль в деле предупреждения преступности отводит государству, а в государстве, — прежде всего, законодателю. Однако открытым остаётся вопрос, можно ли все проблемы профилактики, указанные К. Марксом, решить исключительно в сфере права, не обращаясь к методам главным образом социально-экономического характера, учитывая тот факт, что и кражи леса совершались в основном малоимущими и неимущими людьми, которых на такие кражи толкала нужда и невозможность удовлетворить иным путём некоторые свои базовые потребности, о чём также пишет К. Маркс. Далее он обращает внимание на то, что «соблюдение народных обычных прав, — там, где они подавляются, — может рассматриваться только как простое *нарушение полицейских постановлений*, но ни в коем случае не может караться как преступление. Полицейское наказание есть средство против такого действия, которому обстоятельство придают характер нарушения внешнего порядка, но которое не является нарушением вечного правового порядка. Наказание не должно внушать больше отвращения, чем проступок, позор преступления не должен превращаться в позор для закона. Если несчастье становится преступлением или преступление — несчастьем, то это подрывает основы государства. Ландтаг, весьма далёкий от этой точки зрения, не соблюдает даже основных правил законодательства»².

К. Маркс не поднимает здесь вопроса о том, могут ли быть нормы надлежащим образом принятого закона неправовыми, по своей сути. В данном его исследовании получается, что и закон разумен пусть и с оговоркой, что при его принятии что-то такое недоучли, и обычай разумен, а, следовательно, по Г.В.Ф. Гегелю, действителен. Но обычай со всей очевидностью противоречит закону, и К. Маркс призывает не очень строго наказывать людей по закону, за соблюдение противоречащего ему обычая. Он использует понятия «нарушение внешнего порядка» и «нарушение вечного правового порядка», допуская, что одно и то же деяние может быть отнесено к первому, но не являться вторым, и никаких объяснений, как же это возможно, он не даёт. Ясно, что из этого противоречия надо было искать выход. В статье К. Маркс показал, что при обсуждении лесных законов господствовал узко понимаемый частный интерес, а вовсе не идея права, что формулировки, утверждённые Ландтагом, по сути, ведут к подрыву государства, и в силу этого Ландтаг не соблюдает даже основных правил законодательства. Однако ни государство не развалилось, ни идея права не восторжествовала. И во всём этом предстояло ещё разобраться.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 131.

² Там же. С. 131.

Возвращаясь к рассмотрению К. Марксом основного содержания дебатов Рейнского Ландтага по поводу лесных законов, обратим внимание на его вывод о том, что лесовладельцы, борясь с крестьянами, стремящимися сохранить существовавшее издавна обычное право и его трактовку, «наталкиваются на самое право, как на препятствие необузданному проявлению частных интересов, и право расценивается как препятствие»¹. Именно поэтому «для обеспечения своей власти над нарушителями лесных правил ландтаг не только переломал правую руку и ноги, но ещё пронзил ему сердце»². Конечно, такая деятельность Рейнского Ландтага никак не вязалась с усвоенным от Г.В.Ф. Гегеля пониманием права: «Право есть нечто святое вообще уже потому, что оно есть наличное бытие абсолютного понятия, самосознательной свободы. *Формализм* же права (а затем и формализм обязанности) возникает из различия между ступенями в развитии понятия свободы»³. Всё это требовало нового осмысления права как явления, обнаружения в нём элементов, обеспечивающих его самодостаточность и раскрытие факторов, находящихся вне права, но оказывающих серьёзное воздействие на его содержание и на развитие этого содержания.

В ещё большей степени потребность разобраться в указанных вопросах проявилась при подготовке статьи о дебатах в ландтаге по поводу правил разделения земельных участков. Ф. Меринг об этом пишет так: «Вместе с буржуазией Рейнской провинции Маркс стоял за свободный делёж земли. Ограничить свободу крестьянина в дележе земли значило бы присоединить к его физической нищете ещё и правовую. Но правовая точка зрения не решала вопроса. Французский социализм давно указывал на то, что неограниченное дробление земельных участков создаёт беспомощный пролетариат, и ставил такое дробление на одну доску с атомистическим обособлением ремёсел. Поскольку Маркс хотел заниматься этим вопросом, он непременно должен был выяснить своё отношение к социализму»⁴. Таким образом, практика показала недостатки гегелевского подхода в деле исследования конкретных правовых явлений, что потребовало обращения к теоретическим основам изучения права.

Так, фактически, сразу же по окончании работы в «Рейнской Газете» К. Маркс принимается за критическое исследование философии права Г.В.Ф. Гегеля. В объёмной (и неопубликованной в то время) рукописи «К критике гегелевской философии права» К. Маркс пишет

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 157.

² Там же. С. 158.

³ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 90.

⁴ Меринг Ф. Указ. соч. С. 69.

следующее: «Ведь у Гегеля речь идёт не о том, чтобы эмпирическое существование свести к его истине, а о том, чтобы истину свести к некоему эмпирическому существованию, и при этом первое попавшееся эмпирическое существование трактуется как реальный момент идеи»¹. К. Маркс в подходе Г.В.Ф. Гегеля (согласно которому идея права, будучи изначально истинной, существуя до какой бы то ни было правовой эмпирики, находит своё проявление в фактах эмпирической правовой действительности) не удовлетворяет отсутствие критериев, по которым можно было бы судить о том, насколько конкретные эмпирические юридические реалии соответствуют идее права, проявлениями которой они якобы являются, и нет ли каких-либо искажений идеи права, отхода от неё или случайных отклонений. Получается, что любой факт из юридической эмпирики служит проявлением идеи права, однако К. Марксу, изучившему законопроекты, внесённые в Рейнский Ландтаг, и дебаты по ним даже за в общем-то короткий промежуток времени, ясно, что это не так, и выше приводились примеры обнаруженных К. Марксом нестыковок между юридико-законопроектной эмпирикой и идеей права. И К. Маркс, который в тот период всё больше проникался материализмом под влиянием работ Л. Фейербаха, отмечает возможность движения в направлении, противоположном предлагаемому Г.В.Ф. Гегелем, а именно — от юридической эмпирики к постижению истинности правовых явлений.

Вместе с тем обращение к наследию других школ, представлявших свою теоретическую трактовку правовых явлений, не дало К. Марксу удовлетворительных, с его точки зрения, ответов. Если философия Г.В.Ф. Гегеля признавалась в рассматриваемое время официальной в Пруссии (и потому подлежащей обязательному преподаванию в прусских университетах), то в юридической вообще и в теоретико-правовой в частности сферах господствовала историческая школа права. С основами теории и практическими выводами исторической школы права К. Маркс хорошо ознакомился ещё в ходе слушания курсов по юридическим дисциплинам в Берлинском университете. Сильной стороной данной школы было то, что рассмотрение и интерпретация правовых институтов увязывались с особенностями и историческим развитием нации, обращающейся в своей правовой практике к таким институтам. Однако абсолютизация такого подхода вела к односторонним и не всегда адекватным действительности выводам. В опубликованной в 1844 г. в «Немецко-французском ежегоднике» («Deutsch-Französische Jahrbucher») работе «К критике гегелевской философии права. Введение» К. Маркс даёт следующую характери-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 263.

стику исторической школе права: «Школа, которая подлость сегодняшнего дня оправдывает подлостью вчерашнего, которая объявляет мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый, унаследованный, исторический кнут; школа, которой история показывает, как бог Израиля своему слуге Моисею, только своё a posteriori, — эта историческая школа права изобрела бы поэтому немецкую историю, если бы сама не была изобретением немецкой истории. Настоящий Шейлок, но Шейлок-лакей, — она при каждом фунте мяса, вырезаемом из сердца народа, клянётся своим векселем, своим историческим векселем, своим христианско-германским векселем»¹. Историческая школа права пробудила интерес к изучению позитивного права. Но в итоге, как пишет К. Маркс ещё в 1842 г. в публикации «Философский манифест исторической школы права»: «Один только вывод высказывают все они с одинаковой грубостью: *право произвола и насилия*»². Получается, что историческая школа права в ещё меньшей степени, чем философия Г.В.Ф. Гегеля, была способна помочь найти ответы на вопросы, стоявшие в то время перед К. Марксом.

Это был в определённом смысле переломный период в творчестве К. Маркса. В.И. Ленин, характеризуя его статьи в «Немецко-французском ежегоднике» (1844 г.), пишет: «В своих статьях в этом журнале Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий “беспощадную критику всего существующего” и в частности “критику оружия”, апеллирующий к массам и к пролетариату»³. И добавляет при описании литературного наследия К. Маркса (В.И. Ленин готовил, как известно, статью о К. Марксе для энциклопедического словаря «Гранат»): «Особенно замечательны статьи Маркса: “Введение в критику гегелевской философии права” и “К еврейскому вопросу”»⁴. Энциклопедический словарь «Гранат» выходил ещё в те времена, когда, по цензурным соображениям, не всё можно было сказать открытым текстом, да и многие работы К. Маркса не были известны, поскольку не публиковались, а имелись только в рукописи, тем не менее, характеристика 1844 г. (в том числе, и в связи с выходом в свет «Немецко-французского ежегодника») как этапного в его творческой жизни сохраняет свою актуальность и в настоящее время.

По словам Ф. Энгельса (в биографической статье «Карл Маркс», написанной в 1869 г.), «критика дебатов рейнского ландтага заста-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 416.

² Там же. С. 92.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 47–48.

⁴ Там же. С. 82.

вила Маркса заняться изучением вопросов, касающихся материальных интересов, и тут он пришел к новым воззрениям, не предусмотренным ни юриспруденцией, ни философией. Отправляясь от гегелевской философии права, Маркс пришел к убеждению, что не государство, изображаемое Гегелем «венцом всего здания», а, напротив, «гражданское общество», к которому Гегель относился с таким пренебрежением, является той областью, в которой следует искать ключ к пониманию процесса исторического развития человечества. Но наука о гражданском обществе — это политическая экономия, а эту науку можно было основательно изучить не в Германии, а только в Англии или во Франции»¹.

Сам К. Маркс впоследствии писал о своих выводах, к которым он пришёл в результате критического пересмотра философии права Г.В.Ф. Гегеля: «Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII в., называет “гражданским обществом”, и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии»². Таким образом, в середине 40-х годов XIX столетия К. Маркс приходит к выводу, что право невозможно объяснить только из самого себя. Как в своё время К. Маркс-студент обращается к философии, являющейся метаюридическим, для получения инструментария для освоения права, т.е. юридического, так и в это К. Маркс, исследователь, революционер, публицист, обращается к метаюридическому, в данном случае к политической экономии, для того, чтобы разобраться в основах существования человеческого общества для того, чтобы понять юридическое. К. Маркс не бросил право, он временно отошёл от него для того, чтобы вернуться к нему на новом уровне познания. Поэтому юрист и философ К. Маркс занялся, даже в определённом смысле вынужден был заняться политической экономией. Тем не менее в экономической теории К. Маркс добился огромных успехов. О его выдающемся вкладе в экономическую науку написал, в частности, американский экономист русского происхождения, лауреат Нобелевской премии по экономике за 1973 г. В.В. Леонтьев³. Но даже полностью завершить своё исследование по политической экономии К. Маркс не успел: при жизни вышел в свет только первый том его основопола-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 378–379.

² Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. М., 1952. Т. 1. С. 321.

³ См.: Леонтьев В.В. Современное значение экономической теории К. Маркса // Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М., 1990. С. 99–111.

гающего труда — «Капитала». И, конечно, не успел К. Маркс вернуться к праву на новом уровне познания.

Вместе с тем сказанное не означает, что К. Маркс вообще перестал заниматься правом, а также философией, историей, государствоведением и другими дисциплинами. В ряде работ К. Маркс касался вопросов права, причём некоторые из этих замечаний приобрели широкую известность. В частности, в «Манифесте Коммунистической партии» (увидел свет в начале 1848 г.) К. Маркс и Ф. Энгельс написали, обращаясь к буржуазии: «...точно так же как ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса»¹. На немецком языке это выглядит следующим образом: «...wie euer Recht nur der zum Gesetz erhobene Wille eurer Klasse ist, ein Wille, dessen Inhalt gegeben ist in den materiellen Lebensbedingungen eurer Klasse»². Как видно из приведённых отрывков на русском и немецком языках, перевод выполнен точно, смысловых и текстуальных нюансов, которые бы требовали дополнительных пояснений, не наблюдается. Я остановился на этом небольшом отрывке по двум причинам. Во-первых, в течение долгого времени в нашей стране (да и не только в ней) на этот отрывок ссылались и ссылаются как на классическое марксистское определение права, делая вывод о том, что право — это воля господствующего класса, возведенная в закон. Я не буду делать ссылок в доказательство того, что данное определение широко используется в специальной литературе, ибо таких публикаций (учебников, монографий, статей) несть числа. Сегодня кто-то критикует данное определение, кто-то поддерживает, кто-то нейтрально ссылается как на марксистский подход к праву, наряду с другими подходами. Во-вторых, «Манифест Коммунистической партии» был написан К. Марксом и Ф. Энгельсом (начали его писать в конце 1847 г.) всего через три года после выхода в свет «Немецко-французского ежегодника» и через четыре года после окончания работы К. Маркса в «Рейнской газете», поэтому, по крайней мере, в этой фразе, посвящённой буржуазному праву, отразились выводы, сделанные К. Марксом в статьях, посвящённых правовой проблематике и опубликованных в указанных печатных изданиях.

Обратим внимание на то, что высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса о буржуазном праве выдержано в критическом и даже обвинительном ключе в череде других критических замечаний относительно буржуазных идей, буржуазной семьи, буржуазного образования и т.д.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 443.

² Marx K. und Engels F. Manifest der Kommunistischen Partei. Nach dem Text der letzten von Engels besorgten deutschen Ausgabe von 1890, sämtliche Vorreden und Anmerkungen enthaltend. Heidelberg am Neckar: vulure-bookz.de, 2005. S. 12.

Более того, праву не выделено даже отдельного предложения, в то время как образованию, воспитанию, собственности, семье, личности и другим социальным институтам посвящено по абзацу и более. А это делает правомерным вопрос: а хотели ли К. Маркс и Ф. Энгельс дать в этом документе именно фундаментальное определение классового (на примере буржуазного) права?

Конечно, жанр Манифеста не предполагает глубоких и теоретических изысканий, он предполагает провозглашение уже готовых постулатов и выводов, сделанных на основе исследований, результаты которых опубликованы в других изданиях. Но если выводы о характере собственности и изменчивости форм собственности в истории, о производстве и производственных отношениях, о классах и классовой борьбе и некоторые иные выводы могут быть обнаружены в других трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, то именно такое определение права нигде не обнаруживается, хотя о классовой природе права и К. Маркс и Ф. Энгельс говорили, как и классовой природе практически всех общественных институтов в классовом обществе. Неудивительно, что К. Маркс и Ф. Энгельс воздерживались от того, чтобы дать фундаментальное определение права, хотя в той или иной мере касались в своих работах правовой тематики. Как уже было показано выше, молодой К. Маркс, столкнувшись с тем, что право — многогранное явление, для постижения которого требуется учёт многих метаюридических факторов, занялся политической экономией, но не успел на протяжении всей своей жизни завершить свою основную работу в данной сфере — «Капитал». Поэтому, естественно, он не успел перейти и к фундаментальным исследованиям в других областях, в том числе и в праве.

Время написания «Манифеста Коммунистической партии» — рубеж 1847 и 1848 гг. — также вызывает сомнения в том, что К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали буржуазное право именно в качестве права господствующего класса, поскольку в это время даже в Европе ещё сохранялись феодальные и полуфеодальные государства, где буржуазия ещё только стремилась стать господствующим классом, что и проявилось в характере революций 1848–1849 гг. в ряде стран. А в «Манифесте» говорится о буржуазном отношении к праву вообще вне зависимости от того, стала ли буржуазия господствующим классом или пока ещё нет, хотя в общей тенденции неизбежной смены феодализма капитализмом К. Маркс и Ф. Энгельс не сомневались (но это свою уверенность они также обосновывали в других работах).

Стиль, в котором написана эта часть «Манифеста Коммунистической партии», также наводит на размышления о том, хотели ли К. Маркс и Ф. Энгельс представить здесь какие-то фундаментальные

определения (в том числе и определение права). Стиль является обличительным, и К. Маркс и Ф. Энгельс от имени пролетариата бросают буржуазии упреки и обвинения в том, что они пытаются опорочить коммунистов, в то время как и капиталистическая собственность не является единственной формой собственности, и буржуазное образование имеет существенные изъяны, и буржуазная семья отнюдь не идеальна и т.п., а пролетарии, придя к власти под руководством коммунистов, как раз способны избавиться во всех сферах жизни от общественных пороков, неискоренимых в буржуазном обществе. То же самое относится и к праву. Не случайно К. Маркс и Ф. Энгельс используют выделительную (или ограничительно-выделительную) частицу «лишь» (в немецком тексте «nur»). Переиначив приведённую выше фразу, можно было бы сказать, что «ваше право и не право вовсе, а лишь возведенная в закон воля вашего класса». К. Маркс и Ф. Энгельс не делают таких пояснений, что объяснимо. Во-первых, о праве говорится вскользь, как бы между прочим, в связке с идеями, и дополнительные пояснения удлинляли бы и утяжеляли бы всё предложение, что, конечно же, не соответствовало бы ни жанру, ни форме, ни стилю такого документа, как Манифест. Во-вторых, авторам представляется всё понятным и без дополнительных пояснений. Ведь всего несколько лет назад в «Рейнской Газете» К. Маркс опубликовал серию статей о дебатах в Ландтаге, и в этих статьях, в особенности, в статье о дебатах по поводу лесных законов он писал (ещё раз процитирую), что «*для обеспечения своей власти* над нарушителями лесных правил *ландтаг* не только *переломал праву руки и ноги*, но ещё *пронзил ему сердце*»¹ (выделено мной — А.А.). Обратим внимание на то, что, по словам К. Маркса, Ландтаг силами заседавших в нём лесовладельцев не изменил право, а уничтожил его, переломав руки и ноги и пронзив сердце. Другими словами, для К. Маркса такое неприкрытое одностороннее потакание интересам собственников в ходе установления законодательных правил при циничном игнорировании принципов права является уничтожением права, отказом от него. Такой же подход к праву сохранялся у К. Маркса и в «Манифесте Коммунистической партии», поэтому ему не представлялось необходимым давать какие-то пояснения. На тот момент и подход к праву сохранился, и вопросы остались.

Действительно, важно выяснить, вследствие чего, как и откуда берутся господствующие классы, но не менее важно понять, как возможно право при наличии господствующих классов и циничном их пользовании своими возможностями. О существовании права свидетельствует эмпирический опыт людей, причём существует,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. С. 158.

несмотря на злоупотребления, и очевидно, что в отсутствие права злоупотреблений было бы больше. Право представляет собой один из важнейших регуляторов общественных отношений на определённой ступени развития человечества, поэтому в его существовании заинтересованы все, и как раз вследствие этой всеобщей заинтересованности в праве его могут использовать в своих интересах господствующие классы, опираясь на преимущества своего господства. При этом и господствующие классы при всём цинизме и своекорыстии в силу тех или иных обстоятельств вынуждены считаться с юридическими нормами и принципами права, в противном случае их господство длится сравнительно недолго, и подчинённые классы могут выступать против отдельных законоположений и даже, возможно, против каких-либо принципов, но не против права в целом, поскольку сами заинтересованы в регулировании определённых отношений. Переплетение и постоянное изменение соотношения юридических и метаюридических факторов в генезисе, бытовании и движении права требует постоянного углубления знания о праве.

ДИАЛЕКТИКА К. МАРКСА И СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ В ПРАВОВЕДЕНИИ

Н.А. Власенко

Либерализм и развитие методологических теорий права. Обилие идей по формированию и внедрению новых методологий в правоведении, остракизм диалектики Гегеля, марксизма становятся приметой современной отечественной теории права. По данным проблемам юридической науки активно проводятся научные конференции, «круглые столы», семинары и т.д. Возникает вопрос — что является причиной такой активности и одновременно пестроты взглядов и мнений, вала «новизны» по ключевому вопросу юриспруденции? Размышления на эту тему привели к следующему. Одна из основных причин такой ситуации — в господстве того или иного *типа мышления*. Известно, что логическое историческое мышление включает интеллектуальные операции (анализ, синтез, индукция и др.), позволяющие моделировать существенные свойства и взаимосвязи исторических явлений¹. По содержанию историческое мышление — ценностно-рациональное, которое с помощью оценок и шкалы ценностей *превращает ту или иную идеологию в систему взглядов на роль и значение общественных или экономических явлений*. Нет сомнений в том, что в современной России господствует либеральное мышление и его продукт — либеральная идеология. И здесь важно принять во внимание следующее. Господствующее в стране либеральное мышление имеет свои исторические корни и, как минимум, уходит в XIX век, а своим происхождением обязано французской и

¹ Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1976. С. 366–367.

английской буржуазным революциям. Именно тогда идеи «равенства», «братства» и др. стали господствующими. В этой связи интересны суждения В.Н. Кудрявцева, сформулированные им в его в общем малоизвестной, но интересной книге «Равноправие и равенство». Автор отмечает следующее: «Великая Французская революция «коренным образом» изменила общественное устройство, идеологию и политическую практику не только во Франции»¹. И далее учёный указывает, что «на смену либеральным теориям и призывам пришли новые концепции, в частности, так называемый либертаризм (Д. Локк, А. Смит и др.)»².

Либеральное буржуазное мышление и его результат — буржуазная идеология — не стояли на месте и развивались вместе с обществом, политикой, государственностью и, как итог, на смену им пришла более строгая, более корректная либеральная идеология, получившая название «неолиберализм». Новый этап, XIX—XX вв., стал ориентироваться на такие ценности как государство, публичная власть, парламентаризм, права личности и др. Таким образом, следует вывод — либеральное мышление, либеральная идеология прошли определённые *этапы исторического развития* — от, образно говоря, эмоционального «равенство», «свобода», «братство» до ценности государства, парламентаризма, права, законности и др. Несомненно, развитие либеральных ценностей, их модернизация продолжают и по настоящий день.

Вернёмся к современному отечественному правоведению. Современная российская правовая наука и её ценностная парадигма, к сожалению, «топчутся» на этапе раннего европейского либерализма конца XVII и начала XVIII вв. В современной теории права система либеральных взглядов, либеральное мышление, либеральная теория характеризуются как «одна из наиболее передовых, а главное — истинно светлых и мудрых человеческих теорий»³. Действительно, человеческий путь развития за последние, по крайней мере, три столетия связан с ориентацией на либеральные ценности — человек, его свобода, личность, её достоинство, права и их гарантии. С.С. Алексеев в этой связи идёт, пожалуй, дальше всех, говоря о движении общества от традиционных цивилизаций к либеральной цивилизации, центром и смыслом которого становится человек⁴.

Дух либерализма, его ценностные ориентиры, во-первых, «освободили» энергию учёных, сформировавшихся в советский период и

¹ Кудрявцев В.Н. Равноправие и равенство. М., 2017. С. 31 (репринтное воспроизведение издания 2007 г.).

² Там же. С. 32.

³ Алексеев С.С. Философия права. М., 1998. С. 302.

⁴ Там же.

работающих на поприще юриспруденции, прежде всего, теории права. Безусловно, ореол быть инициативным, оригинальным, индивидуальным притягивает; учёный не загнан как в советском прошлом тоталитарным режимом в рамки, определяющие и диктующие, что исследовать, с помощью какой методологии. Во-вторых, в современную юридическую науку активно входит научная молодёжь — первое поколение, не жившее и не испытывавшее на себе правила и требования советской диктатуры. В результате в настоящее время ряд учёных старшего поколения правоведов, «сбросив оковы», с необузданной силой ищет адекватную методологию, понятие права и другое, по существу мало что предлагая, а если и предлагая, то вещи не бесспорные, часто — модификации. Поколение научной молодёжи либо «само изобретает» методологические основы, либо часто без аргументации цитирует «передовые» методологические приёмы.

Итак, господство либеральной идеологии особенно заметно в поиске новых методологий. Надо сказать больше — либеральное мышление где-то материализуется в поиске новых методов, в том числе познания права. Безусловно, поиск новых методов исследования нужно только приветствовать, и это аксиоматично для любой науки, в том числе и юридической. Её методологический арсенал, веками предопределённый свойствами и особенностями правовой материи, должен развиваться. Смущает другое — прежде всего, сетования в абсолютности предлагаемого метода, эмоции по принципу «ну, наконец-то, нашлось то, что всё «объяснит». В итоге современное отечественное правоведение бурно «цветёт» предложениями по «совершенствованию» методологического инструментария по известному принципу «пересекайте границу, засыпайте рвы».

Итак, современное либеральное мышление предпринимает немалые усилия в деле переосмысления диалектики в познании права и его ключевых характеристик. Между тем, пока то, что достигнуто отечественной юридической наукой и убедительно доказано, отодвинуть в сторону не удаётся. Речь идёт о методе юридической науки, основанном на диалектике Гегеля, об определяющих признаках права и таких его характеристиках, как волевая нормативность, генетическая и функциональная связь с государством (правотворчество и обеспечение реализации правовых норм) и его обусловленность человеческой практикой (экономикой, политикой, интересами и др.)¹.

Подчеркнём, я не сторонник каких-то запретов на поиск новых методов и приёмов в юридической науке, их роли в более всесторон-

¹ Черданцев А.Ф. Интегративное непонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 16.

нем и глубоком познании государственно-правовых явлений. Проблема в другом — в абсолютизации методологического приёма, обосновании его в единственно верную методологическую парадигму, отрицающую диалектику Гегеля. И никак нельзя согласиться с вульгаризацией, где-то опощением диалектического познания, сформулированного Платоном и великим Гегелем, плодотворно и творчески примененного К. Марксом и др.

Либерализм, марксизм и современная теория права. Не так давно один из аспирантов при обсуждении его диссертации, посвящённой роли новой методологии в праве, на мою реплику о значении его исследования ответил, что это, по крайней мере, позволит быстрее «освободиться» от марксизма... Более того, к сожалению, в период 200-летнего юбилея К. Маркса жесткому остракизму подверглось его учение ведущими газетными изданиями России¹.

В продолжение сказанного возникает вопрос: что заставляет молодых учёных, да и поколения постарше, подвергать остракизму марксизм? Иногда думаю, что они просто не читали раннего Маркса, не удосужились поразмыслить над тем, что в основе методологии марксизма лежит диалектика Гегеля и др. Но и наше поколение не без вины. Например, в отечественном правоведении до сих пор нет сколько-нибудь глубокого исследования скажем под условным названием «К. Маркс как теоретик права», где нужно было проиллюстрировать метод Маркса, его понимание права, естественного права, позитивного, роли общества, государства, воспитания государством человека и др. Быть может, это хоть в какой-то мере предотвратило бы «холодную войну», объявленную марксизму. Справедливости ради отметим, в советский период марксистско-ленинскому пониманию права было посвящено немало трудов. Но, как отмечалось, все они сопровождались строгими идеологическими рамками. Однако либеральное мышление в современной юриспруденции господствует около тридцати лет, но интерес к марксовской теории права пока не появился.

При этом даже беглый взгляд на ранние работы К. Маркса не может не восхищать и не заинтересовать исследователя. Так, Маркс даёт блистательную характеристику государству, его идеальной модели посредством выполнения им общественной и воспитательной роли. «В действительности же истинная «общественно-воспитательная роль» государства, — пишет он, — заключается в его разумном и общественном бытии. Само государство воспитывает своих членов тем путём, что делает их членами государства, что превращает част-

¹ См., например: Андреев Н. Карл Маркс: сжечь Одессу, разрушить Севастополь // Российская газета. 2018. 4 мая.

ные цели во всеобщие, грубый инстинкт — в нравственные склонности, природную независимость — в духовную свободу; тем путём, что отдельная личность сливается с жизнью целого, а целое находит своё отражение в сознании каждой отдельной личности»¹. Итак, на что обращает внимание Маркс:

1) то, что в основе построения и функционирования государства — разум и социум, с чем не поспоришь и не назовёшь «устаревшим» и ненужным; возникает вопрос — насколько разумно современное государство, какова роль социума как основы государственности;

2) государство должно воспитывать своих членов, «делать их членами государства»; разве в нашей современности кто-то может поспорить о необходимости и тем более излишестве воспитательной функции государства. Наоборот, в Российской Федерации именно этого не хватает — воспитания, в первую очередь молодёжи, культивирования истинных, выверенных практикой ценностей;

3) государство, по Марксу, свойственные человеку инстинкты должно превращать в «нравственные склонности», свойственную природную независимость — в «духовную свободу»; здесь не стоит спешить, нужно задуматься над глубиной мысли учёного: он противопоставляет социальный механизм, как плод разума, животным началам в человеке — инстинктам; он культивирует задачу государства в воспитании «нравственных склонностей» и «духовной свободы»; можно ли возразить этому, и в полной ли мере в современной социальной практике данная задача воплощается? И здесь вывод напрашивается сам собой: подход Маркса к пониманию социальной роли государства не только не устарел, но и в полной мере не получил осмысления наукой, в том числе юридической;

4) мысль Маркса о том, что личность должна сливаться с «жизнью целого, а целое должно находить своё отражение в сознании каждой отдельной личности», намного сильнее и ярче современной, где-то модной, философии социализации и идентичности личности, проповедники которой часто ограничиваются суждениями о социализации как комфортной адаптации личности в обществе. Здесь же, подчеркнём, речь идёт о роли государства в установлении важнейшей связи личности и целого (общества, государства) и «отражении целого» в сознании личности².

Заметим, что данными положениями характеристика необходима для общества модели государства у Маркса не заканчивается. Чуть ниже он пишет, что государство — это ещё и союз свободных

¹ Маркс К. Передовица в № 179 «Кёльнская газета» (сведения из Интернета).

² Маркс К. Указ. соч. С. 116.

людей, «взаимно воспитывающих друг друга»¹. Здесь Маркс даёт понять, что демократическое государство может быть только в случае, если зиждется на «союзе свободных людей». Обратите внимание, ни о каком союзе рабочих и т.п. речи не идёт. Ставится вопрос союза *свободных* людей, и не более того, причём воспитывающих друг друга.

В связи с этим идея Маркса об «эмансипации и обратном отвоёвывании человека» особенно актуальна для современной России. Очевидно, что её не решить, по выражению Маркса, с помощью «грубого и непродуманного коммунизма», но разумное изменение внутренней политики, в частности по отношению к распределению собственности, направлению расходования бюджетных средств, есть определённая гарантия и условие действий по «отвоёвыванию человека».

Проблемы, поднятые К. Марксом в его известной статье «Дебаты по поводу закона о краже леса», созвучны с аналогичными в современной России. «Российская газета» с некоторым пафосом сообщает: «Валежник с 1 января 2019 года можно будет спокойно собирать для собственных нужд. Валежником, — далее сообщает Газета, — считаются поваленные деревья, кустарники или их части, повреждённые из-за непогоды или по иным естественным причинам. Поправки приравнивают валежник к недревесным лесным ресурсам — ягодам и грибам... Теперь валежник перестанет трактоваться как платные лесные ресурсы, его сбор с 1 января 2019 года больше не будет правонарушением»². Это действительно так, в Лесной кодекс Российской Федерации в статью 32 внесены соответствующие изменения³. И это очень большой вопрос, особенно для жителей сельской местности, дачных посёлков и др. Как говорится, из леса нельзя вынести ни палки, ни сучьев, ни сгнивших пней и т.д. Жаль только, что введение в действие настоящего закона с 1 января 2019 г. Почему не с момента опубликования? Вопрос ведь жизненно важный — тепло в доме, приготовление пищи и др.

Не об этом ли 180 лет назад писал К. Маркс, доказывая как юрист, что валежник — не пиловочный лес, это лесоотходы, его сбор — естественное право человека, проживающего рядом с лесным участком?!

Завершая, отметим: В.И. Ленин был глубоко прав, когда заметил, что «нельзя вполне понять «Капитал», и особенно его первую главу,

¹ Маркс К. Указ. соч. С. 116.

² Березина Е. Ствол выстрелил // Российская газета. 2018. 20 апреля.

³ См.: Федеральный закон Российской Федерации «О внесении изменения в ст. 32 Лесного кодекса РФ» от 18 апреля 2018 г. № 77-ФЗ // Российская газета. 2018. 20 апреля.

не проштудировав и не изучив всей логики Гегеля»¹. Думаю, что это актуально и в настоящее время.

Гегель, Маркс и современная теория познания. Методологической основой марксизма является теория познания и основанная на ней диалектическая и материалистическая логика. Ключевые позиции теории познания: вещи как объекты познания существуют объективно, независимо от познающего субъекта («вещи в себе»); однако они доступны человеческому познанию («вещи для нас»); знания, их содержание объективно и не зависит от сознания людей и внешнего мира; мышление есть опосредованное познание, основанное на ощущениях, восприятии, представлении, результатом которого являются понятия, законы; важнейшим элементом познания выступает процесс абстракции; в процессе абстрагирования появляются идеальные объекты² в виде понятий, гипотез, концепций теории и др. Диалектическая логика постулирует, что в познании всё должно рассматриваться в непрерывном движении, изменении и развитии; всесторонность — основа рассмотрения и анализа; и др. Материалистическая логика, подчеркнём, — то, что, по мнению М.Н. Марченко, разработано «философами — марксистами»³ и предполагает рассмотрение государства и права как явлений социальных, составляющих неотъемлемый элемент общественного устройства, необходимых социальных институтов, предопределяемых экономикой и политикой, и т.д. Ключ, основа материалистического метода в историческом познании применения диалектического инструментария — рассмотрение явления (в нашем случае — государства и права) с позиции возникновения, становления и развития.

Это устоявшаяся и достаточно схематическая основа гегелевского метода познания, обогащённая К. Марксом, Ф. Энгельсом и В.И. Лениным. О последнем достаточно, как аргумент, вспомнить его лекцию «О государстве»⁴.

Так чего же не хватает авторам, подвергающим холодному остракизму марксизм, а вместе с ним, как отмечалось, диалектику Гегеля, Канта и других столпов мировой философии?

Отрицая Маркса — «сына Запада», мы отрицаем западно-европейскую философию. Надо понять, что система идей, именуемая марксизмом, — это результат развития «западной культуры», или если быть совсем точным, — западно-европейской цивилизации. Однако именно к этой цивилизации тянулась Россия, по подсчётам истори-

¹ Цит. по книге: Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. С. 166.

² Об идеальных объектах в процессе познания относительно материи права см.: Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 8–22.

³ Марченко М.Н. Советское и постсоветское государство и право. М., 2017. С. 18.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. 1980.

ков, начиная с XV века. Западная цивилизация, по мнению замечательного философа Э.В. Ильенкова, на протяжении последних столетий была бесспорным авангардом всей земной цивилизации, всей материально-технической и духовно-теоретической культуры земного шара¹. По существу отказ от Маркса, его методологии — это отрицание передовых традиций, опыта в научных исследованиях, где-то отрицание и собственного научного опыта в сфере государственно-правовой материи. Льюис А. Козер, известный американский исследователь творчества К. Маркса, писал: «Принято утверждать, что Маркс создал свою теорию на основе трех составных частей: немецкого идеализма в его гегелевском варианте, французской социалистической традиции и английской политической экономики»².

Итак, человечеством, его лучшими представителями создано величайшее, что есть у общества, — теория познания, логически выстроенная, живая, способная ещё многие столетия приносить социальную пользу. Эта польза прежде всего измеряется возможностью человека воспроизводить самого себя. Попытки отрицать господствующий механизм познания, который мы связываем с именами Платона, Гегеля, Канта, Маркса и другими славными именами, по нашему мнению, существенного ущерба отечественной методологии не нанесёт. Однако и пользы от этого мало, особенно для научной молодёжи. Время расставит на свои места всё. Это произойдёт и с методологическим арсеналом юридической науки.

¹ См.: Ильенков Э.В. Философия и культура. С. 156.

² Козер Л.А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М., 2006. С. 39.

МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА В ПОЗИТИВИСТСКОЙ ДОКТРИНЕ РОССИЙСКИХ ПРАВОВЕДОВ

В.М. Сырых

Марксистская теория права у советских правоведов не получила дальнейшего развития, они довольствовались фальсифицированными представлениями Прокурора СССР А.Я. Вышинского. Согласно его представлениям, марксизм понимал право в чисто *позитивистском* духе как волю господствующего класса возведенную в закон, а в законе видел действенное средство правового регулирования. Парадокс состоит в том, что изложенные выводы прокурора СССР, несмотря на то, что никаких отношений к марксистской доктрине не имеют, по настоящее время разделяются большинством российских правоведов. Не только российские теоретики права, но и ведущие специалисты в области истории правовых и политических учений без каких-либо сомнений и оговорок в своих учебниках излагают марксистское понимание права... по *А.Я. Вышинскому*, интерпретируют право как волю господствующего класса, в праве видят регулятор общественных отношений, а общественное отношение понимают как любую социальную связь между двумя и более лицами¹.

---

¹ История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста. М., 1999. С. 504–509; Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В. История политических и правовых учений СПбГУ. 2007. С. 335–336; Марченко М.Н., Мачин И.Ф. История политических и правовых учений. М., 2007. С. 296; История государственно-правовых учений / под ред. В.В. Лазарева. М., 2006. С. 508.

Формирование принципов материалистического понимания закономерностей становления и развития человеческого общества К. Маркс и Ф. Энгельс завершили в 1847 г. в работах «Святое семейство» (1845 г.), «Немецкая идеология» (1845–1846 гг.), «Нищета философии» (1847 г.), а свои представления, выводы они изложили в популярной форме в работе «Манифест коммунистической партии». В названных работах вполне правомерно было уделено значительное внимание роли права, как одному из ведущих компонентов общества, призванному обеспечивать в обществе стабильный, устойчивый правопорядок. При этом, имеются прямые высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что: 1) действительное право представляет собой форму общественных экономических отношений, а не волю господствующего класса; 2) право не регулирует общественные отношения, а закрепляет их; 3) общественные отношения выступают синонимом производственных отношений, все иные отношения понимаются ими как политические отношения; 4) право — это правила поведения, изобретенные обществом, а законы предстают не более, чем правовыми актами, закрепляющими волю государства.

К. Маркс с сарказмом пишет о попытках г-на Гейцена *урегулировать* собственность на разумных основаниях, отвечающих чувству справедливости добродетельных мужей, поскольку экономические законы с бездушной необходимостью должны обратить в прах все справедливые «мероприятия»¹. Возражая Прудону, К. Маркс признает, « что во все времена государи вынуждены были подчиняться экономическим условиям и никогда не могли предписывать им законы. Как политическое, так и гражданское законодательство всего только *выражает, протоколирует требования экономических отношений*². *«Иллюзия, будто закон основывается на воле, и притом, на оторванной от своей реальной основы, свободной воле»* основывается на очевидном факте закрепления государством политической воли в законе в форме общеобязательных установлений. Поэтому и право в свою очередь сводится к закону³. Изложенные принципы материалистической теории права получили дальнейшее обоснование и развитие в более поздних работах классиков марксизма.

Чтобы понять, насколько позитивистское представление о праве, «регулирующем общественное отношение» противоречит марксистской доктрине, необходимо прежде всего уяснить ее трактовку «общественных отношений», которая принципиально отличается от позитивистских. Если в позитивистском понимании любая со-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 317.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 112.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 63.

циальная связь между двумя и более субъектами права признается общественной, обязательность которой придается законодателем, то К. Маркс и Ф. Энгельс общественное отношение понимали в ином качестве, которого советские и современные авторы либо не знают, либо делают вид, что не замечают. В марксистской теории, с первых этапов ее формирования установилось понимание общественного отношения как экономического, имеющего объективный и независимый от воли субъектов характер.

Формулируя материалистическое понимание структуры общества, К. Маркс писал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производственных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественные бытие определяет их сознание»¹.

Далее, экономические отношения имеют более сложное строение, нежели простая связь в виде той или иной совокупности взаимосвязанных прав и обязанностей. Ф. Энгельс отмечал, что экономические отношения представляют собой «способ, каким люди определенного общества производят средства к жизни и обменивают между собой продукты (поскольку существует разделение труда). Таким образом, сюда входит *вся техника* производства и транспорт. Эта техника, согласно нашим взглядам, определяет также и способ обмена, затем способ распределения продуктов и тем самым после разложения родового строя также и разделение на классы, отношения господства и подчинения, государство политику, право и т.д. В понятие экономических отношений включается далее и *географическая основа*, на которой эти отношения развиваются и фактические, перешедшие от прошлого остатки прежних ступеней экономического развития, ... а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму»².

Таким образом, экономические отношения общества это отношения производства, распределения, обмена и потребления произведенных материальных благ, взятые в их конкретно-исторических

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6–7.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 174.

условиях, включают в себя: 1) технику производства и транспорта; 2) географическую основу; 3) остатки прежних ступеней экономического развития; 4) внешнюю среду, т.е. состояние экономики в других государствах и международно-правовых отношений. Необходимость такого комплексного подхода к пониманию экономических отношений обусловливается несомненным влиянием на эти отношения названных природных и социальных факторов. Именно эти экономические отношения классики марксизма понимали как общественные отношения и отличали их от политических правоотношений, действующих в сфере публичного права. В сфере политики, государственного управления, по их убеждению, действуют политические отношения. «Индивиды, писали они, определенным образом, занимающиеся производственной деятельностью, вступают в определенные общественные и политические отношения»¹.

Таким образом, общественное отношение — это сложная взаимосвязь хозяйствующих субъектов, состоящая из *экономического содержания и правовой формы*, способа взаимодействия его участников. Всеобщие принципы правовой формы обмена были раскрыты К. Марксом в «Экономических рукописях», показавшим, что исторически первое экономическое отношение — отношение обмена не может реализоваться иначе как посредством взаимодействия двух собственников товара. Но наличие собственников само по себе не гарантирует того, что акт обмена будет полностью соответствовать экономическому содержанию данного общественного отношения. Более того, участники обмена могут ничего не знать и даже и не догадываться об этом содержании. Обеспечить соответствие экономического содержания каждого отдельного акта обмена его всеобщей, объективной основе удастся благодаря его юридической *форме*.

Согласно К. Марксу, обмен есть «экономическое определение», в котором индивиды находятся друг с другом в отношении общения. Суть же формы этого взаимодействия состоит в том, что «субъекты отношения, *обменивающиеся*, выступающие в одном и том же определении; предметы их обмена, меновые стоимости, *эквиваленты*, которые не только равны, но и категорически должны быть равны; наконец, сам акт обмена, опосредствование, в силу которого субъекты как раз и выступают как обменивающиеся, как равные, а их объекты — как эквиваленты, как равные»².

Таким образом, правовая форма обмена предусматривает четыре обязательных всеобщих условия (требования), при которых обмен может соответствовать своему содержанию как общественному рас-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 24.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 189.

пределительному отношению: 1) взаимозависимость; 2) равенство собственников обмениваемого товара; 3) эквивалентность обмена; 4) свободная воля участников обмена, их согласованного решения на обмен товарами, признаваемыми ими эквивалентными, выраженная в договоре. Кроме того, правовой форме присущ пятый признак — общеобязательность. Участники правоотношения обязаны надлежащим образом исполнить взятые на себя обязательства, воплотить их в жизнь совершением действий, предусмотренных этими обязательствами.

Марксистская теория права принципиально расходится с позитивистской доктриной относительно мотивов общеобязательности закона. Последняя видит в нем государственную волю, с которой непременно должен сочетать свою волю индивид. Стало быть, суть общеобязательности права сводится лишь к установлению приоритета общей воли органа управления делами общества над частной, индивидуальной волей. Между тем принцип общеобязательности права отражает особенности действия экономического отношения как общественного отношения и проявляется в том, что право: 1) в одинаковой мере распространяется на всех участников экономического отношения; 2) подлежит неукоснительному исполнению в каждом конкретном правоотношении; 3) гарантирует юридическую силу каждой сделки на все последующее время, до ее реального исполнения.

В марксистской теории общеобязательность права предстает необходимым условием плодотворного действия *экономических отношений*. Социальная связь обретает статус общественного отношения отнюдь не при любом разовом ее воплощении в реальных действиях заинтересованных лиц. Отношение, закрепляющее устойчивые, повторяющиеся, необходимые связи субъектов, становится действительно общественным при условии, что оно реализуется в действиях *большинства или всех членов* общества и органов государства. Поэтому принцип общеобязательности объективного права, ориентированный на подобные результаты, выступает необходимым всеобщим принципом объективного права. Его реальное действие в политико-правовой практике обеспечивается позитивным правом, режимом законности и юридической ответственности.

Изложенная характеристика формы обмена закрепляет правовые способы согласования, взаимопогашения противоречивых интересов субъектов обмена и представляет собой не что иное, как *объективное право*. Оно определяет единственно возможный способ связи участников обмена, при котором сохраняется экономическое содержание обмена, а не какого-либо другого взаимоотношения. Право, таким образом, возникает не тогда, когда законодатель, издаст свой закон,

а одновременно с самим экономическим отношениям в качестве его формы. Как образно заметил Г. Дёрнбург, «жизненные отношения несут свою меру и свой порядок в самих себе»¹. Обмен, как и игра, должен идти по своим правилам. Если эти правила соблюдены, то сделка соответствует своему экономическому содержанию и представляет собой действительный обмен. В противном случае совершенное деяние может быть чем угодно, но только не обменом. В этой своей общеобязательной определенности форма обмена выступает также и как *объективное, независимое от воли его участников право*.

Если мы признаём, что экономические отношения являются объективными, действуют помимо воли и сознания людей, то это означает, что данное свойство в равной мере присуще всем их компонентам, в том числе, и их содержанию, и юридической форме. Этот вывод применительно к форме обмена и всем составляющим ее правовым требованиям представляется самоочевидным. Требования равенства, свободы воли, взаимозависимости, эквивалентности, общеобязательности (законности) представляют собой не только правовую основу отношений обмена, но и базис современного частного права в целом, в чем можно легко убедиться, открыв любой гражданский кодекс, закрепленные им принципы гражданского права.

С учетом изложенного, *объективное право представляет собой основанную на принципах равенства, свободы воли, взаимозависимости и эквивалентности всеобщую социальную связь индивидов и иных лиц, в которую они вступают в целях удовлетворения своих материальных и духовных потребностей*. Неукоснительное следование всеми или большинством членов общества принципам объективного права обеспечивает прогрессивное развитие экономической, политической, социальной и иных сфер современного общества и общества в целом. *Но что заставляет индивидов подчиняться диктату объективного права, неукоснительно исполнять его требования, в том числе, нередко, вопреки требованиям позитивного права и даже под страхом применения уголовного наказания?*

Как уже говорилось, основную заслугу в эффективном действии права позитивист относит на счет государства, которое, якобы, регулирует общественные отношения установлением общеобязательных норм и обеспечивает реализацию этих норм в конкретных правоотношениях средствами государственного принуждения. Материалистическая теория права, находит подобные воззрения не соответствующими действительному положению дел, в которых все поставлено

¹ Цит. по: Кленнер Г. От права природы к природе права. М., 1988. С. 229.

с ног на голову. Позитивное право не является *универсальной формой* правового регулирования, оно предстает не более чем начальной стадией процесса перевода объективного права из возможности в действительность. В целом же механизм воплощения объективного права в действительность помимо позитивного права включает в себя еще две формы — *индивидуальное право и конкретное право*, которые позитивистская доктрина не признает ни под каким соусом.

Согласно материалистическому правопониманию, позитивное право, как начальная стадия механизма перевода объективного права из возможности в действительность, способно лишь облегчить процесс воплощения норм права в конкретных правоотношениях, но при том непереносимом условии, что оно *соответствует объективному праву*. Действуя сообразно абстрактным требованиям позитивного права, участники конкретных правоотношений могут успешно достичь результатов, гарантируемых соответствующими экономическими отношениями и обеспеченных мерами государственного принуждения. Но экономические отношения, вопреки уверениям позитивистской доктрины, способны *существовать и независимо от позитивного права и до его законодательного закрепления*.

На заре истории человечества на протяжении нескольких тысячелетий общество самостоятельно, без помощи государства определяло свое частное право и воплощало его в конкретных правоотношениях. Собственники имущества вступали в правовую связь, обмена, купли-продажи, руководствуясь обычаями или самостоятельно созданными правилами. Однако такой способ правового опосредствования экономических отношений имел один существенный недостаток — не всякий собственник мог достойно противостоять посягательствам на его собственность со стороны других лиц. Поэтому функцию защиты обиженных собственников взяло на себя государство, обязавшееся посредством правосудия выявлять и сурово наказывать виновных лиц.

Более трех тысяч лет государство, будучи грозным судебным органом, осуществляло правосудие на основе норм частного права, созданного обществом. Поскольку это право не всегда соответствовало интересам государства, оно вынуждено было вначале весьма робко, а затем более интенсивно вести собственную правотворческую деятельность по созданию позитивного права. Как показывает анализ древних источников права, дошедших до наших дней, (Законы Хаммурапи, Тора, Салическая правда и др.), законодатель обращал первостепенное внимание на нормы, связанные с осуществлением правосудия и наказанием преступников, и в то же время весьма лапидарно формулировал частноправовые нормы, полагая их знаемыми всеми участникам частноправовых отношений.

Характеризуя буржуазное право, Ф. Энгельс называет два его важнейших свойства: соответствие общему экономическому положению и способность выражать его. «Право, утверждал он, должно не только соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением»¹. На первый взгляд в этой фразе подразумевается само собой позитивистский тезис о праве как регуляторе общественных отношений. Если речь идет о социальной функции права, то кем же еще с позиций этой теории оно может быть. Но ни о какой регулятивной функции права основоположники не говорили, поскольку это противоречило бы их пониманию сути права. С их позиции позитивное право как действительное и реальное право должно отвечать одному единственному условию — от него требуется: 1) *точное отражение экономических отношений, достигаемое посредством их познания*; 2) *адекватный перевод на язык действующего права*; 3) *последовательное согласование законодательных новелл с действующими*.

Понимаемый подобным образом законотворческий процесс представляет собой познавательный акт, в котором решающую роль играет не конструирование, изобретение права как некоего регулятора общественных отношений, а, прежде всего, объективно-истинное познание состояния регулируемых экономических отношений и точное воспроизводство позитивным правом формы этих отношений, т.е. позитивного права. Соответственно и процесс формулирования позитивного права сводится не к разработке регулятора общественных отношений, а лишь к *санкционированию* объективного права позитивным или как говорил Ф. Энгельс, непосредственному переводу экономических отношений в юридические принципы². Положение, согласно которому законодатель «не *делает* законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений», сформулированное К. Марксом, хотя и в период начала его научной карьеры и даже под влиянием гегелевской философии права, красной нитью проходит через всю материалистическую теорию права и составляет ее основу³.

Санкционирование объективного права позитивным начинается с всестороннего познания соответствующих экономических отношений, в ходе которого требуется выявить права и обязанности участников отношений, но не в том виде, как они представляются заинтересованным индивидуумам, а в их непосредственной объек-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 418.

² Там же.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 162.

тивности, обусловленности экономическим содержанием и детерминирующими его закономерностями. Это необходимое условие действительного законодательства в период становления и развития буржуазных экономических отношений было невыполнимым как вследствие недостаточно высокого уровня развития правовой науки, так и неосознанности этой проблемы законодательными органами.

Односторонне ориентированный на классовые интересы имущих слоев гражданского общества, законодатель чаще всего возводил в ранг всеобщего права свои частные интересы. Поэтому отражение объективного права в позитивном шло сложным, зигзагообразным путем, в ходе которого подчинение всех участников экономических отношений общим условиям производства и распределения достигало отнюдь не сразу. Посредствование позитивным правом экономических отношений предполагает известное разнообразие способов их санкционирования, равно как и разную степень точности отражения предписаниями позитивного права соответствующих экономических отношений.

Основоположники материалистического правопонимания показали, что адекватное отражение в законодательстве объективного права достигается посредством принятия ряда законодательных актов и последующего их совершенствования. В числе основных причин несоответствия позитивного права объективному К. Маркс и Ф. Энгельс называли: 1) применение недостаточно эффективных способов санкционирования экономических отношений; 2) классовую позицию законодателя; 3) его неспособность правильно понять и отразить содержание объективного права в позитивном; 4) желание сохранить устаревшие законы наперекор новым потребностям и запросам изменившихся экономических отношений; 5) желание преодолеть в законодательстве противоречия, присущие содержанию экономических отношений, сделать его логически последовательным и непротиворечивым.

Перевод экономических отношений на юридический уровень в условиях буржуазного общества в значительной мере облегчен благодаря законодательной деятельности государства, призванного выражать и последовательно проводить всеобщую волю в конкретных отношениях. Законодательная деятельность буржуазных государств с самого начала велась намного интенсивней по сравнению с предшествующими ему феодальными государствами, что обеспечило достаточно быстрое становление и соответствующего ему буржуазного типа права. Санкционирование экономических отношений в качестве юридических шел различными путями, что убедительно показал Ф. Энгельс на примере Франции, Англии и Германии.

В Англии санкционирование правом буржуазных экономических отношений сводилось к тому, чтобы «сохранить значительную часть форм старого феодального права, вкладывая в них новое буржуазное содержание, и даже прямо подсовывать буржуазный смысл под феодальное наименование». Однако в семье стран романо-германского права этот процесс был иным. За основу было взято «первое всемирное право общества товаропроизводителей, то есть римское право, с его непревзойденной по точности разработкой всех существенных правовых отношений товаровладельцев (покупатель и продавец, кредитор и должник, договор, обязательство и т.д.)»¹. В то же время процесс рецепции римского права также не был одинаковым. В Германии римское право посредством судебной практики было приспособлено к потребностям мелкобуржуазного и полуфеодального общества, тогда как в Пруссии с помощью юристов римское право было переработано в особый свод законов, но который оказался недостаточно совершенным. Во Франции же, наоборот, удалось «создать на основе все того же римского права такой классический свод законов буржуазного общества» как Гражданский кодекс².

Таким образом, государство вольно выбирать любой способ санкционирования экономических отношений правом. Однако, следует иметь в виду, что отнюдь не всякий избранный им способ обеспечивает получение позитивных результатов, органичного соответствия норм права действующим экономическим отношениям. «Если, стало быть, нормы гражданского права представляют собой лишь юридическое выражение экономических условий общественной жизни, то они смотря по обстоятельствам могут выражать их иногда хорошо, а иногда и плохо»³.

Другой причиной, препятствующей верному отражению в позитивном праве экономических отношений, являются классовые позиции законодателя и органов исполнительной власти. Говоря о решающем воздействии экономики на государство, Ф. Энгельс отмечал, что это воздействие проявляется лишь в конечном итоге. В буржуазном обществе непосредственными фактами, влияющими на государство, он называл постоянно меняющиеся потребности гражданского общества, а также политическое и экономическое господство определенного класса⁴. Изложенная иерархия факторов, воздействующих на государство и, следовательно, принимаемое им законодательство, определяет и путь, который проходят экономи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 311.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 310.

ческие отношения прежде, чем они смогут воплотиться в действующем позитивном праве. Им нужно пройти как минимум два этапа: 1) быть осознанными гражданским обществом в качестве его насущных потребностей и 2) проявиться в форме законодательной воли господствующего класса.

Связь и взаимообусловленность вышеназванных этапов достаточно очевидна, всякое новое экономическое отношение возникает при наличии соответствующих экономических условий и обеспечивает удовлетворение потребностей определенного социального слоя более полно, с меньшими затратами, в любом случае с некоторыми преимуществами перед прежними, устаревшими отношениями. Возможность удовлетворения потребностей более простым и действенным способом, сподвигает соответствующий социальный слой на активные действия за законодательное признание нового экономического отношения. Законодатель же, будучи представителем по преимуществу буржуазии, формирует и выражает свою правотворческую волю с учетом ее экономических и политических интересов, предоставляет имущим слоям право на значительно большую совокупность материальных благ, нежели это вытекает из содержания буржуазных экономических отношений, их формы.

Особенно был неприкрыт классовый характер буржуазного права в XIX в., на что основоположники материалистического правопонимания постоянно обращали внимание и разоблачали его иллюзорный характер, утверждая, что в буржуазном обществе вместо подлинного права как выразителя общих интересов его членов имеется лишь совокупность законов, выражающих лишь волю господствующих классов. Понятно, что с помощью такого одностороннего правового регулирования невозможно создать систему позитивного права, адекватно отражающую существующую систему экономических отношений. Поэтому буржуазное право, как и капиталистическое производство, «заботится о том, чтобы огромное большинство равноправных лиц имело лишь самое необходимое для самой скудной жизни»¹.

Таким образом, возможность отражения экономического развития в законодательстве и степень такого отражения ставятся в прямую зависимость от способности гражданского общества вести активную борьбу за свои права и желания законодателя учитывать новые экономические реалии в позитивном праве. Искажения объективного права, обусловленные предвзятым классовым подходом к позитивному праву, к формулируемым законодательными органами буржуазных государств нормативным установлениям, нередко оправдывались действующими правовыми доктринами,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 312.

признававшим способность права развиваться вне и помимо экономического базиса общества. Характеризуя этот процесс, Ф. Энгельс писал: «У политиков по профессии, у теоретиков государственного права и у юристов, занимающихся гражданским правом, связь с экономическими фактами теряется окончательно ... Государственное и гражданское право рассматриваются как самостоятельные области, которые имеют свое независимое историческое развитие, которые сами по себе поддаются систематическому изложению»¹.

В современных условиях весьма важно восстановить действительный смысл марксистской теории права, освободить ее от домыслов и нелепостей, порожденных советскими правоведами. Хотя и с заметным опозданием, практически через два столетия необходимо все же подготовить и издать монографию, ставящей своей непосредственной целью, системное и максимально точное изложение величайшего, фундаментального учения, революционизировавшего правовую науку и юридическую практику в XIX и XX веках и не утратившего своего значения по настоящее время. Для подготовки предлагаемого труда целесообразно образовать творческий семинар, ставящий своей целью изучение марксистской теории права.

Успешное формирование марксистской теории права применительно и с учетом современных реалий политико-правовой практики позволит, во-первых, восполнить заметный пробел в истории политических и правовых учений, во-вторых, сформулировать действительные теоретические и методологические основы современного научного познания действующего права и государства, в-третьих, обеспечить глубокое понимание и плодотворное решение основополагающих проблем современного правоведения, в-четвертых, вести успешную наступательную борьбу со всякого рода современными методологиями субъективного идеализма представить себя в качестве передового, современного видения области социальных, в том числе и юридических наук.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 312.

УЧЕНИЕ К. МАРКСА О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ И СОВРЕМЕННОЕ (ИНТЕГРАТИВНОЕ) ПРАВООПОНИМАНИЕ

В.М. Шафиров

Карл Маркс — великий ученый в области политической экономики. Его фундаментальный труд «Капитал» вошел в золотой фонд мировой научной политической экономической мысли, не утратил актуальности и в XXI веке. Равного по значению труда о праве и государстве К. Маркс не создал. Да это, видимо не входило в его и Ф. Энгельса планы. Государство и право к числу вечных коммунистических ценностей они не относили. Будущее государства и права они видели в музее древностей вместе с прялкой и бронзовым топором. Несмотря на это сторонники материалистической концепции права настаивают на том, что правопонимание, сложившемся в советское время на базе материалистической диалектики и идей марксизма и сегодня продолжает оставаться устоявшимся¹. Но парадокс в том, что взгляды К. Маркса о праве и государстве в разные периоды его научной деятельности отличаются. Начинаящий исследователь высказал немало надклассовых, общечеловеческих идей в отношении права и государства. Данные идеи были сформулированы, прежде всего, на основе синтеза положений естественно-правовой теории и теории юридического позитивизма. Настоящий факт в советском правоведении не оказался в центре внимания. В качестве

---

¹ См.: Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 6.

устоявшегося понимания права был взят классово-этактический подход, разработанный уже зрелым К. Марксом, на основе материалистической диалектики. Материалистическая диалектика стала методологической и теоретической основой советской юридической науки. Возникает очевидный вопрос: «Какие взгляды (молодого или зрелого) К. Маркса на право и государство более соответствуют современному пониманию права»? Предлагаемая статья есть попытка разобраться в этом.

Начнем с того, как молодой К. Маркс определял *природу государства и права*. По его мнению, их надо выводить «...из природы человеческого общества»¹, «...рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта...»². Отсюда вполне объяснимы его рассуждения о воспитательной роли государства. «В действительности же истинная «общественно-воспитательная роль» государства заключается в его разумном и общественном бытии. Само государство воспитывает своих членов тем путём, что делает их членами государства, что оно превращает частные цели во всеобщие, грубый инстинкт — в нравственные склонности, природную независимость — в духовную свободу; тем путём, что отдельная личность сливается с жизнью целого, а целое находит своё отражение в сознании каждой отдельной личности»³. Наиболее благоприятной формой государственного строя он называл демократию. «В демократии не человек существует для закона, а закон существует для человека; законом является здесь человеческое бытие...»⁴.

В своих ранних работах, К. Маркс говорил *об объективном характере юридических законов*: «Законодатель же должен смотреть на себя как на естествоиспытателя. Он не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений»⁵. На примере прусского закона о цензуре, ограничивающего свободу печати он писал, что «...законы, не дающие объективных норм, являются террористическими законами...»⁶. Они являются оскорблением «...для чести гражданина...». Они уничтожают «...равенство граждан перед законом». Это — законы «...не единения, а разъединения, а все законы разъединения реакционны. Это не закон, а привилегия». И далее.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 110.

² Там же. С. 110.

³ Там же. С. 103.

⁴ Там же. С. 252.

⁵ Там же. С. 162.

⁶ Там же. С. 14.

Законы, карающие за тенденцию (образ мыслей) «...имеют своей основой беспринципность, безнравственный, грубо-вещественный взгляд на государство»¹.

Это логично привело К. Маркса к необходимости проводить различие *между правом (содержанием) и формой (законом)*. Приведем несколько суждений об этом. В законе, преследующем за тенденцию «...законодательная форма противоречит содержанию...»². «...От нас требуют поведения, соответствующего законам, требуют уважения к законам, ...которые ставят нас вне закона и возводят произвол в право»³. «Закон о цензуре имеет только форму закона...»⁴. В статье, посвященной закону о краже леса, он резко выступил против того, чтобы используя форму закона «...превращать всякое грязное приращение в чистое золото права»⁵. И ниже. «Мы считаем, что долг всех жителей Рейнской провинции и преимущественно рейнских юристов — уделять в настоящий момент своё главное внимание правовому содержанию, чтобы у нас в конце концов не осталась одна только пустая маска. Форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания...»⁶.

К. Маркс рассматривает *свободное состояние как правовое состояние*. Свобода, с точки зрения молодого ученого «...всеобщее право...»⁷, «...родовая «сущность всего духовного бытия...»⁸. Выступая в защиту закона о печати, он пишет: «Закон о печати ...это — мера самой свободы...

...Закон о печати есть действительный закон, потому что он выражает положительное бытие свободы. Он рассматривает свободу как нормальное состояние печати, печать — как бытие свободы...

...Отсутствие законодательства о печати следует рассматривать как изъятие свободы печати из сферы юридической свободы, так как юридически признанная свобода существует в государстве в форме закона. Законы не являются репрессивными мерами против свободы... Напротив, законы — это положительные, ясные, всеобщие нормы, в которых свобода приобретает безличное, теоретическое, независимое от произвола отдельного индивида-существование. Свод законов есть библия свободы народа...

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 15.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Там же. С. 125.

⁶ Там же. С. 158–159.

⁷ Там же. С. 55.

⁸ Там же. С. 59.

Отсутствие свободы и является, поэтому подлинной смертельной опасностью для человека»¹.

В *гарантировании свободы, прав он видит важную роль государства*. В публикации «Дебаты по поводу закона о краже леса», молодой ученый категорически выступает против попытки признать собирание бедняками валежника преступлением (кража леса), поскольку это проступок, и то лишь в силу обстоятельств. Положение о человеческом праве как воплощении свободы требует наличие реальной возможности пользоваться своими правами. Поэтому «мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него. Но он сделает это не путём ограничения сферы права, а тем путём, что в каждом правовом стремлении уничтожит его отрицательную сторону, предоставив праву положительную сферу деятельности»². Поэтому « государство может и должно сказать: я гарантирую право от всяких случайностей...

Но если бы государство захотело сделать преступника вашим временным крепостным, то оно... этим доказало бы преступнику смертность права, между тем как наказание должно было служить доказательством того, что право бессмертно»³.

В ранних работах К. Маркса особо поднимается проблема *о недопустимости закрепления в праве безнравственных норм*. В работе «Проект закона о разводе» данная мысль сформулирована так: «Если законодательство не может декретировать нравственность, то оно ещё в меньшей степени: может провозгласить правом безнравственность»⁴. Отсюда не удивительно, что в трудах начинающего ученого используются понятия «нравственное государство»⁵, «нравственный законодатель»⁶.

Нашла свое отражение в статьях описываемого периода *идея прав человека*. Человеческое право как воплощения свободы, по К. Марксу, требует соответствующих прав. Обладание равными права предполагает снятие ограничений (политическая эмансипация), связанных с различиями происхождения, сословия, образования, профессии. «...Человек освобождается от какого-либо ограничения через посредство государства, освобождается политически... Государство есть посредник между человеком и свободой человека»...»⁷. По его мнению, происходившая «политическая эмансипация... представля-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 62–63, 65.

² Там же. С. 125, 131.

³ Там же. С. 154–155.

⁴ Там же. С. 162.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ Там же. С. 133.

⁷ Там же. С. 389.

ет собой большой прогресс...¹ Человек, член гражданского общества, есть, следовательно, основа, предпосылка политического государства. Таким и признало его государство в правах человека»².

Важные отдельные положения для понимания природы, эволюции, назначения права и государства высказывались и в последующих произведениях К. Маркса, в том числе и совместных с Ф. Энгельсом, а также в отдельных трудах Ф. Энгельса. В частности, К. Маркс, критиковал тех ученых, кто называл бесчеловечным, безнравственным порядок в государствах, в которых частные интересы социальных групп, классов достигались за счет отдельных индивидов, допускалось официальное признание человека рабом или «вещью». Отстаивать такую позицию, считал К. Маркс, «значит утверждать, что развитие всего человеческого рода должно быть задержано ради обеспечения блага отдельных индивидов... При таком подходе к вопросу остается непонятным то, что... развитие способностей рода «человек» ...вначале совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов... что, стало быть, более высокое развитие индивидуальности покупается только ценой такого исторического процесса, в ходе которого индивиды приносятся в жертву»³. С ним был солидарен Ф. Энгельс: «Только рабство... создало условия для расцвета культуры древнего мира... Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства, греческой науки, без рабства не было бы и римской империи... Даже для самих рабов это было прогрессом: военнопленные, из которых вербовалась основная масса рабов, оставалась теперь, по крайней мере, в живых, между тем как прежде их убивали»⁴. Тем самым еще раз была подтверждена идея, высказанная в ранних работах, что «...история — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»⁵.

По мнению К. Маркса, важная и необходимая функция любого государства, независимо от исторического типа — «...выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества»⁶.

В Предисловии к немецкому изданию 1-го тома «Капитала» он отмечал способность права выражать не только интересы господствующего класса. «...Помимо каких-либо мотивов более высокого порядка, насущнейший интерес господствующих ныне классов предписывает убрать все те стесняющие развитие рабочего класса пре-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 392.

² Там же. С. 405.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 2. С. 123.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 185–187.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 102.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 422.

пятствия, которые поддаются законодательному регулированию»¹. К. Маркс также доказывал, что не все законы, в буржуазном государстве выражают волю господствующего класса и призывал пролетариат бороться, опираясь на законодательство, за свои права, интересы. Примеры успешной борьбы народных масс за изменение законодательства, К. Маркс, приводил, в частности, из Английской истории. Так, принятый в 1847 году в Англии билль о десятичасовом рабочем дне «...был не только важным практическим успехом, но и победой принципа; впервые политическая экономия буржуазии открыто капитулировала перед политической экономией рабочего класса»².

И все же главное внимание в трудах зрелого К. Маркса уделяется разработке классовой материалистической теории права и государства, в которой преобладает негативная характеристика государства и права. Раскроем основные ее положения.

Буржуазное право, как и всякое право — узкоклассовое явление. В «Манифесте Коммунистической партии» (1848 г.), Маркс и Энгельс относительно буржуазного права заявляют: «...Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса...»³. В этом широко известном определении, право предстает уже не как воплощение свободы («библия свободы народов»), а только как воля господствующего класса.

Буржуазное право определяется материальными условиями жизни класса буржуазии, в основе которых частная собственность, эксплуатация человека. Его сущность, причины возникновения, существования следует рассматривать в связи с развитием, в первую очередь, экономических отношений. «...Правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях...»⁴. Особо подчеркивалось, что «право никогда не может быть выше, чем экономический строй...»⁵. Праву как форме экономических отношений была отведена ограниченная функция (роль): регулировать производство, потребление, распределение, обмен товаров⁶.

Государство и право часть политической надстройки. Производственные отношения — это «...реальный базис, на котором возвы-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 9–10.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 9.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 443.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 19.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 725–726; Т. 19. С. 18–19.

шается юридическая и политическая надстройка... Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»¹. А поскольку все юридическое имеет политическую природу², то было признано, что право, «...не имеет своей собственной истории...»³. Личностная ценность права (выражение свободы) перестала быть предметом исследования.

Буржуазные права человека ведут к отчуждению. Впервые об этом было написано еще в ранних работах. «...Так называемые права человека.., суть не что иное, как права члена гражданского общества, т.е. эгоистического человека, отделённого от человеческой сущности и общности...

Право человека на свободу основывается не на соединении человека с человеком, а, наоборот, на обособлении человека от человека. Оно — право этого обособления, право ограниченного, замкнутого в себе индивида. Практическое применение права человека на свободу есть право человека на частную собственность»⁴, которое, по мнению К. Маркса, разрушает вечные законы природы и разума, оно не может иметь универсального значения, т.е. одинаково применимого к эксплуататорам и эксплуатируемым.

Право, которое признавали идеологи пролетариата — это право народа на революцию. «...Право на революцию является единственным действительно «историческим правом...»⁵. Помеху революции они видели в законах, которые «... вообще никогда не совершают революций»⁶. Эволюционный путь социального развития идеологи материализма отрицали. Только в ходе революции изменяется экономическая основа «...более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»⁷. Классики марксизма исторически последней и необходимой считали пролетарскую революцию.

Материалистическая диалектика — это диалектика отмирания права и государства. После социалистической революции государство и право начнут отмирать. Процесс отмирания будет проходить постепенно. При этом «право... все еще является правом буржуазным...

Оно не признает никаких классовых различий...; но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а, следова-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 360.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 64.

⁴ Там же. С. 399–400.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 545.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 760.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.

тельно, и неравную работоспособность естественными привилегиями. Поэтому оно по своему содержанию есть **право неравенства, как всякое право** (выделено мной — В.Ш.). По своей природе право может состоять лишь в применении равной меры...», к неравным индивидам...»¹.

Только «на высшей фазе коммунистического общества, ...когда труд станет... первой потребностью жизни; ...лишь тогда можно будет совершенно преодолеть **узкий горизонт буржуазного права**»² (выделено мной — В.Ш.). После исчезновения частной собственности, классов, отмирает политическая власть (государство), право «...приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»³.

Итак, проделанный анализ дает, основания утверждать, что в учении К. Маркса о праве и государстве не все так однозначно, как это принято считать. Оно представляет собой многообразие идей порой взаимоисключающих. Отсюда важно выделить, обобщить и интегрировать те из них, которые прошли проверку временем, доказали свою состоятельность, переосмыслены с учетом современных условий. Как справедливо писал К. Маркс: «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного»⁴.

Современное (интегративное) правопонимание⁵, безусловно, есть органичное соединение (синтез) положений разных научных теорий права, в том числе и марксистской. В данной статье основной упор сделан на интеграцию положений естественной и позитивной теории права. Основные идеи естественно-позитивной концепции права в следующем.

Возникновение права — закономерный, естественноисторический процесс. Он связан с переходом человечества от первобытного обще-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 19.

² Там же. С. 20.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 447.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 727.

⁵ О современном интегративном правопонимании см.: Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М., 2018; Лазарев В.В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 5–18; Его же. Поиск права // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 3–14; Леушин В.И. Природа человека как основа правопонимания. В сб.: Теоретические и практические проблемы правопонимания / под ред. В.М. Сырых и др. М., 2009. С. 207–211; Поляков А.В. В поисках интегрального типа правопонимания: круглый стол: проблемы современного правопонимания // История государства и права. 2003. № 6. С. 2–16; Ромашов Р.А. Юридический позитивизм и социологический тип правопонимания: проблема совместимости! Теоретико-правовая наука и юридическая практика: проблемы соотношения и взаимодействия: сб. статей. СПб., 2004. С. 19–26; Сидоренко А.И., Ибрагимова Ю.А. Интегративное понимание права // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 33–45; Шафиров В.М. Естественно-позитивное право. Введение в теорию: монография / В.М. Шафиров. Красноярск, 2004 и др.

ства на новую более высокую ступень общественного развития. Объективно и субъективно стала возможной свободная, обособленная от общины жизнь людей. Выделились из рода, прежде всего, наиболее зрелые, способные и деятельные индивиды (Маркс называл это более высоким развитием индивидуальности), преследующие свои частные интересы и объединившиеся для их утверждения в социальные группы, классы. Появляются социальные правила, которые не запрещают и ограничивают, а содержат права, свободу выбора и деятельности (естественное право). С возникновением государства эти правила закрепляются в позитивном праве. Следовательно, история формирования и развития свободной личности есть, одновременно, история формирования и развития права. И наоборот, история формирования и развития права есть, одновременно, история формирования и развития свободной личности.

Право обусловлено множеством факторов. Экономический фактор один из них. Однако считать его определяющим, видеть главную роль права лишь в принуждении к труду, в регулировании производства, потребления, распределения, обмене товаров, значит исказить природу, сущность права, принижать его миссию, способствовать отчуждению человека от права. Кстати, Маркс и Энгельс, признавали свою вину в том, что главный упор они делали на материальные условия и недостаточно подчеркивали значение других факторов¹.

Право является выражением свободы. Свободное состояние личности, есть правовое состояние. Оно носит реальный, а не формальный характер. Право как свобода проявляется в двух значениях. В первом значении — это свобода «от» любой формы личной зависимости, дискриминации, вмешательства в частную жизнь, принуждения со стороны кого бы то ни было. Во втором значении — это свобода (возможность) «для» проявления правовой активности. Идея о праве как воплощение свободы была ключевой в ранних работах К. Маркса.

Свобода человека выражается в правах и свободах. На протяжении тысячелетий непрерывно шла борьба человека за право быть свободным и равным, за расширение объема, перечня своих прав. Так, в древнем, средневековом государствах были приняты юридические нормы, устанавливающие возможность перевода отдельных людей из состояния личной зависимости в состояние свободного человека. В буржуазных странах (США, Франция) право на свободу и равенство было признано за всеми людьми, проживающими в данных государствах (Декларация независимости Соединённых Штатов Америки 1776 г.), Французской декларации прав человека и гражда-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 82; Т. 37. С. 396.

нина (1789 г.). Во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) было установлено, что каждый житель планеты «Земля» является свободной и равной правовой личностью. Да, это был продолжительный, противоречивый, драматический исторический путь, но главная цель была достигнута — человек, его права и свободы были признаны высшей ценностью. Молодой Маркс также связывал свободу с наличием соответствующих прав человека, но в качестве важнейшей, всеобщей ценности, он их не рассматривал. Для него буржуазное право на свободу было право ограниченного, замкнутого в себе эгоистического индивида. Это привело к умалению значения борьбы людей за свои права, недооценке роли данной борьбы в целях справедливого решения различных социально-правовых проблем, независимо от классовой принадлежности.

Право является выражением справедливости. Правовая свобода не может быть абсолютной. Необходимо уравновесить, сделать правильной, т.е. справедливой свободу общения. Это достигается посредством установления обязанностей, баланса прав и обязанностей. Право есть выражение реальной, а неформальной справедливости. Две группы условий, определяют общую меру справедливости права: условия правового равенства и условия правового неравенства. Условия правового равенства включают в себя: признание необходимости одинаковой правосубъектности, равноправия, равной возможности для осуществления прав и свобод, сбалансированности прав и обязанностей, одинакового применения всех официальных источников (форм) права ко всем, использование равных правовых оснований ограничения прав и свобод. Условия правового неравенства позволяют избежать несправедливости в процессе реализации права, воздав каждому в соответствии с его юридическим статусом (общим, специальным, индивидуальным), социально-правовой ролью, заслугами, упущениями, а также другими заслуживающими внимания обстоятельствами. Здесь справедлива не одинаковость в правах и обязанностях, их максимальная индивидуализация.

Юридический закон имеет объективный характер. Это не просто нормативный акт, обладающий высшей юридической силой, а, в первую очередь, вид социального закона, т.е. объективно существующей необходимой, повторяющейся и устойчивой связи (отношения). Отсюда прав был молодой Маркс, утверждая, что законодательная власть не создаёт закона, она лишь открывает и формулирует его.

Право (содержание) может не совпадать с законом (формой). Закон — одна из важнейших форм права. Нередко считается, закон закрепляет только то, что является правом. Однако история дает примеры принятия античеловеческих законов. Таким, в частности, было в 20 веке преступное фашистское законодательство, которое

регламентировало в законах поражение в правах миллионов ни в чем не повинных людей, что вело к полной утрате человеком свободы, своего достоинства. Это законодательство — антиправо. На необходимость проводить различие между правом и законом неоднократно обращал внимание в своих ранних работах К. Маркс.

В праве не должна закрепляться и осуществляться безнравственность. Представляется, распространение в теории и на практике формулы «право есть минимум нравственности» — это ошибка. Следование формуле позволило укрепиться позиции, что юридическая сфера есть область формального, а не содержательного подхода. Решать дело по-человечески удел моралистов. Юристы обязаны неукоснительно стремиться (даже, если даже это несправедливо, неразумно) к достижению формального соответствия действий и решений юридической норме. В этом сторонники формулы видят суть формальной законности. Данную теорию и практику сложно назвать правовой. Поэтому мысль молодого К. Маркса о том, что законодательство не может провозгласить правом безнравственность, актуальна и должна проходить лейтмотивом через правотворчество, правореализацию, правовое образование.

Обеспеченность (гарантированность) права государством, обществом. В этом преимущество права перед другими социальными регуляторами. В гарантированности упор должен делаться на позитивные средства (правовое стимулирование, содействие, воспитание). Принуждение применяется в отношении нарушителей права. К. Маркс и Ф. Энгельс связывали обеспеченность права с наличием обязательных принудительных норм. Эти нормы нужны, пока сохраняется при социализме узкий горизонт буржуазного права и люди еще не готовы работать добровольно.

Правовое демократическое и социальное государство есть ассоциация свободных людей. Именно в правовом государстве реализуется идеал: «Свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Материалистическая диалектика, напротив, связывает общественный прогресс с отмиранием государства и права.

Интегративный взгляд на понимание права нашел отражение в Конституции России. При построении ее теоретической и нормативной модели были использованы не только положения юридического позитивизма. «Отличительной чертой российской Конституции, — подчеркивает В.Д. Зорькин, — является то обстоятельство, что в ней достаточно четко сформулированы ее концептуальные основы, базирующиеся на естественно-правовом подходе к пониманию права»¹. Конституция России закрепляет бинарную (двойную)

¹ Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. С. 53.

природу права: естественное начало (природа личности — ст. 18) и позитивное начало (политическая природа — ст. 2). В Конституции установлено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2); «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими; «они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18); «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ст. 17). Следовательно, конституционная модель правопонимания (теоретическая и нормативная) имеет четко выраженный интегративный (естественно-позитивный) характер. Думается, в современной конституционной доктрине правопонимания нашли отражение определенные идеи о праве и государстве, высказанные в ранних работах К. Маркса.

ГОСУДАРСТВО КАК ИДЕЯ И КАК НАДСТРОЙКА НАД ОБЩЕСТВОМ В РАННИХ ТРУДАХ К. МАРКСА

О.Б. Купцова

Современное видение основных закономерностей государственно-правового развития было бы неполным и в недостаточной степени объективным без учета достижений научного наследия политико-правовой мысли. Как отмечается в ряде доктринальных исследований, в настоящее время можно с полным правом говорить о возрождении интереса к марксистскому учению и прилегающим к нему мыслительным традициям, к диалектике и материализму¹. Изменения, которые произошли в социуме со времен жизни и творчества основоположников марксизма, оказались настолько фундаментальными, что повлекли за собой формирование нового видения и критического пересмотра данного учения. Кроме того, не стоит исключать некоторое искажение ряда его постулатов, которое предопределялось не только их ошибочным восприятием, но и умышленным искажением, в основе которого была предопределенность идеологического характера.

В своих ранних произведениях К. Маркс освещал среди иных анализируемых вопросов весьма многогранную и неоднозначно трактуемую проблематику сущностных характеристик государства. Позднее М. Вебер справедливо отмечал, что «если мы зададим вопрос, что в эмпирической действительности соответствует идее государства, то обнаружим множество ... фактически и юридически

---

¹ Коряковцев А.А. Диалектика Людвиг Фейербаха и Карла Маркса: сравнительный анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2011. С. 3.

упорядоченных связей ... верой в действительно значимые нормы и в отношения господства ... и подчинения между людьми»¹. Учитывая тот факт, что парадигмы М. Вебера и К. Маркса исходят из одного поля, заданного в исследованиях И. Канта, из его постановки проблемы возможности объективного познания объективной реальности², то налицо факт многоаспектности и актуальности заявленной проблематики, поиск путей решения которой происходит в разные временные периоды с точки зрения различных концептуальных схем. Сложность затрагиваемых проблем подтверждается тем, что до настоящего времени с той или иной степенью успешности в исследованиях целого ряда мыслителей-теоретиков права активно осуществляется поиск истины в сфере научного познания в данном направлении.

Как справедливо отмечал А. Мишель — идея государства «есть плод размышления и воли»³, поэтому, как отмечается в предисловии к сочинениям К. Маркса более позднего периода, нельзя не признать, что ранние произведения этого ученого, отражают различные ступени духовного созревания их автора, применительно к трактовке государства, в которых прослеживается достаточно специфическое истолкование гегелевской диалектики и критическое восприятие идеалистической системы его философии⁴. В этом плане марксистское видение изучаемых закономерностей вытекает в достаточно широкое представление о месте государства в обществе. С одной стороны, государство по отношению к сферам гражданского общества видится как внешняя необходимость и их высшая власть, но, с другой стороны, государство представляет собой цель, присущую их природе, и оно имеет свою силу в единстве всеобщей конечной цели государства⁵.

К. Маркс в своем произведении «К критике гегелевской философии права» выражает свою позицию по поводу некоторых положений гегелевского осмысления политико-правовых реалий, в которых идея государства представляет собой правовую действительность, в иерархической структуре которой выявляются две идеальные сферы своего понятия — семья и гражданское общество как сферы

¹ Цит. по: Хархордин О. Что такое государство? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках: сб. статей / под ред. О. Хахордина. СПб.; М., 2002. С. 152.

² Поломошнов А. Ф. Сравнительный анализ методологии социального познания Карла Маркса и Макса Вебера: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 1994. С. 6.

³ Мишель А. Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции. М., 2008. С. 494.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1975. Т. 40. С. 14.

⁵ Маркс К. 1842–1844. Собрание сочинений. Т. 1 // URL: http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_1/p5.php#metkadoc6 (дата доступа: 19 февраля 2018 г.).

своей конечности¹. Следовательно, исходя из данной концепции деление государства на семью и гражданское общество является идеальным, т.е. необходимым, принадлежащим к сущности государства. К. Маркс соглашается с тем, что семья и гражданское общество — действительные части государства, действительные духовные реальности воли, они — способы существования государства. Но развивая данный посыл, К. Маркс углубляет эту концепцию и отмечает, что семья и гражданское общество сами себя превращают в государство, именно их он рассматривает как движущую силу государственного развития². Исходя из трактовки Г. Гегеля, они представляют собой два явления, порожденные противоположностью — так называемой действительной идеей. И объединяются в государство не в итоге их жизненного процесса, а представляют собой сферу их конечности этой идеи, начало которым в итоге положило некое третье явление. К. Маркс справедливо отмечает, что государство не может существовать без базиса семьи и гражданского общества, которые являются для государства *conditio sine qua non*³. Его позиция основывается на взаимной зависимости, в соответствии с которой действительная идея нисходит в «конечную сферу» семьи и гражданского общества только для того, чтобы, снимая их, наслаждаться своей бесконечностью и вновь её порождать⁴. То есть это не что иное, как отражение в выводах ученого диалектического принципа существования и развития явлений. В связи с этим представляется конструктивной позиция К. Маркса, в соответствии с которой в действительности семья и гражданское общество составляют предпосылки государства, именно они являются подлинно деятельными⁵.

В этом плане нельзя не увидеть зависимость надстроечного характера государства как некой политической сущности по отношению к определяющим его жизнедеятельность общественным институтам, которая вытекает из специфики базис-надстроечных отношений экономических и политико-правовых явлений социума, в прелом-

¹ Гегель Г. Философия права / пер. Б.Г. Столпнера, М.И. Левиной / ред. и сост. тома Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц. М., 1990 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://psylib.org.ua/books/gegel03/index.htm> (дата доступа: 19 февраля 2018 г.).

² Маркс К. 1842–1844. Собрание сочинений. Т. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_1/p5.php#metkadoc6 (дата доступа: 19 февраля 2018 г.).

³ Обязательное условие (лат.).

⁴ Маркс К. 1842–1844. Собрание сочинений. Т. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_1/p5.php#metkadoc6 (дата доступа: 19 февраля 2018 г.).

⁵ Маркс К. 1842–1844. Собрание сочинений. Т. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_1/p5.php#metkadoc6 (дата доступа: 19 февраля 2018 г.).

лении особенностей восприятия и анализа данной проблемы в произведениях раннего периода творчества К. Маркса.

Остановившись на том, что понимается под базисом и надстройкой с точки зрения классического марксизма, следует подчеркнуть, что они обозначают общественные отношения исторически определённого общества как целостной системы, в которой материальные отношения представляют его реальный базис, основание общества, а политические и идеологические отношения — надстройку, вырастающую на данном базисе и им обусловленную¹. При такой формулировке под базисом общества понимается совокупность исторически определенных производственных отношений, а надстройка рассматривается как совокупность идеологических отношений, взглядов и учреждений, в которую кроме прочих составляющих входит государство.

Но следует заметить, что произведения К. Маркса, относящиеся к началу его творчества, нельзя отнести к так называемому классическому марксизму, в основе которого лежат совместные произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, когда сложилась уже иная мировоззренческая система. В ранних трудах К. Маркса закладываются основы, в соответствии с которыми в дальнейшем в границах исторического материализма будет осуществлена попытка установить существенную связь и взаимозависимость экономических и идеологических отношений, а также общие закономерности их развития.

Кроме того, не стоит забывать о том, что в ранних трудах К. Маркса тенденция абсолютизации экономического аспекта гражданского общества, о которой неоднократно высказывались ученые-правоведы², еще не была сформирована. В своих исследованиях начального периода творчества К. Маркс говорит не о базисе и надстройке в их классическом понимании марксизма-ленинизма. Гражданское общество он видит в духовной сфере, отмечая в своих работах, что семья и гражданское общество — это действительные части государства, действительные духовные реальности воли, они — способы существования государства³.

Несмотря на то, что понятие «надстройка» в своих ранних трудах К. Маркс еще не определяет, он описывает явление, которое содей-

¹ Большая советская энциклопедия. 2012 // URL: <https://slovar.cc/enc/bse/1975559.html>

² Гражданское общество: истоки и современность / науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. 2-е изд., доп. СПб., 2002. С. 53.

³ Маркс К. 1842–1844. Собрание сочинений. Т. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_1/p5.php#metkadoc6 (дата доступа: 19 февраля 2018 г.).

ствует укреплению и развитию базиса данного общества¹, его духовной сферы в частности, этим явлением служит государство в своей трактовке максимально приближенной к признакам социальной организации общества в широком смысле этого понятия.

Вместе с тем, и данное положение сегодня тоже подлежит корректировке, так как в этих явлениях просматриваются тенденции, с одной стороны, дистанцирования от государства, с другой стороны, — сближения на основе принципиально иных форм их взаимодействия. Обращаясь к трудам зарубежных ученых, также можно отметить тенденцию усиления взаимодействия государственных и общественных структур, выражающуюся в сближении их функционирования и природы². Развивается благотворительная деятельность, в ряде случаев решая проблемы сложности государственного финансирования ряда различных инициатив, общественное обсуждение законопроектов, общественное патрулирование, развиваются формы социального порицания отклоняющегося поведения и т.д. Все в большей степени стирается грань различия между государством и обществом, в ряде исследований даже употребляется формулировка «диффузия власти через самоуправление»³, которая, несмотря на дискуссионный характер возможности ее употребления, является отражением диалектики не только социального прогресса, но и государственного развития.

Не отрицая разумность и обоснованность положений, закрепленных в трудах К. Маркса раннего периода его творчества, отражающих поиск путей решения целого спектра проблем общественного и государственного характера, проведение параллелей с современностью дает основание полагать, что изначальная перспективность данных выводов разбивается о реалии действительности, в которой и семья, и гражданское общество в целом получают свое иное видение и существование, роль и функционирование которых сегодня претерпевает значительные изменения.

В настоящее время следует констатировать тот факт, что гражданское общество повысило свою роль в предопределении сущности и специфики государства и влиянии на его непосредственное эволюционирование и развитие. В то же время семья или брачные отношения как *matrimonium iustum*⁴, а не простое совместное проживание

¹ Грозина Е.В. Правовая надстройка и ее основные элементы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 3 (78). С. 90.

² Marriott John A.R. The Mechanism of the Modern State. A Treatise on the Science and Art of Government. Oxford, 1927. P. 408 (Digital Edition).

³ Гражданское общество: истоки и современность / науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. 2-е изд., доп. СПб., 2002. С. 265.

⁴ Законный брак (лат.).

субъектов, постепенно утрачивают свое влияние как института, обладающего регулятивным потенциалом и определенной кузницы полноценных и полноправных субъектов как социальных, так и в частности государственно-правовых отношений.

Не претендуя на углубленный анализ понятийного аппарата, отражающего подходы к пониманию гражданского общества, следует отметить одну его важнейшую сущностную черту — оно представляет собой целый комплекс отношений внутри общества и по отношению к государству, к нему нельзя применить какую-либо одну характеристику, хотя невмешательство власти в частную жизнь и одновременно ее защита властью выглядят неизменным показателем гражданского общества¹. И исходя из этого положения можно утверждать, что в этом направлении идет активное переосмысление многих устоявшихся положений. В настоящее время можно констатировать развитие тенденции активного воздействия общественных институтов на государственно-властные структуры в аспекте конвергенции их функционирования. Так, например, актуальны процедуры делегирования ряда государственных полномочий и их осуществление негосударственными образованиями. В том числе следует отметить аутсорсинг реализации неконкурентных государственных услуг от государственных органов к частным предприятиям². Причем, следует отметить, что данные процессы могут носить также и обратный характер — от частных предприятий к государственным органам или государственным организациям. Как отмечал Ф. Ницше — количество власти характеризуется действием, которое оно производит, и действием, которому оно оказывает сопротивление³. В этом случае *causa justa* властных решений, а также социальные предпосылки его формирования и предопределяются в числе иных духовными факторами конкретного уровня общественного, в том числе правового прогресса.

Есть основания полагать, что данная тенденция будет способствовать развитию важнейшей составляющей диалога государства и гражданского общества и формированию новой сущности государства как все в большей степени предопределяемой социумом организации власти.

Не разделяя представления К. Маркса более позднего периода о том, что государство на определенном этапе своего развития рано

¹ Гражданское общество: истоки и современность / науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. 2-е изд., доп. СПб., 2002. С. 54.

² Пирожкова Н.П., Стрельцын Б.Е., Пирожков И.А. К вопросу развития аутсорсинга в органах государственной власти // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Экономика и право. 2017. № 7. С. 99–102.

³ Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. СПб., 2011. С. 372.

или поздно ждет отмирание и его функции должно будет выполнять общество¹, определенное замещение ряда процедур и видов деятельности государства общественными образованиями не только неизбежны, но и эффективны.

Таким образом, можно отметить, что ранние труды К. Маркса, несмотря на смену идеологических и политических координат развития государств современного мирового сообщества, содержат конструктивные, работающие положения, отражающие специфику и потребности развития государства и общества. Учет их в процессе совершенствования развития социума на определенном этапе будет выступать в качестве важной предпосылки повышения эффективности осуществления этого процесса.

---

¹ Марксистско-ленинская концепция отмирания государства и права в коммунистическом обществе. [Электронный ресурс] // URL: <http://rkrp-rpk.ru/2012/04/05/марксистско-ленинская-концепция-отм/> (дата доступа: 19 февраля 2018 г.).

ЧЕЛОВЕК
КАК ЧАСТНОЕ ЛИЦО
И ЧЛЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО
СООБЩЕСТВА:
АКТУАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ
К. МАРКСА В СОВРЕМЕННЫХ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
(размышления над статьей
«К еврейскому вопросу»)

Н.В. Варламова

В сравнительно небольшой статье, написанной по вполне конкретному религиозно-политическому вопросу, волновавшему немецкое общество в середине XIX в.¹, К. Маркс обосновывает классическое различие между гражданским обществом и государством и акцентирует двойственность бытия человека в развитом государственно организованном обществе — как частного лица и как члена политического сообщества: «Там, где политическое государство достигло своей действительно развитой формы, человек не только в мыслях, в сознании, но и в *действительности*, в *жизни*, ведет двойную жизнь, небесную и земную, жизнь в *политической*

¹ См.: Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1954. Т. 1. С. 382–413.

общности, в которой он признает себя *общественным существом*, и жизнь в *гражданском обществе*, в котором он действует как *частное лицо*»¹. Человек как бы раздваивается на «*публичного и частного*»², абстрактного и реального. «Человек, как член гражданского общества, — поясняет К. Маркс, — имеет значение *собственно* человека, это — *homme* в отличие от *citoyen*, ибо он является человеком в своем чувственном, индивидуальном, *непосредственном* существовании, тогда как *политический* человек есть лишь абстрактный, искусственный человек, человек как *аллегорическое, юридическое* лицо. Реальный человек признан лишь в образе *эгоистического* индивида, *истинный* человек — лишь в образе *абстрактного* *citoyen*»³. На уровне общества это проявляется как «конфликт между *общим* интересом и *частным* интересом, раскол между *политическим* государством и *гражданским* обществом»⁴.

Права человека опосредуют обе составляющие его бытия, в зависимости от этого К. Маркс и проводит различие между собственно правами человека как частного лица, члена гражданского общества и правами гражданина или политическими правами. Последние осуществляются «лишь в сообществе с другими людьми. Их содержанием является *участие в этой общности*, и притом в *политической* общности, в *государстве*. Они входят в категорию *политической* свободы, в категорию *прав гражданина государства*»⁵.

Права человека как *таковые* (*droits de l'homme*) отличаются от прав гражданина государства (*droits du citoyen*); они «суть не что иное, как права *члена гражданского общества*, т.е. эгоистического человека, отделенного от человеческой сущности и общности»⁶. К. Маркс рассматривает их основываясь на французской Декларации прав человека и гражданина 1793 г. Права человека — это прежде всего его право на свободу; при этом «речь идет о свободе человека как изолированной, замкнувшейся в себе монады»⁷. «Право человека на свободу основывается не на соединении человека с человеком, а, наоборот, на обособлении человека от человека. Оно — *право* этого обособления, право *ограниченного*, замкнутого в себе индивида»⁸. Практическая реализация права человека на свободу — это

¹ Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1954. Т. 1. С. 390–391.

² Там же. С. 393.

³ Там же. С. 405.

⁴ Там же. С. 392, 398.

⁵ Там же. С. 399.

⁶ Там же. С. 400.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

право на *частную собственность*¹, т.е. «право по своему усмотрению (*à son gré*), безотносительно к другим людям, независимо от общества, пользоваться своим имуществом и располагать им; оно — право своекорыстия»². «Эта индивидуальная свобода, как и это использование ее, — подчеркивает К. Маркс, — образует основу гражданского общества. Она ставит всякого человека в такое положение, при котором он рассматривает другого человека не как осуществление своей свободы, а, наоборот, как ее предел»³.

Все другие права человека, провозглашенные Декларацией, интерпретируются в контексте базового права на свободу. Равенство есть равенство свободы. Безопасность предполагает обеспечение каждому члену общества «неприкосновенности его прав и его собственности»⁴.

«Следовательно, — резюмирует К. Маркс, — ни одно из так называемых прав человека не выходит за пределы эгоистического человека, человека как члена гражданского общества, т.е. как индивида, замкнувшегося в себя, в свой частный интерес и частный произвол и обособившегося от общественного целого. Человек отнюдь не рассматривается в этих правах как родовое существо, — напротив, сама родовая жизнь, общество рассматривается как внешняя для индивидов рамка, как ограничение их первоначальной самостоятельности. Единственной связью, объединяющей их, является естественная необходимость, потребность и частный интерес, сохранение своей собственности и своей эгоистической личности»⁵.

При этом государственно-гражданская жизнь есть лишь гарантия прав человека, а политическая общность низводится до простого *средства* для сохранения прав человека; «*сiтоуен* объявляется слугой эгоистического *homme*, а сфера, в которой человек выступает как общественное существо, ставится ниже той сферы, в которой он выступает как частное существо; ... не человек как *сiтоуен*, а человек как *bourgeois* считается *собственно* человеком и *настоящим* человеком»⁶.

Проведенное К. Марксом различие между правами человека и правами гражданина отражает классическую либеральную доктрину. В современной отечественной теории права оно, кажется, забыто. Права человека и права гражданина принято разграничивать на ос-

¹ Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1954. Т. 1. С. 400.

² Там же. С. 401.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 401–402.

⁶ Там же. С. 402.

новании сугубо формального, а не содержательного, как у К. Маркса, критерия, и в результате это становится бессмысленным.

Так, по мнению Л.Д. Воеводина, «эта двучленная классификация основывалась на естественно-правовой доктрине, которая учила, что одни права и свободы существовали до государства и не зависят от его признания, другие же, напротив, провозглашены государством и поэтому не существовали до него. Первые права — человека, вторые — права гражданина»¹. Такой позиции и сегодня придерживаются многие исследователи. «Права человека (равно как и обязанности), — утверждает Н.В. Витрук, — имеют естественное происхождение, вытекают из факта сочленства индивида в обществе, а права гражданина вытекают из сочленства индивида в государстве. Права человека с закреплением в конституции, законе трансформируются в права гражданина»². Таким образом, получается, что «государственное признание прав человека представляет собой форму их трансформации в права гражданина, которые есть лишь превращенные права человека»³. Отсюда в общем вполне логичен вывод, что «в наше время указанное деление все более утрачивает свой смысл, поскольку прирожденные права человека давно признаны всеми демократическими государствами и таким образом выступают одновременно и в качестве прав гражданина»⁴.

Однако согласно либеральной доктрине, прекрасно изложенной К. Марксом, различие прав человека и прав гражданина (и его стирание) имеет принципиально иной генезис и смысл. И права человека, и права гражданина естественны по своей сути и происхождению (т.е. не октроированы государством). Согласно естественно-договорным теориям, вступая в политическое сообщество (учреждая государство), люди передают ему часть своей естественной свободы, с тем чтобы обеспечить гарантии оставшейся ее части (естественных и неотчуждаемых прав человека) и обретают в связи с этим право участвовать в осуществлении государственной власти и контролировать ее действия. Презюмировалось, что государство обеспечивает права человека своим гражданам как членам политического сообщества, объединившимся именно с этой целью. В этом смысле Французская Декларация 1789 г. и говорит о правах человека и гражданина.

¹ Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972. С. 211–212.

² Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 255.

³ Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 176.

⁴ Лебедев В.А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России. М., 2005. С. 10.

Сегодня же утвердилось представление, что гражданство (сочленство в данном политическом союзе) не является необходимым условием для признания, обеспечения и защиты прав человека и государство должно гарантировать их всем лицам, находящимся под его юрисдикцией (своим гражданам, иностранцам, лицам без гражданства). Европейский Суд по правам человека только при наличии очень веских оснований может признать различие в обращении исключительно по признаку гражданства совместимым с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод¹. Статья 1 Конвенции возлагает на государства-участники обязанность обеспечивать предусмотренные в ней права «каждому, находящемуся под их юрисдикцией», т.е. не только своим гражданам и гражданам других государств-участников, но также и гражданам государств, не являющихся сторонами Конвенции, и лицам без гражданства². Выражение «находящийся под юрисдикцией» устанавливает единственную необходимую связь между «каждым» и государством — участником Конвенции³.

Различие в правах человека и гражданина признается допустимым лишь в отношении прав, обеспечивающих собственно участие в осуществлении власти (избирать и быть избранным, участвовать в референдуме, поступать на государственную службу). Причем и эти права являются естественными, неотчуждаемыми и принадлежат каждому человеку, только реализуются им в рамках того политического сообщества (государства), членом (гражданином) которого он является⁴.

Поэтому в современных условиях различие между правами человека и правами гражданина не стирается, а актуализируется. Если раньше права человека государство могло обеспечивать только своим гражданам (и в этом смысле можно было говорить о тождественности прав человека и прав гражданина), то сегодня привилегией граждан остаются лишь права участия во власти, а все иные права человека гарантируются всем людям независимо от наличия гражданства.

Но вернемся к воззрениям К. Маркса. Он полагал, что дуализм частной и публичной (политической) жизни человека, нашедший

¹ Eur. Court H.R. Gaygusuz v. Austria, Judgment of 16 September 1996. Reports. 1996-IV. Para. 42; Cisse v. France, Judgment of 9 April 2002. Para. 50; Koua Poirrez v. France, Judgment of 30 September 2003. Para. 46.

² Eur. Commission H.R. Application No. 788/60, Austria v. Italy, Decision of 11 January 1961. Yearbook. 1961. No. 4. P. 116 (138, 140).

³ Leach P. Taking a Case to the European Court of Human Rights. London, 2001. P. 105.

⁴ Категория апатридов невелика и данное состояние рассматривается как исключительное. Согласно современным международным стандартам государства должны содействовать сокращению числа лиц без гражданства. Так, Европейская Конвенция о гражданстве от 6 ноября 1997 г. (См.: Совет Европы и Россия: сборник документов. М., 2004. С. 417–426) в числе принципов, на которых должно основываться внутреннее право государств-участников, регулирующие вопросы гражданства, называет право каждого человека на гражданство и избежание случаев безгражданства (подп. (a), (b) ст. 4).

свое выражение в противопоставлении гражданского общества и его политической организации (государства), прав человека и прав гражданина, может и должен быть преодолен. Идеал социального устройства он увязывал с тем состоянием, «когда действительный индивидуальный человек воспримет в себе абстрактного гражданина государства и, в качестве индивидуального человека, в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях, станет *родовым существом*;... когда человек познает и организует свои “собственные силы” как *общественные* силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде *политической* силы»¹.

Такой идеал утопичен и тождественен деспотизму. Обособление частной и публичной сфер жизнедеятельности человека — неизбежное следствие ее усложнения, которое требует институционализации специальных способов социального управления — формирования публичной политической власти. Одновременно существование независимой от публичной власти сферы частной активности индивида является гарантией его свободы, а значит и подлинно человеческого бытия. Не случайно вслед за Ж.-Ж. Руссо К. Маркс признавал, что для торжества данного идеала необходимо изменить «человеческую природу, превратить каждого индивида, который сам по себе есть некое совершенное и изолированное целое, в *часть* более крупного целого, от которого этот индивид в известном смысле получает свою жизнь и свое бытие, ... поставить на место физического и самостоятельного существования *существование частичное и моральное*», отнять «у человека его *собственные силы*» и дать «ему взамен такие, которые были бы для него чужими и которыми он не мог бы пользоваться без содействия других»².

XX в., богатый политической практикой «изменения человеческой природы», точнее — грубого попрания ее, стал наглядным подтверждением нежизнеспособности политического идеала К. Маркса. Тем удивительнее кажется определенная актуализация его идей в современных интерпретациях прав человека.

Права человека сегодня обычно рассматриваются как моральные категории. Согласно Р. Дворкину — это моральные (морально оправданные) притязания человека, обращенные к государству и обществу³. Р. Алекси также считает моральность (моральный характер) важней-

¹ Маркс К. Указ. соч. С. 406.

² Там же. С. 406. См. также: Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права; Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре: трактаты. М., 2000. С. 230. Ж.-Ж. Руссо далее уточняет, что достижение «высокой степени совершенства» предполагает такое состояние, когда «каждый гражданин ничего собою не представляет и ничего не может сделать без всех остальных».

³ Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004.

шим признаком прав человека. Права человека, по его мнению, имеют исключительно моральную действительность, т.е. должны быть морально обоснованы¹. Эти моральные права приобретают юридический характер, будучи закреплены в конституции и законах, признаны судебной практикой². Оправданность притязаний на те или иные моральные права проистекает из принципов, лежащих в основе господствующей в обществе морали и утвердившейся правовой системы³. Р. Алекси прямо отождествляет права человека с принципами, которые признаются и подлежат обеспечению в рамках данной конституционной системы насколько это возможно с учетом иных принципов, присущих ей⁴. По сути, права человека оказываются лишь «соображениями, которые могут быть вытеснены другими соображениями»⁵.

Такое понимание прав человека достаточно прагматично, если не сказать утилитарно. Любое притязание может рассматриваться как право человека, если оно направлено на достижение определенных общественно значимых целей⁶. Концепции прав человека, преобладающие в континентальной Европе, вообще во многом основываются на убеждении, что права человека нельзя формально отличить от других интересов⁷. Дж. Раз, например, полагает, что в понятии прав нет ничего, что выражало бы особый «вес» или значение стоящих за ними интересов⁸. Права человека могут быть «перевешены» другими важными соображениями, например, коллективной пользой⁹. И в большинстве случаев вмешательство в осуществление прав человека обосновывается практическими соображениями, а не собственно юридическими¹⁰. Таким образом, в центре внимания оказывается не само право, а основания, оправдывающие его ограничение.

¹ См.: Алекси Р. Существование прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 4. С. 23–24.

² См.: Дворкин Р. Указ. соч. С. 151–174, 252–254.

³ Там же. С. 128, 179–182, 187–193, 205–207, 366.

⁴ См.: Alexy R. A Theory of Constitutional Rights. Oxford, 2002. P. 57.

⁵ Ibid.

⁶ McHarg A. Reconciling Human Rights and the Public Interest: Conceptual Problems and Doctrinal Uncertainty in the Jurisprudence of the European Court of Human Rights // The Modern Law Review. 1999. Vol. 62. Issue 5. P. 681.

⁷ См.: Rivers J. Proportionality and Variable Intensity of Review // Cambridge Law Journal. 2006. Vol. 65. No. 1. P. 180.

⁸ Raz J. The Morality of Freedom. Oxford, 1986. P. 186–192, 254–255.

⁹ McHarg A. Op. cit. P. 674.

¹⁰ См.: Kumm M. Constitutional Rights as Principles: On the Structure and Domain of Constitutional Justice // International Journal of Constitutional Law. 2004. Vol. 2. No. 3. P. 582. Конституционный Суд РФ считает, что цели ограничений конституционных прав и свобод «должны быть не только юридически, но и социально оправданны» (Определение Конституционного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 450-О «По жалобе гражданина Барсукова Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 58 статьи 2 и пунктом 2.1 статьи 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (п. 2

Для современного понимания прав человека характерен отказ от их сущностной интерпретации и увязывания с природой человека, неотъемлемо присущими ему свободой и достоинством.

Этические, натуралистические, сущностные интерпретации прав человека отвергаются как недостаточно функциональные и нерелевантные современной практике их защиты. Права человека перестают рассматриваться как собственно естественные, доинституциональные (т.е. возникшие до формирования институтов, обеспечивающих их защиту), которыми все люди обладают в силу их человеческой природы¹. Ссылки на неотъемлемо присущее человеку достоинство признаются контрпродуктивными, поскольку они переносят рассуждения о правах человека «в темные воды метафизики»². Акцентируется политическая функция прав человека — ограничивать действия представителей власти. Взамен традиционным представлениям о человеческом достоинстве предлагается его статусная концепция. Статусное достоинство человека — это нормативные стандарты поведения, атрибутируемые определенным выполняемым им социальным ролям. Оно предполагает как стандарты обращения с человеком (пассивное статусное достоинство), так и стандарты его собственного поведения (активное статусное достоинство). Обе составляющие достоинства взаимосвязаны: нарушение активного статусного достоинства (ненадлежащее поведение) ведет к утрате пассивного статусного достоинства (оправдывает отдельные виды обращения с человеком, недопустимые при его надлежащем поведении)³. Таким образом реанимируется старая советская (восходящая к идеям К. Маркса) концепция обусловленности осуществления прав надлежащим исполнением своих обязанностей⁴.

мотивировочной части) // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 2; Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» (п. 4 мотивировочной части) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7169).

¹ Vila M.I. Subsidiarity, Margin of Appreciation and International Adjudication within a Cooperative Conception of Human Rights // *International Journal of Constitutional Law*. 2017. Vol. 15. No. 2. P. 395.

² Valentini L. Dignity and Human Rights: A Reconceptualisation // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2017. Vol. 37. Issue 4. P. 863.

³ Valentini L. *Op. cit.* P. 862–885.

⁴ Наиболее отчетливо эта идея была выражена у А. Малицкого: гражданин «получает свои права... не ради своих милых глаз, не на основании своего рождения и не для достижения своих личных целей, но от государства, из рук господствующего класса, в интересах общественных, в целях осуществления своих обязанностей, лежащих на нем как на члене общества, как на участнике в процессе производства и распределения». Поэтому «права как гражданские, так и публичные должны рассматриваться как средства для осуществления гражданином его официальных функций, его общественных обязанностей. Это значит, что право, принадлежащее личности, есть не столько свобода личности, сколько ее общественная обязанность» (Малицкий А. Советская конституция. 2-е изд. Харьков, 1925. С. 48).

Сегодня все большую популярность получают так называемые политические, функциональные, инклюзивные, институциональные и т.п. концепции прав человека, в рамках которых права человека трактуются как производные от существующих институциональных механизмов и процедур их защиты и одновременно — в качестве условий включенности человека в политическое сообщество — национальное и глобальное¹.

Этические концепции прав человека бенефициароцентричны; в их рамках больше внимания уделяется самому требованию, выраженному в соответствующем праве — тем интересам, которые защищает данное право, и причинам, обуславливающим его универсальность, таким как характер соответствующих действий, базовые потребности, достойная жизнь, человеческое достоинство и т.п.), чем той стороне, которая призвана их обеспечивать и несет ответственность за их уважение и защиту.

Между тем универсальные моральные права сами по себе не могут обосновать необходимость своей защиты, даже когда они увязываются с самыми базовыми и насущными интересами и потребностями человека. В связи с этим предлагаются различные концепции, обосновывающие, как в конкретном историческом и социокультурном контексте моральные права трансформируются в собственно права человека. В рамках таких гибридных концепций прав человека акцентируется по меньшей мере две характерные черты прав человека, отличающих их от доинституциональных моральных прав. Во-первых, права человека динамичны по своему характеру. Они изменяются со времени и являются сложным продуктом рациональных оснований и случайностей. Права человека рассматриваются в контексте (1) стандартных угроз базовым интересам человека в современных условиях жизни; (2) наиболее эффективных способов защиты этих интересов, исходя из институциональных механизмов, реально или потенциально доступных для этого; (3) справедливости, надежности и достаточности существующих институциональных структур для защиты таких интересов от стандартных угроз в плюралистичном мире. Во-вторых, права человека являются законодательно признанными и юридически обеспечиваемыми, они функционируют как юридические стандарты, определяющие институциональную динамику (развитие институтов)².

¹ См., например: Rawls J. *The Law of Peoples with "The Idea of Public Reason Revisited"*. Harvard, 1999. P. 78–81; Beitz C. *The Idea of Human Rights*. Oxford; New York, 2009; Raz J. *Human Rights in the Emerging World Order // Transnational Legal Theory*. 2010. Vol. 1. Issue 1. P. 31–47; Cohen J. *Minimalism about Human Rights: The Most We Can Hope for? // Journal of Political Philosophy*. 2004. Vol. 12. Issue 2. P. 190–213.

² Vila M.I. *Op. cit.* P. 396.

Строго политические концепции прав человека вообще отказываются увязывать их с какими-либо этическими требованиями. Существование прав человека ставится в зависимость от социальных отношений, которые оправдывают защиту определенных благ и интересов. В отличие от общих моральных (естественных) прав, права человека могут быть концептуализированы (определены) как наши права в качестве членов сообщества в самом широком смысле слова. Права человека в отличие от моральных прав не могут существовать вне социальных структур. С одной стороны, они выражают требования относительной справедливости в контексте институционального взаимодействия. С другой — права человека выступают как критерии для оценки того, насколько хорошо функционируют институциональные структуры в отношении обеспечения базовых благ.

Таким образом, права человека ассоциируются с идеей членства в политическом сообществе и являются основным условием включенности в него. Игнорирование базовых интересов, ассоциируемых с этими правами, означает отрицание минимальных условий гражданства¹. Другими словами, не сущность прав человека определяет требования к институциональной структуре политического сообщества, а, напротив, признаваемые в рамках сообщества блага и интересы и существующие способы их обеспечения и защиты определяют права человека.

Человек при этом рассматривается именно по К. Марксу — не как обособленное, частное, автономное, самодостаточное лицо, а как «родовое, общественное существо», часть политического сообщества, от которого, в конечном счете, и проистекают его права. Это возвращает нас к, казалось бы, оставленным юридической наукой представлениям об октроированности прав человека и нивелирует их значение.

---

¹ Ibid. P. 396–397.

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ К. МАРКСА О ДЕМОКРАТИИ

А.И. Ковлер

Понятие демократии входило в круг интересов как молодого, так и «зрелого» Маркса. К этой теме он возвращался неоднократно, каждый раз уточняя и развивая свои позиции.

По традиции, идущей от Аристотеля, мыслители Нового времени трактовали демократию как одну из трёх «государственных форм» наряду с монархией и аристократией. Для них демократия это государственная форма, где верховная власть принадлежит всему народу либо непосредственно, либо через собрание граждан, избранное народом. Маркс, естественно, читал работы Т. Гоббса и Ш. Монтескье. Так, Монтескье писал: «Если в республике верховная власть принадлежит всему народу, то это демократия. Если верховная власть находится в руках части народа, то такое правление называется аристократией»¹. Демократия для Монтескье тождественна народному суверенитету, хотя и не означает поголовного участия всех в управлении: народ вправе поручить осуществление власти своим избранным уполномоченным. Именно это отличает демократическое государство от других форм правления.

Несомненно, эти идеи были созвучны взглядам молодого Маркса. Уже в своей ранней работе «К критике гегелевской философии права» он делает вывод: «Демократия есть государственный строй как родовое понятие»². В учебниках советского времени эта фраза надолго была определением демократии как формы государства. Опускалась за «ненадобностью» гениальная в своей антропологической сути

---

¹ Монтескье Ш. О духе законов // Избр. произведения. М., 1955. С. 169.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 251. Там же читаем: «Демократия есть разрешённая загадка всех форм государственного строя... Государственный строй выступает здесь как то, что он есть — как свободный продукт человека» (Там же. С. 252).

фраза: «Демократия исходит из человека и превращает государство в объективированного человека»¹.

Если для Аристотеля демократия определялась наряду с тиранией и олигархией как «отклоняющаяся форма» государственного устройства, то для Маркса только демократия выступает критерием истинности формы государства, он подчёркивает, что демократия «относится ко всем другим формам государственного строя, как род относится к своим видам <...>. Все остальные *государственные образования* представляют собой известную определённую *особую форму государства*. В демократии же *формальный* принцип является одновременно и *материальным* принципом. Лишь она, поэтому, есть подлинное единство всеобщего и особого»². Для Маркса очевидно, что «все государственные формы имеют в демократии свою истину и что поэтому они, поскольку не являются демократией, постольку же и не являются истинными»³.

Добавим, что в представлениях молодого Маркса демократия выступает не только как форма государства — антипод монархии (которой он априори отказывал в демократизме), но и как принцип организации политической власти в обществе, противоположный бюрократии.

К. Маркс и Ф. Энгельс вкладывают в понятие демократии и иные смыслы, которые сейчас активно используются в политической науке. Для них важна и мировоззренческая основа демократии — составная часть идеологии того или иного класса, не просто как «общечеловеческая» категория. В работе «Гражданская война в Швейцарии» Ф. Энгельс пишет, в частности, об открывшейся перед пролетариатом перспективе «почувствовать себя классом, обрести в демократии надлежащее политическое мировоззрение»⁴.

Было бы большим преувеличением представлять «ранних» Маркса и Энгельса некими буржуазными революционными демократами: уже в их ранних работах заявлено о неспособности буржуазной («простой») демократии устранить острые социальные противоречия. Ф. Энгельс в работе «Положение Англии. Английская конституция» писал: «Простая демократия неспособна исцелить социальные недуги. Демократическое равенство есть химера, борьба бедных против богатых не может быть завершена на почве демократии или политики вообще»⁵. По этой логике вся демократия становится «химерой»?

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 252.

² Там же. С. 252.

³ Там же. С. 253.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 355.

⁵ Там же. С. 642.

Отнюдь: для них (Маркса и Энгельса) демократия — это «только переход», «последнее политическое средство», которое следует испытать, чтобы развить новый элемент, а новый принцип: «Этот принцип есть принцип социализма»¹.

Действительно, со временем в работах К. Маркса всё чаще выявляется классовая сущность демократии. В наброске к работе «Гражданская война во Франции» он подчёркивает, что угнетательский характер государственной власти буржуазии выступает более беспощадно и более обнаженно в «анонимном царстве республики», нежели при монархии, где у власти может находиться лишь одна фракция господствующего класса². Позднее в «Капитале» К. Маркс подчёркивал, что непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям определяет политическую форму отношений суверенитета и зависимости, т.е. форму государства³. Интересно, как бы охарактеризовал К. Маркс форму государства постсоветской России?

Определение Марксом демократии как формы государства даёт ему возможность выявить содержание самой демократии, зависящее от конкретных проявлений сущности государства, методов осуществления политического господства отдельных классов (сохраняем терминологию Маркса-Энгельса — А.К.). Таким образом, демократия как форма государства логически выводится марксистской теорией в плоскость соотношения государство—классы—демократия: демократия по-Марксу обеспечивает господствующему классу политические права и свободу выдвигать представителей своего класса для управления государством.

К пониманию этой взаимосвязи подходили многие мыслители и до Маркса. Так, ещё Аристотель утверждал, что форма государства зависит от перевеса того или иного «общественного элемента»⁴. Позже эта идея о классовой сущности демократии будет доведена В.И. Лениным до логической завершенности: «Если не издеваться над здравым смыслом и над историей, то ясно, что нельзя говорить о “чистой демократии”, пока существуют различные *классы*, а можно говорить только о *классовой* демократии»⁵. Ф. Энгельс развил идеи К. Маркса о классовом характере государства и демократии. В «Анти-Дюринге» читаем: «Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно

¹ Там же. Отсылаем также к фундаментальной работе Л.С. Мамута «Карл Маркс — теоретик государства». М., 1979.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 614–615.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 354.

⁴ Аристотель. Политика, IV, 3. 1291a.

⁵ Ленин В.И. Полное собр. соч. Т. 37. С. 251.

было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял всё общество: в древности оно было государством рабовладельцев — граждан государства, в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии¹. Таким образом, государство легитимирует господство одного класса, а этот класс в свою очередь приспосабливает форму государства к собственным интересам, чтобы иметь свободу в формировании своей воли. В этом случае демократия даёт прежде всего свободу господствующему классу выдвигать своих представителей в управлении делами государства. Именно поэтому уже в «Манифесте Коммунистической партии» (1848) в качестве основной задачи пролетарской революции провозглашалось «превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии»². В ответ на диктатуру буржуазии рабочий класс должен установить собственную диктатуру³, делает в 1850 г. вывод К. Маркс, уточняя впоследствии, что эта диктатура — классовая диктатура пролетариата⁴ — является переходной ступенью, открывающей путь к «уничтожению всех классов и к обществу без классов»⁵.

Напомним, что В.И. Ленин неоднократно возвращался к идеям К. Маркса о демократии, утверждая: «Демократия вообще не устраняет классовой борьбы, а лишь делает её сознательной, свободной, открытой»⁶. Отсюда и несколько оппортунистический вывод о том, что «пока на очереди не стоит борьба рабочего класса за всю власть, использование форм буржуазной демократии для нас обязательно»⁷.

Итак, поворот от общегуманистических трактовок демократии к выделению её классовой природы произошёл у К. Маркса уже в начале его творческого пути. Доминантой классового подхода были период формирования Первого Интернационала, уроки Парижской Коммуны. Но известно и то, что под влиянием своего соратника и друга Ф. Энгельса в последний период своей жизни К. Маркс увлёкся изучением исторических форм организации общества, трудами Мэна, Баховена, Моргана, Ковалевского. Свидетельства тому — конспекты трудов этих авторов.

«Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны, — писал К. Маркс ещё в «Экономических рукописях» 1857–1859 гг. — Намёки же на более высокое у низших видов животных могут быть поня-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 291–292.

² Там же. Т. 4. С. 446.

³ Там же. Т. 7. С. 31.

⁴ Там же. С. 91.

⁵ Там же. Т. 27. С. 427.

⁶ Ленин В.И. Полное собр. соч. Т. 22. С. 75.

⁷ Там же. Т. 37. С. 438.

ты только в том случае, если стало это более высокое уже известно»¹. В исторической науке и археологии этот ретроспективный метод получил название реконструкции. Этот метод позволяет искать «намёки» на современные формы демократии уже в демократизме первобытного общества.

Мы не можем гадать, к каким выводам пришёл бы К. Маркс, если бы судьбой ему была бы отпущена более долгая жизнь. Во всяком случае, обращение к генезису права и государства, «самоуправлению» первобытных и раннеклассовых обществ («военная демократия» у Мэна и Энгельса) навели К. Маркса и Ф. Энгельса на идеи отмирания государства в бесклассовом обществе, и на идеи самоуправления народа («управление народа посредством самого народа»²) как ассоциации свободных людей. Важно при этом отметить, что «классический» марксизм уже в первых программных произведениях перевёл проблему упразднения государства и демократии из области утопий в плоскость объективного развития исторического процесса. Просто в работах «поздних» Маркса и Энгельса этот подход получил своё окончательное теоретическое обоснование.

Можно спорить о преходящем или, напротив, нетленном значении идей К. Маркса о демократии. Но очевидно одно: эти идеи и сама методология их обоснования дают блестящий пример диалектики познания общественных явлений. Не потому ли, изгнанный из постсоветских университетов, К. Маркс продолжает изучаться в западных университетах, его творчеству посвящены диссертации и солидные монографии. Остаётся надеяться на то, что новое поколение отечественных исследователей, полностью освободившись от постсоветского синдрома, вновь обратит внимание на труды этого выдающегося мыслителя.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 42.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. Ч. II. С. 350.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

**ПРАВО
И ГОСУДАРСТВО —
ОБЪЕКТ КРИТИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА**

Оценка государственно-правовой действительности в трудах К. Маркса подвергалась тщательнейшему анализу в научных и политических кругах. Зачастую аргументы как молодого, так и зрелого Маркса применялись для подтверждения или опровержения одних и тех же тезисов, что демонстрировало предвзятость их авторов. Вместе с тем многие воззрения Маркса, как будет показано в разделе втором настоящей работы, актуальны и по сей день. Авторы вновь открывают читателю наиболее примечательные моменты учения Маркса применительно к нынешним государственно-правовым реалиям, поднимают проблемы онтологии и гносеологии в познании права и государства, исследуют отдельные вопросы жизни современного общества.

Кроме того, в этой части сборника можно проследить внутреннюю эволюцию взрослеющего Маркса, в аргументации которого следы гегелевского идеализма хоть и остаются, но в преобразованном виде, с использованием материалистического метода.

Также авторы рассмотрели анализ Маркса в отношении отдельных правовых институтов, который может быть заимствован современной юридической наукой.

РАДИКАЛЬНАЯ КРИТИКА ПРАВА: ОТ РАННЕГО МАРКСА — К СОВРЕМЕННОСТИ

З.В. Соломко

Когда о каком-то мыслителе вспоминают в связи с очередной юбилейной датой, формат академического разговора чаще всего бывает не отличим от торжественных поминок: что называется, поговорили — и разошлись заниматься своими привычными делами, а прах и дальше покоится с миром. Полагаю, Маркс менее всего заслуживает такого отношения. Чтобы не скатиться в 200-летнюю годовщину со дня его рождения к пустому ритуальному чествованию, следует вспомнить о том, что в идейной и практической деятельности Маркса было основным, и соотнести ключевые идеи и главные идеалы современной отечественной теории права с этим марксовым наследием, честно отвечая на вопрос об истинности сравниваемых концепций и их объективной взаимосвязи с интересами господствующих и угнетенных социальных групп и классов.

По моему убеждению, главная интенция Маркса в политико-правовой области может быть определена как *радикальная критика государства и права*. Эта интенция появляется уже в его раннем творчестве и со временем усиливается, обретая все большую конкретность. Именно благодаря этой интенции Маркс сегодня продолжает оставаться одним из главных и наиболее непримиримых теоретических и идеологических противников мейнстримной теории права¹.

---

¹ Здесь и далее под мейнстримной теорией права понимаются господствующие в академической юриспруденции направления правопонимания, в том числе формально-догматическая юриспруденция и прочие формы классического юридического позитивизма, естественно-правовая теория, постмодернистское правопонимание и различные их эклектические соединения. С идеологической стороны мейнстримное правопонимание характеризуется приверженностью консервативным или либеральным ценностям.

Формат небольшой статьи не позволяет раскрыть хоть сколько-нибудь пространно содержание марксовой *радикальной критики права*, ту роль, которую она сыграла в развитии научной теории права, на ее статус в современном правопонимании и ее актуальность — обращу внимание лишь на несколько моментов, которые часто затемняются или вытесняются в постсоветской теории права.

В отличие от прочих теоретико-правовых построений претендующих на то, чтобы считаться *критическими* и *научными*, марксова радикальная критика права — это не поверхностная частичная ревизия правовых явлений, которая не решается заходить за те или иные идеологические «красные флажки» и то и дело приносит истину в жертву частным интересам, а ни перед чем не останавливающееся, предельно конкретное, доходящее до *основания* исследование права как исторически обусловленной социальной формы, не совместимое с апологией этого социального регулятора, его фетишизацией в качестве естественной и неустранимой *нормальности* социального бытия.

Представители мейнстримной юриспруденции часто или делают вид, что не понимают, чем марксова *критика* отличается от их «*критических*» выкладок, — и тем самым отрицают сам факт действия идеологических ограничителей, которые требуют на той или иной стадии познания права, когда теоретические выводы становятся опасными для интересов господствующих социальных групп и классов, оборвать процесс восхождения от абстрактного к конкретному, или просто без лишних разговоров безосновательно ставят на марксовой критике права штамп «правовой нигилизм», несмотря на то что последняя не имеет с этим явлением ничего общего: вскрывать историческую ограниченность правовой формы общественных отношений и ее социально-классовую функциональность, показывая при этом ее объективную обусловленность и даже прогрессивность на том или ином конкретно-историческом этапе развития, — совсем не то же самое, что отрицать эту форму без достаточных оснований.

Хотя очевидно, что за стигматизацией марксистского понимания права в качестве нигилистического скрывается желание уйти от проблематизации конечных оснований бытия права и функциональности самой буржуазной юридической науки, эта стратегия используется в постсоветском правопонимании почти так же часто, как в советской юриспруденции использовалась против «классово чуждых» авторов погромная «марксоидная» риторика, которая имела мало общего с аутентичным марксизмом, но при этом внесла немалый вклад в его дискредитацию.

Ранний Маркс не тождественен Марксу зрелому, но нужно быть очень невнимательным или очень предвзятым читателем, чтобы не

заметить того, что уже у молодого Маркса — периода 1842–1845 гг. («Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции», «Дебаты по поводу закона о краже леса», «К еврейскому вопросу», «К критике гегелевской философии права», «Святое семейство») — появляются, постепенно вызревают и вполне оформляются все основные составляющие его *критической правовой теории*: диалектика, материализм, революционный демократизм, понимание права как одного из «несвященных образов» человеческого самоотчуждения, а спекулятивной философии права — как формы ложного сознания, подлежащей идейному, но *прежде всего* практическому отрицанию.

Этот генезис марксистского правопонимания именно у молодого Маркса убедительно раскрыт еще раннесоветскими теоретиками права, в частности И.П. Разумовским¹ и В.А. Турецким². Подготовив совместно с А. Панферовым книгу «К. Маркс и Ф. Энгельс о праве»³, И. Разумовский проделал работу, сходную с той, которую с эстетической теорией Маркса в 1930-е гг. проделал Мих. Лифшиц, подготовивший антологию «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве»⁴.

Марксова радикальная критика права была не продуктом чистой мысли, не результатом только восприятия и переработки разных в той или иной степени влиятельных идейных традиций, но *в конечном итоге* голосом самого общественного бытия, его нерешенных противоречий. Идеалистические политико-правовые иллюзии молодого Маркса выросли на почве отсталой прусской экономики и ее реакционного монархизма — и все они рассеялись как дым, как только Маркс встал на почву более развитого социального бытия, получил возможность близко познакомиться с опытом развитых капиталистических стран Европы. Именно эта почва сделала возможным тот фундаментальный переворот в мировоззрении и правопонимании молодого Маркса, о котором сам мыслитель писал так:

«Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет “гражданским обществом”, и что анатомию гражданского общества следует

¹ См., в частности: Разумовский И.П. Понятие права у К. Маркса и Ф. Энгельса // Под знаменем марксизма. 1923. № 2–3. С. 68–97.

² Турецкий В.А. К характеристике взглядов Маркса на государство в 1842–1843 гг. / В. Турецкий // Советское государство. 1938. № 3. С. 50–64.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс о праве. Мысли и отрывки, подобранные А. Панферовым / под ред. и с пояснительными замечаниями И.П. Разумовского. М.: Издательство Коммунистической Академии, 1925.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве: в 2-х т. / К. Маркс, Ф. Энгельс; сост. М. Лифшиц. М., 1957.

искать в политической экономии. ... Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»¹.

Современный российский периферийный капитализм внушает теоретикам права разные неокантианские иллюзии², которыми они рады обманываться, но прикрывать свой идеализм молодым Марксом — занятие негодное и зряшное, в том числе и потому, что Маркс от своих идеалистических иллюзий очень быстро избавился и был их самым беспощадным критиком. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны, и эта истина применима и к идейным системам: раннее правопонимание Маркса относится к более позднему как едва зародившееся и еще не расчлененное внутри себя, неустойчивое образование относится к зрелой, уже обретшей полную определенность и устойчивость целостности.

Вопреки тому представлению, которое до сих пор владеет сознанием многих постсоветских мейнстримных теоретиков, наследником аутентичного марксизма в академическом правоведении не была «советская теория права» как таковая, а марксистское понимание как актуальное идейное направление не умерло вместе с СССР.

В советской теории права хранителями и продолжателями марксовской радикальной критики стали только раннесоветские теоретики, в числе которых в первую очередь нужно назвать Евгения Брониславовича Пашуканиса³, Петра Ивановича Стучку⁴, Исаака Петровича Разумовского⁵. В советской России марксистское правопонимание

¹ Маркс К. К критике политической экономии: предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., Т. 13. С. 6–7.

² См.: Соломко З.В. На кругах юридического неокантианства: к вопросу о феномене рецепции кантовской философии права в российском правопонимании // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 1. С. 229–232; Соломко З.В. Назад к Канту, или Вирус неокантианства в российской юридической науке // URL: http://kritikaprava.org/library/185/_nazad_k_kantu_ili_virus_neokantianstva_v_rossijskoj_yuridicheskoi_nauke (дата обращения: 20 апреля 2018 г.).

³ См.: Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. 3-е изд. М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1929.

⁴ См.: Стучка П.И. Революционная роль права и государства / П.И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 43–222.

⁵ См.: Разумовский И.П. Проблемы марксистской теории права. М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1925.

после Октября 1917 г. впервые стало мейнстримом благодаря мощному социалистическому импульсу Октябрьской революции. Затем, по мере затухания, а точнее подавления этого импульса, ситуация стала меняться. Логичным следствием сталинской контрреволюции конца 20-х гг. стало уничтожение радикальной критики права как течения академического правосознания, причем за свои идеи некоторым ее представителям, включая Е. Пашуканиса и И. Разумовского, пришлось поплатиться жизнью и долгим забвением.

Исчезнув в СССР, спустя несколько десятилетий это идейное направление стало возрождаться усилиями западных теоретиков. Это один из тех парадоксов, который то и дело ставит в тупик либеральных критиков марксизма и якобы выросшего из него советского «тоталитаризма»: оказывается, не где-нибудь, а в самом эпицентре буржуазного академического мира существуют в заметном количестве марксистские теории права и в еще большем — те, кто, не называя себя марксистами, активно используют марксистский инструментарий и продвигают антикапиталистические, близкие марксизму социальные идеалы. Речь идет о широком направлении западного правопонимания — современной критической правовой теории¹ и в первую очередь о марксистской теории права как одном из ее течений².

Современная западная марксистская теория права начала активно развиваться еще в 70-е годы, в то же самое время, что и движение за критические правовые исследования (*critical legal studies*). Как и аутентичный марксизм, и раннесоветская марксистская теория права, марксистское западное правопонимание второй половины XX в. стало не только необходимым результатом внутренней логики развития политико-правовой мысли, но прежде всего отражением определенных закономерностей самого общественного бытия, реакцией на глубокие социальные проблемы и противоречия XX в. Известные представители этого направления, Роберт Файн и Сол Пиччиотто, оглядываясь назад, писали:

«Возрождение марксизма в Западной Европе в 60–70-х годах XX века было ответом, с одной стороны, на крах сталинизма, служившего опорой догм и тирании государственного социализма, с другой — на банкротство самоуверенного либерализма, который игно-

¹ См. об этом, в частности: Соломко З.В. Критические подходы к пониманию права: теоретические и идеологические контуры (реферативный обзор очерка А. Томсона) // Ученые записки Российской государственного социального университета. 2013. № 6. Т. 1. С. 70–75.

² См.: *Marxism and the Law* / Ed. by P. Beirne and R. Quinney. New York: Academic Press, 1980; *The Politics of Law — A progressive critique* / Ed. by D. Kairys. New York: Pantheon books, 1982; Quinney R. *Critique of Legal Order. Crime Control in Capitalist Society*. Boston: Little, Brown and Company, 1974; *The Critical Lawyers' Handbook. Volume 1.* / Ed. by P. Ireland and I. Grigg-Spall. London: Pluto Press, 1992; см. также список источников, приведенный в цитируемой ниже статье Р. Файна и С. Пиччиотто.

рировал капиталистическое неравенство и угнетение или относился к ним с толерантностью. Вследствие этого марксистская критика права и государства имела двустороннюю динамику: фокусировалась и на пределах буржуазной свободы в социальных системах, основанных на частной собственности, и на границах “социалистической” свободы в обществах, основанных на государственной собственности»¹.

Человеку, который живет в современной России и все еще надеется на то, что страна рано или поздно выйдет на столбовую дорожку мирового развития — путь так называемых западных демократий, — сложно осмыслить тот факт, что какие-то западные теоретики, получающие неплохие бонусы от социального государства и буржуазной демократии, могут полагать, что капиталистический миропорядок ни в его нынешней, ни в какой-то другой форме не может рассматриваться в качестве идеала общественного развития.

Основная и главная претензия, которую марксистские праведы предъявляют капитализму, состоит в том, что он не решает проблем неравномерного и несправедливого распределения основных социальных капиталов (собственности на средства производства, политической власти, знаний), эксплуатации, разных форм социального угнетения и человеческого отчуждения. Прежде всего в этом и состоит мировоззренческое отличие западной марксистской теории права от мейнстримной юриспруденции, которая твердо стоит на том, что существующая социальная система, то есть капитализм как таковой, в своей основе не является проблемой и нуждается разве что в косметических улучшениях.

Что касается правовой сферы, то для западного марксистского правопонимания неприемлема та натурализация и фетишизация капиталистической правовой формы, которой занимается буржуазная теория права. По убеждению марксистских праведов, их противники игнорируют ряд принципиальных вещей: в частности, тот факт, что право в любом классовом обществе, в том числе в наиболее развитых странах, опосредствует классовое господство и неравномерное распределение в обществе основных социальных ресурсов, что оно не нейтрально и насквозь идеологично, хотя имеет видимость автономности и нейтральности, что двойные правоприменительные стандарты, как и внутренняя противоречивость любой системы буржуазного права — противоречие между частными нормами и общими принципами — неустранимы, что правовое государство, права человека и представительная демократия суть такие формы,

¹ Файн Р., Пиччиотто С. О марксистской критике права / пер. с англ. А. Трончу и З. Соломко // URL: http://kritikaprava.org/library/93/o_marksistskoj_kritike_prava (дата обращения: 18 апреля 2018 г.).

которые при капитализме работают прежде всего к выгоде ничтожного меньшинства (тех самых «белых» людей, живущих в странах западного капитализма и имеющих собственность на средства производства материальных и духовных благ).

Кстати, последнее положение, вызывающее бурный протест у либерально настроенных отечественных мейнстримных правоведов, неизменно подтверждается сухой, но весьма красноречивой статистикой, к примеру, такой: по оценкам Oxfam International, 82% мировых богатств, созданных в 2017 г., осели в руках 1% населения¹.

Марксистские правоведы полагают, что названные и некоторые другие упущения мейнстримной теории права дают основания рассматривать ее как род современной идеологии, которая стабилизирует статус-кво и препятствует утверждению более разумно и справедливо устроенного общества, — в этом пункте они солидарны с представителями *critical legal studies*.

«Вульгарная юриспруденция, — писал Боб (Роберт) Файн, — была о возникновении частной собственности, права и государства из человеческой активности, об их социально обусловленном характере, который отличает их от других форм собственности и власти, об их исторических источниках, о противоречиях и антагонизмах, неотъемлемых от их функционирования. Вместо этого она относится к ним как к ... естественным, вечным ... и идеальным атрибутам всех социальных организаций. Таким образом, она притупила критическое острие классической юриспруденции и подчинила научное исследование оправданию и обслуживанию буржуазной собственности и власти»².

Свою главную задачу марксистские теоретики права видят в критике этой идеологии и поиске путей для демонтажа капитализма, при этом они не отрицают возможности и необходимости использования для достижения этих целей тех или иных правовых форм.

«Правовую ангажированность, — доказывают Р. Файн и С. Пиччиотто, — следует рассматривать как существенный аспект более широкой социальной борьбы, и правовые тактики и стратегии должны быть соотнесены с другими формами организации и действия. Взятые сами по себе, юридические процессы могут вызывать рознь и ослаблять социальную солидарность. Однако нельзя избегать правовых форм, поскольку право служит и средством защиты, и способом обобщения достижений той или иной частной борьбы. Зачастую

¹ См.: Коттасова И. 82% всех богатств, созданных в 2017 году, попали в руки 1% // URL: <http://ukraine.politicalcritique.org/2018/03/19/82-vseh-bogatstv-sozdannyh-v-2017-godu-popali-v-ruki-1/> (дата обращения: 25 апреля 2018 г.).

² Fine B. Democracy and the Rule of Law. Liberal Ideals and Marxist Critiques. London and Sydney: Pluto Press. 1984. P. 203–204.

не существует иного пути для преодоления сектантства, чем через легализацию прав, которые завоевываются определенными социальными группами в специфических обстоятельствах. Связать конкретные виды социальной борьбы с формой и содержанием права — это значит не юридизировать политику, а политизировать юриспруденцию. Таков урок, усвоенный многими социальными движениями в течение последних двух десятилетий»¹.

В современной западной марксистской теории права есть понимание того, что советская система не была подлинно социалистической и что поэтому трагическая история СССР и других стран, называвших себя социалистическими, не является аргументом против социалистических и коммунистических идеалов.

При этом ряд западных теоретиков уверены, что опыт Октября и в целом СССР очень важен и ценен². Они полагают, что в этом опыте есть важные ориентиры для перехода к более демократическому и эгалитарному обществу и что поэтому он должен быть снят по-гегелевски, а не так, как это произошло на постсоветском пространстве. «... русская революция..., — убежден Чайна Мьевиль, — имела и имеет отношение не только к России. Она вполне может стать общим достоянием. И коль скоро ее фразы остаются незавершенными, от нас зависит, как лучше их закруглить»³. Отсюда внимание западных теоретиков права к раннесоветскому правопониманию, особенно к идеям Е. Пашуканиса⁴, который, по всей видимости, является самым цитируемым и авторитетным на Западе российским теоретиком права.

Примечательно, что прогрессивная западная правовая мысль поглощена решением примерно того же круга проблем, которые волновали раннесоветских теоретиков права. И, конечно, примечательно то, что постсоветская мейнстримная теория права этих проблем в упор не видит, отгораживается от них пустыми неокантианскими и формально-догматическими построениями, разного рода постмодернистскими дискурсами или откровениями дореволюционной либеральной и консервативной философии права.

Постсоветское мейнстримное правоведение если и готово терпеть радикальную критику права, то только в гомеопатических дозах и в разбавленном виде — аутентичная марксистская политико-правовая

¹ Файн Р., Пиччиотто С. Указ. соч.

² См., к примеру, недавно вышедшую и переведенную на русский язык книгу известного теоретика права марксистского направления Ч. Мьевиль: Мьевиль Ч. Октябрь / пер. с англ. М., 2017.

³ Там же. С. 11.

⁴ См., к примеру, относительно недавно вышедшие монографии: Miéville C. *Between Equal Rights: A Marxist Theory Of International Law*. Leiden; Boston: Brill Academic Publishers, 2005; Head M. Evgeny Pashukanis: A Critical Reappraisal. Taylor & Francis e-Library, 2007.

мысль вызывает либо недоумение и непонимание, либо плохо скрываемую идиосинкразию. Способ производства, капитализм, классовый анализ, эксплуатация, угнетение, классовая борьба и классовая солидарность, сознательная низовая самоорганизация, демократический контроль за производством, прямая демократия в управлении государством, обобществление собственности — понятия, практически вышедшие из лексикона постсоветской теории права.

Убедительно объяснить такое расхождение идейных путей можно только одним: все дело в разной природе того способа производства, который сейчас господствует в России, и того способа производства, на почве которого выросла современная западная марксистская теория права.

Западный ортокапитализм, при котором капиталистический способ производства проявляет себя наиболее полно и зримо, или, говоря гегелевским языком, в наибольшей степени соответствует своему понятию, создает благоприятную почву для вызревания таких форм мышления, которые адекватно отражают сущность капиталистического общества, закономерности его развития и стоящие перед ним проблемы. Напротив, российский зависимый периферийный капитализм (паракапитализм), в котором капиталистический способ производства явлен не в чистом виде, смазан, затемнен элементами других способов производства, в том числе азиатским (неополитарным)¹, и который имеет к тому же не очень долгую историю, в гораздо большей степени благоприятствует формированию разного рода идеологических иллюзий, ложных представлений и надежд.

Когда же существует еще и неплохо оплачиваемый идеологический запрос со стороны выгодоприобретателей этого периферийного капитализма на распространение таких иллюзий и затемнение истины, у последней остается мало шансов — ей приходится довольствоваться участием маргиналки, наблюдать, как либеральная правовая идеология сменяется мечтами о «суверенной демократии», поисками «духовных скреп» и реабилитацией уваровской триады, и ждать тех вечерних или предрассветных сумерек, которые позволят ей, как гегелевской Сове Минервы, явить себя миру.

¹

О различии между ортокапитализмом и паракапитализмом, а также о политарном (неополитарном) способе производства см., к примеру: Семенов Ю.И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003. С. 439, 487–503, 505–508.

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ В ТРУДАХ К. МАРКСА

А.Г. Никитин

«Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции»¹ — первая публицистическая статья К. Маркса, в которой он достаточно полно, аргументированно и последовательно обосновал проблему свободы печати в Пруссии в начале 40-х годов XIX в. Несмотря на то, что с момента выхода в свет данной работы прошло уже достаточно много лет, она не потеряла своей актуальности и сегодня, в век цифровой экономики. Особенно, когда ряд современных государств не только активно применяют цензуру средств массовой информации, ограничивают доступ к Интернету, электронной почте, но и выступают в качестве цензоров социальных сетей и мессенджеров. Причем, в некоторых странах, например, в Китае, контроль над национальным интернет-сегментом является неотъемлемой частью государственной политики². Не претендуя на всесторонний анализ вышеназванной статьи, а также оставляя в стороне саркастичный стиль самого произведения, считаем необходимым остановиться на ряде проблем, которые были озвучены К. Марксом в этой работе.

Одним из центральных вопросов анализируемой статьи является проблема нравственного государства и закона. Основная проблема общественной жизни Германии рассматривается Марксом как противоречие между идеей нравственного государства, основанного на разуме, и прусским государством, основанным на христианской религии. Причем данная проблема понимается мыслителем не про-

¹ Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 3–27.

² См.: Бевза Д. Вслед за Китаем: 5 стран, блокирующих интернет // URL: https://www.gazeta.ru/tech/2018/05/02/11737033/china_and_others.shtml?updated

сто как противоречие между идеалом и действительностью, а как противоречие, присущее самой развивающейся действительности. «Нравственное государство, — по мнению философа, — предполагает в своих членах государственный образ мыслей, если даже они вступают в оппозицию против органа государства, против правительства. Но в таком обществе, в котором какой-либо один орган мнит себя единственным, исключительным обладателем государственно-го разума..., которое принципиально противопоставляет себя народу и поэтому считает свой антигосударственный образ мыслей всеобщим, нормальным образом мыслей..., — там нечистая совесть политиканствующей клики».

Отсюда следует вывод о том, что пропаганда идеи нравственного государства должна поднять сознание народа по вопросу сущности государства и привести, в конечном счете, к свободе слова. Осознание народом своей задачи, в свою очередь, ускорит процесс появления нравственного государства. Противопоставление же нравственного и прусского государства, позволяет К. Марксу сделать вывод о том, что в существующем прусском государстве происходит «последовательное беззаконие» с попустительства и «бессовестного поведения высших правительственных чиновников». Именно поэтому сословному представительству в Пруссии Маркс противопоставляет подлинно демократическое представительство как самодеятельность народа, принимающего решающее участие в государственных делах¹.

Аналогичным образом философ противопоставляет нравственный закон, основанный на разуме, и прусский закон, основанный на религиозных догмах. «Закон, карающий за образ мыслей, не есть закон, изданный государством для его граждан, это — закон одной партии против другой ... Это — закон не единения, а разъединения, а все законы разъединения реакционны. Это не закон, а привилегия, — заключает К. Маркс». Поэтому гражданин должен исполнять законы государства в силу своего человеческого разума. «Законы, преследующие за принципы, имеют своей основой беспринципность, безнравственный, грубо-вещественный взгляд на государство». Следовательно, закон должен распространяться только на поступки человека, а не на его мысли.

Однако еще более возмутительным, с позиции К. Маркса, являются средства и способы, которые используются для реализации прусских законов, карающих за мысли. К ним он относит шпионов и предварительное соглашение считать то или иное литературное направление подозрительным. Причем, как показывает история,

¹ Нерсесянц В.С. Марксова критика гегелевской философии права: в период перехода К. Маркса к материализму и коммунизму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965. С. 3–4.

аналогичные способы воздействия характерны и для современных государств. Так, несколько лет назад Министерство культуры и туризма Украины изъяло из библиотечного фонда в массовом порядке как имеющую шовинистическую направленность литературу советского периода, в частности, произведения М.А. Булгакова и В.В. Маяковского¹. Поэтому трудно не согласиться с утверждением о том, что особенно важно в качестве возможного адресата правовых ограничений видеть не только личность, но и государство².

Исходя из этого К. Маркс делает вывод о том, что разумные законы не те, что существуют в прусском государстве, а только те, что соответствуют интересам народа. Установление же народовластия Маркс связывает с революцией, с борьбой народных масс за свои права и свободы³. При этом К. Маркс вовсе не выступал в роли идеолога буржуазии, а являлся своеобразным «адвокатом бедняков»⁴. Вместе с тем другой представитель неогегельянства, английский философ Т. Грин, рассуждая об ответственности личности в условиях ее несогласия с политикой государства, считал, что невыполнение своего долга государством должно освобождать его граждан от повиновения⁵.

Между тем, анализируя позицию К. Маркса по вопросу свободы печати в Заметках о новейшей прусской цензурной инструкции, необходимо учитывать исторические и политические причины принятия самой цензурной инструкции от 24 декабря 1841 г. Во-первых, сначала своего основания в 1701 г. и вплоть до 1848 г. в Пруссии была установлена абсолютная монархия с характерным для этой формы правления контролем власти над всеми сферами жизни общества. Во-вторых, цензурная инструкция стала своеобразным продолжением Карлсбадских Постановлений 1820 г., согласно которым вводились репрессивные меры против революционного движения в Германском союзе⁶. Среди них: запрещение конституций в германских государствах, отправка союзных войск в те германские государства, которые не смогут выполнить решения Союза из-за сопротивления

¹ См.: Из библиотек Украины изымают книги Булгакова и Маяковского // URL: <http://www.regnum.ru/news/1090761.html>

² Лазарев В.В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 35–37.

³ Научное наследие кафедры теории государства и права ВЮЗИ — МЮИ — МГЮА: сборник научных трудов / К.А. Мокичев, А.М. Айзенберг, Э.Л. Розин, А.М. Васильев, А.Б. Венгеров; сост. А.В. Корнев, С.В. Липень, Д.В. Шепелев, Е.К. Матевосова. М., 2017.

⁴ Розин Э.Л. К вопросу о формировании государственно-правовых взглядов К. Маркса // Правоведение. 1969. № 6. С. 88–100.

⁵ Анализ философских воззрений Т.Х. Грина осуществлен по источнику: Мартышин О.В. Нравственные основы теории государства и права // Государство и право. 2005. № 7. С. 11.

⁶ Советская историческая энциклопедия / под ред. Е.М. Жукова. М., 1973–1982. С. 501.

подданных, подчинение цензуре всей периодической печати, создание следственной комиссии для борьбы с демагогическими и революционными проступками и т.д. В-третьих, сохранение института цензуры в Пруссии в первой половине XIX в. было обусловлено различными политическими событиями в самом германском государстве. В частности, оппозиционная активность явно просматривалась в деятельности земельных парламентов, организации «Молодая Германия», Вартбургской и Гамбахской манифестациях, движении основателя спортивных гимнастических союзов «турнфатера» Яна, а также студенческих буршских корпорациях¹. Поэтому, обстоятельно критикуя цензурную инструкцию, К. Маркс в действительности осуждает существовавшую в то время в Пруссии форму правления и основанный на ней политический режим. Хотя с позиции абсолютной монархии, установленной в Пруссии в первой половине XIX в., вышеназванные ограничения прав и свобод граждан полностью соответствуют признаками данной формы правления и выглядят обоснованными.

Наряду с этим возникает и другая проблема, которая относится к внутренней противоречивости самой цензурной инструкции. В статье последовательно обосновывается ряд логических противоречий цензурной инструкции, которая провозглашает свободу печати и одновременно ужесточает государственный надзор за содержанием и распространением печатной продукции. Причем, логика в тексте статьи выступает у К. Маркса как критерий оценки разумности действий прусского правительства и становится орудием борьбы с существующим государством².

Согласно цензурной инструкции, цензура, с одной стороны, «не должна подвергать писателей неподобающим стеснениям, не должна мешать свободному обращению книг на книжном рынке», а, с другой стороны, предполагается, что освещение мероприятий правительства не должно быть враждебным и злонамеренным, а надлежит быть доброжелательным. При этом, цензор должен обладать «доброй волей и пониманием», чтобы смог отличить благожелательное произведение от реакционного. Само собой разумеется, что после использования в тексте цензурной инструкции ряда вышеназванных оценочных понятий К. Маркс обрушивается с разгромной критикой на правительство ввиду возможного конъюнктурного понимания их смысла цензором.

Между тем, нельзя не заметить, что, сохраняя за правительством полный контроль над печатными изданиями, цензурная инструкция в действительности создавала только видимость свободы мысли и

¹ Баранов Н.Н. История Германии. Раннелиберальные партии (1858–1867). М., 2018. С. 8.

² Лалин Н.И. Молодой Маркс. 3-е изд., доп. М., 1986.

слова. Это, в свою очередь, стало возможным благодаря так называемому «двухпалатному» конструированию статей цензурной инструкции, которые, с одной стороны, разрешали, а, с другой стороны, при необходимости позволяли наложить запрет на неудобные издания и произведения. Наиболее полно «двухпалатное» конструирование правовых норм было описано К. Марксом в другом своем труде — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», где анализируя Конституцию Франции 1852 г. мыслитель приходит к выводу о том, что «каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке»¹. Поэтому впоследствии на положения конституции могли ссылаться как сторонники правопорядка, упразднившие свободу, так и те, кто требовал их сохранения.

В то же время, как показывает анализ конституций ряда современных государств², политика лавирования между различными социальными группами, апелляция к личностной, социально-культурной значимости определенных объектов и явлений для защиты интересов социальных групп характерна для многих правовых систем. Причем, совершенствование «двухпалатного» приема юридической техники сегодня происходит за счет расширения перечня ценностей, во имя которых может быть ограничено субъективное право или юридическая свобода³.

Далее Маркс указывает на несоответствие между новейшей прусской цензурной инструкцией 1841 г. и указом о цензуре 1818 г. как внутреннее противоречие самой цензуры, так как в инструкции содержится требование «уже теперь освободить печать от неуместных ограничений, не соответствующих высочайшим видам». Исходя из этого, мыслитель приходит к выводу о том, что, во-первых, до 1842 г. действовал указ о цензуре, но он не исполнялся, а, во-вторых, пресса вопреки существовавшему указу о цензуре была подвержена неуместным ограничениям. Получается, что сама инструкция признает неисполнение требований указа о цензуре 1818 г. на протяжении более чем 20 лет. В связи с этим возникает два вопроса: о причинах длительного несоблюдения указа о цензуре и о целесообразности принятия новой цензурной инструкции 1841 г., поскольку требования к содержанию и распространению печатной продукции оставались по-прежнему жесткими и во многом одинаковыми. К. Маркс

¹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 8. С. 132.

² Конституции государств Европы: в 3-х т. Т. 3 / под общ. ред. Л.А. Окуньков. М., 2001.

³ Лазарев В.В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 35–37.

аргументирует это тем, что правительство как выразитель существующей нормативной системы видит недостатки института цензуры, но стремится замаскировать их путем переложения ответственности на отдельных лиц, «для того, чтобы, не улучшая дела, по существу, создавать видимость улучшения». Иными словами, речь идет о задаче прусского правительства сохранить во что бы то ни стало институт цензуры со всеми его достоинствами и недостатками.

Вместе с тем в цензурной инструкции присутствуют и другие логические ошибки, при которых аргументация опровергается объективным фактом или логическим рассуждением. В частности, в инструкции делается неоднозначный вывод о том, что цензор «может, конечно, разрешить откровенное обсуждение также и внутренних дел». Получается, что оговорка «может», с одной стороны, предполагает недопустимость ограничения откровенных дискуссий и даже определенные послабления в их отношении, а, с другой стороны, позволяет цензору произвольно толковать любое произведение и находить в нем признаки враждебности или злонамеренности. Аналогичным образом обстоит дело и с положением цензурной инструкции о том, что писателям запрещается «брать под подозрение образ мыслей отдельных лиц или целых классов» и далее сама же инструкция разрешает «цензорам разделять всех граждан на подозрительных и неподозрительных...». Таким образом, получается, что цензурная инструкция не допускает даже малейшей возможности выхода в свет печатных изданий без предварительного разрешения цензора.

Интересен в этом плане вопрос, связанный с критериями оценки печатных материалов, а также требований, предъявляемых к самим цензорам, которые в анализируемой статье также подвергаются не менее жесткой критике. В инструкции говорится о том, что «цензура не должна препятствовать серьезному и скромному исследованию истины», «при этом непременно предполагается, что тенденция соображений, высказанных относительно мероприятий правительства, не является враждебной и злонамеренной, а доброжелательной». Исходя из этого К. Маркс делает вывод о том, что провозглашенная свобода печати в Пруссии зависит от душевных и психических свойств цензора, его отношения к окружающей действительности, близости автора печатного издания к правительству и других обстоятельств. В связи с этим, развивая положения инструкции, с присущим ему сарказмом философ предлагает также запретить «слишком серьезно и слишком скромно исследовать истину, ибо чрезмерная серьезность — это самое комичное, а чрезмерная скромность — это самая горькая ирония».

В то же время, судя по тексту цензурной инструкции, любое печатное издание отождествляется с абстрактным понятием «истины».

Причем, под «истиной» понимается содержание только того произведения, которое соответствует и отражает интересы правительства. Следовательно, писатель становится жертвой обстоятельств и в отношении него априори действует презумпция виновности. Между тем в ряде современных государств правовое регулирование средств массовой информации до сих пор осуществляется таким образом, что никто никогда не объясняет гражданам, почему тот или иной информационный материал ограничили или запретили. Так, например, показательна в данном случае ситуация с арабской рекламой бассейнов одной известной компании в социальной сети Твиттер. На оригинальном рекламном снимке завода-изготовителя изображены мужчина с женщиной и тремя детьми в бассейне в купальниках. Однако в силу цензуры арабский магазин разместил на своем официальном аккаунте точно такую же фотографию, на которой женщину заменили надувным мячом, а мужчину с детьми в купальниках одели в футболки с рукавами¹.

Таким образом, утверждение политико-правовых свобод для К. Маркса является самоцелью, а борьба за утверждение научной истины — средством. Поэтому К. Маркс полагает, что научная истина должна обеспечить себе дорогу самостоятельно в борьбе против устаревших идей. Однако, как представляется, для уничтожения данных идей и представлений недостаточно одной только критики, а необходимо, главным образом, изменение общественного сознания, которое будет построено на новых взглядах и идеях.

Вместе с тем весьма любопытны требования, которые предъявляет цензурная инструкция к самим цензорам. В частности, цензор должен иметь «добрую волю и понимание», быть лицом «с проверенным образом мыслей и способностями», «благонамеренным и принципиальным», обладать «почетным доверием», уметь отличать «форму от сущности дела и с уверенным тактом отбрасывать сомнения в тех случаях, когда смысл и тенденция сочинения не оправдывают сами по себе этих сомнений», а также не должен придирается по мелочам и выходить «за пределы того, что требуется этим законом». Отсюда К. Маркс задается риторическим вопросом: «если в Пруссии живет такое сонмище известных правительству универсальных гениев, ... то почему же эти энциклопедические головы не выступают в качестве писателей?». Ведь в данном случае можно было бы решить все проблемы прессы быстрее нежели, чем с помощью цензуры, либо вообще избежать их. Однако суть цензуры состоит в том, что «внутреннее лечение заменяется ампутацией» и ждать улуч-

¹ Тютюнова Т. Цензура уровня «бог»: в Саудовской Аравии женщина в бассейне на рекламном фото превратилась в мяч // URL: <https://medialeaks.ru/0606tp-v-saudovskoy-aravii-zhenshshinu-prevratiliv-shar/>

шения содержания какого-либо произведения не имеет смысла. Тем более, что юридически вышеназванные квалификационные требования, которым должен соответствовать цензор являются оценочными и их содержание формализовать затруднительно. Причем, как справедливо отмечает мыслитель, ранее действующий указ о цензуре предъявлял к цензорам более высокие требования в части образования, но новая цензурная инструкция исключила эти положения.

Анализируя требования к цензорам, К. Маркс ставит еще один не менее важный вопрос — вопрос о юридической ответственности самого цензора. Между тем получается, что ни один писатель не защищен от злоупотребления полномочиями со стороны цензора. Более того, автор произведения не обладает правом пересмотра принятого цензором решения об ограничении или запрете его издания. В результате этого, решение цензора об ограничении или запрете произведения строится только на его личном мнении и отношении к самому изданию. Поэтому в данном случае можно говорить не о юридической ответственности, а о юридической безответственности цензора перед авторами и читателями произведений.

Между тем в «Заметках о новейшей прусской цензурной инструкции» затрагивается еще один важный вопрос — проблема обережения религии от критики. Раскрывая эту проблему, К. Маркс начинает со сравнения ранее действующего указа о цензуре с новой цензурной инструкцией. Так, в ст. 2 указа о цензуре 1818 г. говорится о том, что цель цензуры состоит в недопущении несоответствующих «общим принципам религии, независимо от мнений и учений отдельных религиозных партий и терпимых в государстве сект». Отсюда мыслитель делает вывод о том, что под религией в тексте указа о цензуре понимается так называемая «рационалистическая точка зрения», то есть «религия разума». Однако в цензурной инструкции 1841 г. закрепляется несколько иной подход, согласно которому «не должно быть терпимо все то, что в фривольной, враждебной форме направлено против христианской религии вообще или против определенного вероучения». Следовательно, в цензурной инструкции понятие «религия» подменяется понятием «христианская религия», а словосочетание «отдельные религиозные партии и терпимые в государстве секты» заменяется понятием «определенное вероучение».

Получается, что в цензурной инструкции происходит смешение политических и религиозных принципов управления государством, а любые посягательства в отношении религии становятся недопустимыми и наказуемыми. Религия становится инструментом управления общественным сознанием, благодаря которой правительство расширяет свое влияние в тех сферах жизнедеятельности человека, на которые ранее объективно не могло оказывать или оказывало слабое

воздействие. Неслучайно поэтому суть веры в сверхъестественное начало на протяжении многих веков сводилась к теории «обмана», согласно которой религия является продуктом невежества и лицемерия, которая тиранами злонамеренно вносилась в здоровое общество, чтобы именем Бога освящать свое господство над простыми и доверчивыми массами, парализуя свободную человеческую мысль¹. Чуть позже в своем философском труде «К критике гегелевской философии права. «Введение»² мыслитель напишет, что «религия есть опиум народа», понимая под этим, в первую очередь, то, что религию создают сами люди, удовлетворяя свойственную им потребность. В связи с этим К. Маркс предлагает определиться с местом и ролью религии в обществе и выдвигает тезис об отделении церкви от политики и государства.

Аналогичным образом мыслитель обосновывает тезис о независимости морали от религии, поскольку в государстве, где политика и религия переплетены «независимая мораль оскорбляет всеобщие принципы религии, а особые понятия религии противоречат морали». Следовательно, у светской морали есть свои собственные нравственные постулаты, которые могут не соответствовать религиозным и наоборот. Именно поэтому под запретом цензуры могут оказаться произведения тех мыслителей в области морали, которые не соответствуют религиозным постулатам. В связи с этим К. Маркс обосновывает право критики религии, а граждан в очередной раз призывает исполнять законы в силу своего человеческого разума.

Таким образом, статья К. Маркса «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» стала для 40-х годов XIX в. поистине новаторской, прорывной философской работой, в которой идеи социального прогресса и революционных преобразований как движения на пути к счастливому будущему тесно переплетались. Неслучайно поэтому из-за революционного характера работы она была отклонена цензором «Немецкого ежегодника» и была опубликована анонимно спустя год в сборнике «Неизданное...» с подписью «житель рейнской провинции». В содержании статьи до сих пор немало интересного, полезного и конструктивного и, безусловно, она еще не отжила свой век, и будет составлять основу новых исследований в сфере свободы мысли и слова. Хотя приходится признать, что в работе К. Маркс оставляет нерешенными ряд принципиально важных «вечных» вопросов, которые особую актуальность приобретают в переломные периоды развития личности, общества и государства.

¹ Митрохин Л.Н. «Критика религии по существу окончена...» // Карл Маркс и современная философия: сб. мат-лов научной конференции к 180-летию со дня рождения К. Маркса. М., 1999. С. 170.

² Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 415.

ГУБИТЕЛЬНЫЕ КРАЙНОСТИ ВО ВЗГЛЯДАХ НА ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

С.Б. Поляков

Уникальность К. Маркса заключается в том, что его идеи в отличие от трудов иных великих мыслителей материализовались в зримых общественных преобразованиях. Точнее появление отличного от капиталистического типа государства на территории России, а затем во многих других частях Земли, с которыми государства, избежавшие социалистических революций, находились во враждебных отношениях, освящалось именем Маркса. Рядом с ним на знамя разрушения «старого мира» помещаются Энгельс и Ленин. Буржуазные революции связываются с куда большим количеством идейных вдохновителей, ни один из которых не возводился в верховные идола.

Рождение, жизнь и судьба СССР — первого в мире социалистического государства оцениваются полярно. А с ними оценивается и имя Маркса, большинством людей без знания его сочинений, притом что собственно революционная, политическая его деятельность малозаметна, несравнима с известностью практической деятельности Ленина, Троцкого, Сталина, Мао Цзэдуна и других строителей коммунизма с именем Маркса на знаменах и устах и которым их противники ставят в вину мучительную гибель миллионов людей.

Роль идола, о которой при своей жизни сам Маркс вряд ли мечтал, но уготованная ему потрясениями XX в., рождает вопрос о связи его идей с этими потрясениями.

В одной из ранних работ К. Маркса и Ф.Энгельса написано: «Коммунизм для нас не **состояние**, которое должно быть установлено, не **идеал**, с которым должна сообразовываться действительность.

Мы называем коммунизмом **действительное** движение, которое уничтожает теперешнее состояние»¹.

Такая формула сохраняет от крайностей, от уничтожения одной из противоположностей, равновесие между которыми должно обеспечивать гармонию социальной жизни. Где тот рубеж, когда диалектика превращается в крайности?

В известном советском кинофильме «Бумбараш» красноармеец на посту читает «Капитал» и поясняет любопытствующему свою методологию: «Картинки и таблицы пропускаю, в пролетарскую суть вникаю». Пролетарскую суть сформулировали комиссары или сам Маркс?

В статье «Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine zeitung» — критика обоснования коммунистических идей, лишенного собственного ума, собственных воззрений, собственной совести»². В работе «К критике гегелевской философии права» К. Маркс развенчивает гегелевские конструкции государства. Например: «Объектом представительства является не особый интерес, а человек и его качество гражданина государства, всеобщий интерес. С другой стороны: особый интерес — это материя представительства; дух этого интереса — это дух представителя»³. Однако кропотливый разбор противоречий государства еще не завершается решительным призывом уничтожить само противоречие. Но в Манифесте Коммунистической партии из четвертого тома сочинений, т.е. из следующего, в котором содержится первая приведенная цитата, сквозная линия такова. Частная собственность — корень зла. Государство — для охраны частной собственности. С ее уничтожением исчезнет государство (политическая власть)⁴.

Анархисты утверждали, что государство — учреждение, которое в течение всей истории человеческих обществ служило для того, чтобы мешать всякому союзу людей между собою, чтобы препятствовать развитию местного почину, душить уже существующие вольности и мешать возникновению новых и не может быть приноровлено к роли противоположной⁵. То же самое, но уже с кропотливым экономическим обоснованием утверждали Маркс и Энгельс, однако, лично не дошедшие до капитального переустройства общества. С их именами, но не именами анархистов большевики свершили Великую октябрьскую революцию и строили первое в мире социалистическое

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 34.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 114–118.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 367.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 434–447.

⁵ Кропоткин П.А. Государство, его роль в истории // Анархия, ее философия, ее идеал: соч. М., 1999. С. 670–671.

государство с обещанием его отмирания. Государство, даже «свое», не может по марксистско-ленинскому определению служить всему обществу, оно не может быть «свободным»: «...пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать»¹.

Частная собственность действительно определяет частные интересы государства, в котором чаще видят олицетворение всего общества. Но без частного интереса экономика утрачивает двигатель. Оказалось, что уничтожение частной собственности губительно экономически. Подтвердились слова Ж. Бодена, который указывал на неосуществимость общественного устройства, основанного на общности имущества, как противного природе человека: «...не может быть сделано так, чтобы все имущество вплоть до женщин и детей стало общим, как хотел в своем первом проекте государство сделать Платон с целью изгнать из своего города слова *твое* и *мое*, которые, по его мнению, являются причиной всех зол, происходящих в государствах, и гибели последних. Но он не учел, что, если бы этот его проект был осуществлен, был бы утрачен единственный признак государства: если нет ничего, принадлежащего каждому, то нет и ничего, принадлежащего всем; если нет ничего частного, то нет и ничего общего... Ведь если семья и город, собственность и общее, частное и общественное смешиваются, то нет ни государства, ни семьи. Достаточно известно, что общее достояние всех не может вызывать чувства привязанности и что общность влечет за собой ненависть и раздоры... Еще больше обманываются те, кто полагает, что благодаря общим делам и общности имущества им будет уделяться больше забот. Ведь обычно наблюдается, что каждый пренебрегает общими делами, если из них нельзя извлечь выгоды лично для себя»².

В неопровергнутости этой мысли — главный отрицательный результат истории советского государства, не выполнившего свое предназначение достичь коммунистического идеала и превратиться из гусеницы в бабочку.

Сбылось то, о чем писал П.А. Кропоткин: «Коммунизм может стать подначальным, и в таком случае община неизбежно гибнет»³. Обличитель коммунистической идеи И.А. Ильин писал: «...во главе государства становится вместо прежней элиты — новая элита, элита

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: Т. 19. С. 5.

² Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой философии: в 4-х т. М., 1970. Т. 2. С. 146–147.

³ Кропоткин П.А. Коммунизм и анархизм // Анархия, ее философия, ее идеал: соч. М., 1999. С. 616.

зависти и экономического материализма. Она все отбирает, все перераспределяет и все организует из единого тоталитарного центра»¹. Виновен ли в появлении «новой элиты» Маркс? Кто безусловно знает, как слово его отзовется?

Человек постоянно стремится к идеалу, к вечному счастью на земле. Кажется, еще чуть-чуть, последний рывок, уничтожить последних скептиков на пути к нему и вот он идеал, доведенный путеводцами до очевидности. Но утопия, коммунизм, правовое государство все ускользают. Гармонию противоположностей, но не беззаботную жизнь должно искать каждое поколение человечества самостоятельно на своем витке существования.

Относительно экономики: «Главное найти ту неуловимую пропорцию, когда заинтересованность и творчество предпринимателя органично сочетаются с жесткими рамками государственного контроля»². В.В. Леонтьев, эмигрировавший в США, получил Нобелевскую премию за то, что определил коэффициент, при котором регулирование рынка становится максимально эффективным. Если он читал Маркса (что почти наверняка), то пропуская «пролетарскую суть», но уделяя внимание картинкам и таблицам. Не в них ли марксистская суть?

Современный Китай не отрекся от Маркса, не уничтожил ни частную собственность, ни государство. Не он ли олицетворяет действительное движение, которое названо Марксом коммунизмом?

Как бы то ни было, государство не отправилось вслед за прялкой и бронзовым топором в музей древностей, как предвещал ближайший соратник Маркса³. Если это не сбывшееся пророчество считать сутью учения Маркса о государстве, тогда оно ошибочно.

История до сих пор существовавших обществ (первые слова «Манифеста Коммунистической партии», далее иначе) была историей борьбы между правящими, олицетворяющими органы государства, и подвластными. Это вечное противоречие всех государств. Кружоворот видов правлений, описанный Макиавелли⁴, повторяется во всех социально-экономических формациях, названных марксистско-ленинской теорией. Новая власть, провозглашающая себя волей народа, неумолимо перерождается к выгодам правящих.

Временный баланс между смутой и тиранией — здоровье общества, которое не вечно, как всякая отдельная жизнь. Если суть маркс-

¹ Ильин И.А. Зависть как источник бедствий // О грядущей России: избранные статьи. Джорданвилл; Нью-Йорк, 1991. С. 17.

² Гусяров Е. Кого потеряло наше Отечество в годы революционного исхода // Родина. 2017. № 12. С. 47.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 173.

⁴ Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996. С. 119–120.

систеского учения в действительном движении без пристани к одной из диалектических противоположностей и уничтожения другой, то надо искать рецепты поиска этого баланса в его ранних работах до утверждения о неизбежной гибели государства.

Коммунизм как смерть государства не состоялся. Поскольку никакой публичной власти, кроме государственной, история человечества не родила, публичная власть олицетворяется во власти должностных лиц, норовит стать средством удовлетворения их частных интересов, что сегодня называется коррупцией. Юридическая ответственность чиновников — лекарство против злоупотреблений властью и для поддержания баланса между смутой и тиранией.

В этой связи вызывает сомнения критика К. Марксом превращения публичного наказания в денежное возмещение частному лицу, его возмущение в дебатах по поводу закона о краже леса против предоставления личности право применять наказание — как частное, так и государственное¹. «Вор похитил у лесовладельца лес, но лесовладелец воспользовался вором для того, чтобы похитить само государство»². Похищение государства (публичной власти) должностным лицом менее опосредованно, чем похищение государства лесовладельцем. И в этом хищении обладатель власти пользуется и вором, и потерпевшим.

Позднее К. Маркс обращал внимание на завладение государственным аппаратом публичного интереса. Например: «Всякий *общий* интерес немедленно отрывался от общества, противопоставлялся ему как высший, *всеобщий* интерес, вырывался из сферы самодеятельности членов общества и делался предметом правительственной деятельности, — начиная от моста, школьного здания и коммунального имущества какой-нибудь сельской общины и кончая железными дорогами, национальным имуществом и государственными институтами Франции»³. Это и хорошо, и плохо. И.А. Ильин писал: «Государство по самому существу своему есть организация не частно-правовая, наподобие кооператива, добровольно-свободная, а публично-правовая, властно-повелительная, обязательно-принудительная. И этим одним уже предопределено, что оно никогда не перестает быть учреждением и никогда не превратиться в корпорацию чистой воды. Дух учреждения может временно отступать на задний план, но горе той республике или демократии, в которой он выветрится совсем!»⁴ Государство строится по принципу корпорации

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 148–149.

² Там же. С. 151.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 206.

⁴ Ильин И.А. Что есть государство — корпорация или учреждение? // О грядущей России... С. 26.

активных полномочных и равноправных деятелей либо учреждения, в котором люди получают от него благо и пользу, но не формулируют сами ни своего общего интереса, ни своей общей цели. Государство в своем здоровом осуществлении всегда совмещает в себе черты корпорации с чертами учреждения: оно строится — и сверху и снизу, и по принципу властной опеки, и по принципу самоуправления. Корпоративный строй склонен растрчивать народные силы на политику, которая не является смыслом жизни. Строй учреждения, если он на высоте, экономит народные силы¹. При таком подходе задача — держать баланс, «здоровое осуществление» государства юридической ответственностью его аппарата.

Публично-правовая ответственность должностных лиц, в тисках которой отыскивается до сих пор лекарство от коррупции правонарушений власти неминуемо порождает «административную гарантию», т.е. требование разрешения начальства для привлечения к ответственности низших должностных лиц. «Низшие агенты правительственной власти, действуя, хотя бы и незаконно, но соответственно «видам и намерениям высшего правительства», никакой ответственности не подлежат»². Это крен в сторону «учреждения», который нужно выправлять штрафной ответственностью должностных лиц и государственных органов, виновно нарушающих права и законные интересы физических и юридических лиц, налагаемой судом непосредственно по заявлению потерпевшего от их правонарушения частного лица и в его пользу. Не по раннему Марксу — противника публичного наказания в виде денежного возмещения частному лицу и не по идее уничтожения государства, с чем должны были якобы исчезнуть правонарушения и публичные наказания.

Поскольку решить окончательно все проблемы по «зрелому» Марксу, т.е. уничтожением государства, не удалось, нужно возвращаться на исходные рубежи и анализировать предлагавшиеся Марксом решения до оказавшегося неудачным направления пути. Подобно тому, как анализирующий проигранную на 40-м ходу партию шахматист начинает искать свою ошибку не в 33-м тактическом решении в уже худшей позиции, а на 25-м ходу, когда был выбран неверный план.

В статье «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» обращено внимание на отсутствие (сегодняшней терминологией) механизма ответственности за несоблюдение запретов цензорами. «Неужели все прусские писатели так уж невежественны и глупы, что не знают законов, касающихся их существования, или же они слиш-

¹ Ильин И.А. Что есть государство... С. 21–26.

² Гессен В.М. Теория правового государства. СПб., 1912. С. 25.

ком трусливы, чтобы требовать их применения? <...> незаконные действия цензоров в продолжение более чем двадцати лет представляли бы убедительное доказательство, что печать нуждается в иных гарантиях, чем такие общие предписания столь безответственными лицами. Это служило бы доказательством того, что в самой сущности цензуры кроется какой-то коренной порок, которого не исправит никакой закон»¹.

Невольно возникают ассоциации с тем, что ст. 125 УПК РФ выродилась из института судебной защиты участников уголовного судопроизводства в освящение судами нарушений обязанностей и запретов органами обвинения. Согласно ч. 3 ст. 125 УПК РФ судья проверяет законность и обоснованность действий (бездействия) и решений следователя, руководителя следственного органа. На практике же суды, ссылаясь на самостоятельность следователя, предусмотренную ст. 38 УПК РФ, отказываются от проверки фактических обстоятельств, соответствующих юридическим фактам, дающим право следователю на проведение обжалуемых деяний, тем самым отрицая наличие юридических обязанностей и запретов для следователя.

Ежегодно Конституционный Суд РФ выносит более нескольких десятков определений об отказе в рассмотрении жалоб на неопределенность п. 5 ст. 401.10 УПК РФ и п. 5 ст. 383 ГПК РФ, в которых предусматривается обязанность судьи кассационной инстанции рассмотреть все доводы кассационной жалобы и мотивировать решение путем указания на конкретные, достаточные с точки зрения принципа разумности основания, по которым эти доводы отвергаются. Неукоснительное исполнение этой обязанности должно обеспечить отмену всех незаконных решений — применение правосоставительных санкций — либо обоснование законности решений. Однако эта обязанность исполняется избирательно, что подтверждается многолетними количественными показателями жалоб на неконституционность п. 5 ст. 401.10 УПК РФ и п. 5 ст. 383 ГПК РФ, поскольку нет механизма их безукоснительной реализации. Но Конституционный Суд РФ подменяет довод заявителей об отсутствии реализации санкции за неисполнение обязанности суда кассационной инстанции легко «опровергаемым», но не заявлявшимся доводом о том, что установленной законом обязанностью нарушаются права заявителей.

«Или, быть может, объективные недостатки самого института ставятся в вину *отдельным лицам* для того, чтобы, не улучшая дела по существу, создавать видимость улучшения? Такова обычная манера

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 4.

мнимого либерализма: вынужденный делать уступки, он жертвует людьми — орудиями, и сохраняет неизменной суть дела — данный институт. Этим отвлекается внимание поверхностной публики.

Озлобление, вызванное сутью дела, превращается в озлобление против определенных лиц. Воображают, что со сменой лиц изменится и само дело. С цензуры взгляд переносится на отдельных цензоров, и ничтожные писаки предписанного свыше прогресса весьма храбро наносят мелочные обиды людям, попавшим в немилость, и с не меньшим усердием расточают похвалы правительству»¹.

Маркс убедительно показал порочность формальной неопределенности требований «правильной» цензуры, неумолимо сводящей ее к произволу. В ней богатый материал для сугубо технико-юридического интереса. Но также и вопрос о допустимости правового регулирования при невозможности недвусмысленного определения обязанностей и запретов и условий их возникновения. «Инструкция требует неограниченного доверия к сословию чиновников и исходит из неограниченного недоверия к сословию не-чиновников»². Маркс приходит к выводу, что радикальным излечением цензуры было бы ее уничтожение³.

Современная российская власть усиливает цензуру, изобретает «экстремизм», «чувства верующих» и т.п., не найдя ответов ни на один из вопросов, поставленных Марксом в названной статье, в том числе об ответственности чиновников. При этом признается грешность чиновников официальной борьбой с коррупцией. Но «борьба» это заключается не в ограничении возможностей их произвола, не в создании эффективных процедур ответственности вместо административной гарантии, т.е. не в укреплении режима законности, а в отслеживании доходов чиновников.

«Если бы деспотическое государство захотело быть лояльным, то оно уничтожило бы само себя. Каждая точка подвергалась бы одинаковому принуждению и оказывала бы одинаковое противодействие. Высшая цензура должна была бы, в свою очередь, подвергнуться цензуре. Чтобы избежать этого порочного круга, решаются быть нелояльными, и вот на третьей или девяносто девятой ступени открывается простор для беззакония. Но бюрократическое государство, которое всё же смутно осознаёт это отношение, старается, по крайней мере, так высоко поставить сферу беззакония, чтобы оно скрылось из виду, и думает тогда, что беззаконие исчезло»⁴.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 4–5.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 27.

⁴ Там же. С. 26–27.

Повторение ходов проигранной партии приводит к тому же результату. Разница общественного порядка от шахматной партии, однако, в том, что в первом может не оказаться победителей. То, что решение Маркса по выходу из порочного круга безответственности «высшей цензуры» ее уничтожением не привело к историческому триумфу, не исключает уничтожений вновь создаваемых государств беззакония. Небесспорные суждения Маркса и его решение противоречия ценности свободы печати и использования ее во зло (в современном мире даже в качестве повода для военных агрессий) в виде уничтожения цензуры — противоположности свободы печати¹ — не должна «опровергаться» повторением «ходов» беззакония на уровне современников Маркса.

Задача науки в отыскании новых «ходов» вместо показавших свою ошибочность. Заклинания в верности автору безуспешного рецепта, равно как и его осуждение новых решений не дают, а потому заведомо ненаучны. Но любые результаты (и положительные, и отрицательные) научных предшественников создают материал для движения мысли, а потому заслуживают почтения. Воспитанный на этом анализ частных размышлений мыслителей подсказывает решения преобразованных временем проблем, а часто ассоциативно и других.

Например, выступая за гласность деятельности представительного органа власти Маркс писал: «При виде того, как оратор из дворянского сословия с почти комической серьёзностью, с почти меланхолическим достоинством и с чуть ли не религиозным пафосом развивает постулат о *высокой мудрости* сословного собрания, а также о его средневековой *свободе и независимости*, — при виде этого непосвящённый удивится, что в вопросе о *свободе печати* тот же оратор с высот мудрости *ландтага* спускается в область обычного неразумия человеческого рода, что от только что превознесённой независимости и свободы привилегированных сословий он переходит к принципиальной несвободе и несамостоятельности человеческой природы»². Такую же высокопарную непоследовательность можно увидеть в нынешних спорах об ответственности судей.

Можно поставить две задачи в исследовании научного наследия Маркса по вечным лекалам: кто виноват и что делать? Соответственно задачи по двум вопросам. Виноват ли Маркс в практической материализации его идей? Что из его идей годится для решения современных и будущих противоречий государственно-правовой действительности.

¹ См. также статьи К. Маркса: Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания; Запрещение «Leipziger Allgemeine zeitung»\$ Оправдание мозельского корреспондента // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 30–84, 165–217.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 51.

Первый вопрос увлекательный как переименование улиц и перезахоронения, но практическая польза от его решения не видна.

Второй вопрос актуальный, поскольку современные Марксу противоречия государственно-правовой действительности не исчезли. В том числе частные, как, например, противоречия свободы слова и печати. Опыт использования имени Маркса в решении противоречия государственно-правовой действительности приводит к выводу об их вечности. А потому каждому поколению человечества на уготованном им этапе развития противоположностей предстоит отыскивать их гармонию, используя опыт предшественников в кропотливом труде предупреждения и преодоления конфликтов своей жизни. Попытки уничтожения противоречий государства и права их не устраняли, а уничтожали только жизни людей, в которых мерещились злые стороны противоречий. Отыскание и сжигание ведьм не избавляло деревни от несчастий.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ УЧЕНИЯ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Ю.Г. Арзамасов

Обращение к анализу научных работ К. Маркса, посвященных праву актуально, как никогда. Это обусловлено следующими факторами. Во-первых, гуманитарии отмечают 200-летний юбилей со дня рождения этого всемирно известного ученого, и здесь происходит определенное переосмысление эволюции его взглядов, самой его деятельности и результатов его работы. Во-вторых, в советское время превенции в изучении научных трудов К. Маркса отдавались, в основном, экономическим, политическим и философским работам, а его ранние работы, связанные с юриспруденцией изучались фрагментарно, не системно, поэтому их считали малозначительными и, соответственно, им не уделялось должного внимания научной ответственности. Как считает представитель историко-материалистической теории государства и права профессор В.М. Сырых, «в отсутствие системных знаний о правовых воззрениях К. Маркса и Ф. Энгельса советские правоведы (П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис, И. Разумовский, М.А. Рейснер, Н. В. Крыленко и др.) не всегда

точно интерпретировали определенные положения классиков марксизма о праве и потому пришли к различному пониманию сущности права и его роли в построении социалистического общества»¹.

Не претендуя на истину в последней инстанции, считаю необходимым заметить, что актуальность изучения правовых работ раннего Маркса позволяет провести некоторые идеологические, социальные, юридические и иные параллели для выявления как положительных моментов его учения, которые можно взять на вооружение, как ученым в области теории и истории государства и права, так и государственным деятелям, так и отрицательных. Более того, исследование ранних работ К. Маркса позволяет, как ни парадоксально это звучит, выявить идеологические и ментальные связи русского народа и его учения.

В чем же это проявляется? Попробуем ответить на поставленный вопрос. Во-первых, мы наблюдаем у раннего Маркса явное стремление к свободе, равенству, к социальной справедливости. Это утверждение свидетельствует о том, что в современных реалиях государственно-олигархического капитализма, взоры среднего класса и тех, кто находится на грани бедности или уже ее перешел, направлены, прежде всего, на стремление к равенству и социальной справедливости, тем более, что в Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 г., закреплена идея построения как правового государства, так и социального. Конечно, сама концепция социального государства, в частности, данный термин — это не творение К. Маркса, а теория немецкого ученого философа-гегельянца, юриста Лоренса фон Штейна². В этой связи не лишним будет привести еще одно высказывание Фридриха Вильгельма Ницше: «Но человек удивляется также и самому себе, тому, что он не может научиться забвению и что он навсегда прикован к прошлому; как бы далеко и как бы быстро он ни бежал, цепь бежит вместе с ним»³.

Тем не менее идеи социальной справедливости, социального мира и социального устройства общества мы находим и у раннего Маркса. Так, например, критикуя немецкого юриста, основоположника исторической школы права Густава фон Гуго в работе «Философский манифест исторической школы права» (1842), К. Маркс выступает не просто идеологом свободы и справедливости, что можно только приветствовать, поскольку он правильно бичует последнего за его утверждение о том, что «рабство не только физически возможно, но

¹ Сырых В.М. Вступительная статья // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. Т. 2 / отв. В.М. Сырых. М., 2011. С. 7.

² См.: Евстратов А.Э. Генезис идеи социального государства: историко-теоретические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.

³ Фридрих Ницше. Там же. С. 1.

оно возможно и с точки зрения разума...», но и идеологом равноправия. В данном случае К. Маркс выступает в роли омбудсмена, поскольку реализует специфическую контрольную функцию за соблюдением идеалов социальной справедливости.

Между тем, в работах К. Маркса мы находим и критические высказывания относительно прав человека. Так, например, К. Маркс отмечал, что их «.. суть не что иное, как признание эгоистического гражданского индивидуума и необузданного движения духовных и материальных элементов ...»¹.

Критикует К. Маркс и высказывания Гуго о том, что «с точки зрения животной природы, тот, кто принадлежит богачу, которому невыгодно его лишиться и который относится со вниманием к его положению, более застрахован от нужды, чем бедняк, которого сограждане эксплуатируют, пока для этого ещё есть хоть малейшая возможность, — и т. д.»².

Между тем в начале «Философского манифеста исторической школы права» К. Маркс резко и довольно критично, на наш взгляд, отмечает, что «историческая школа сделала изучение источников своим лозунгом, своё пристрастие к источникам она довела до крайности, — она требует от гребца, чтобы он плыл не по реке, а по её источнику»³.

Однако современные реалии показывают, что ни одно полноценное историческое исследование, а также историко-правовое исследование не может быть осуществлено без изучения исторических источников. В этой части «Философского манифеста исторической школы права» мы видим явную ошибку молодого Маркса.

Хотя, конечно, можно предположить, что исторические документы тоже могут содержать недостоверные сведения, так как тот или иной руководитель зачастую пытается результаты своего труда приукрасить, выставив себя в «лучшем свете», из «черной картины» сделать «белую», или в лучшем случае «серую», спрятав шероховатости и отдельные негативные детали. Спасение от такого рода дезинформации одно — сопоставление, если, конечно они есть, разных исторических документов. Такой компаративистский способ, на наш взгляд, может решить данную проблему, связанную с исторической дезинформацией и фактически избежать возможных рисков.

Что же касается справедливости, то молодой Маркс в различных аспектах рассматривал данную категорию во многих своих ранних трудах. Так, например, в «Тезисах о Фейербахе» (1845) он активно

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. М., 1955. С. 125.

² URL: http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_1/p5.php#metkadoc6

³ Там же.

критикует весь предшествующий ему материализм. Следует заметить, что материалистическое понимание истории затем привело К. Маркса к созданию так называемой позитивной науки об обществе, которая в дальнейшем бросила серьезный вызов всем предшествующим ученым и их научным школам в области философии.

Особое место в трудах К. Маркса, как уже было отмечено, занимал вопрос о свободе. Он так рассуждал на эту тему: «Ни один человек не борется против свободы, — борется человек, самое большее, против свободы других. Во все времена существовали, таким образом, все виды свободы, но только в одних случаях — как особая привилегия, в других — как всеобщее право»¹.

Важное значение в трудах К. Маркса имеет такое проявление (вид) свободы, как свободная печать, или как он писал, «не подцензурная печать». Данная идея нашла выражение в статье под названием «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции». В ней он поднимает проблему произвола цензора. В этой связи молодой Маркс пишет, что «... право на безоговорочное мнение есть право на произвол, — есть логический вывод из инструкции, тщательно скрываемый ею под маской объективных определений ...»².

Помимо этого, в анализируемой работе мы видим явную критику полицейского государства³, это подтверждают следующие слова К. Маркса: «Сущность цензуры вообще, таким образом, основана на высокомерном фантастическом представлении полицейского государства о его чиновниках. Ум и добрая воля общества признаются неспособными даже на самые простые вещи, зато по отношению к чиновникам даже невозможное признаётся возможным»⁴.

В данном случае К. Маркса можно назвать сторонником теории правового государства, которая, как считает профессор В.В. Лазарев, «сформировалась в лоне естественно-правовых воззрений»⁵. Такое наше утверждение относительно мировоззренческих взглядов К. Маркса основывается, прежде всего, на том, что одним из признаков правового государства называют наличие свободных, независимых средств массовой информации, которое проявляется в отсутствии диктата цензуры, в праве каждого независимо высказывать собственные мысли и идеи.

¹ URL: http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_1/p5.php#metkadoc6

² Там же.

³ О полицейском государстве см. Корнев А.В. Консервативная и либеральная теории государства и права в России: XIX — начало XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. Гл.; Нижник Н.С., Дергилева С.Ю., Геворкян Д.С. Философия эвдемонизма как концептуальная основа теории и практики полицейского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 187–207.

⁴ URL: http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_1/p5.php#metkadoc6

⁵ См.: Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М., 1994. С. 295.

К. Маркс в анализируемой статье выступает не просто как юрист, а как настоящий теоретик государства и права. Такой вывод следует из того, что он исследовал, не только возможности юридического мышления, но и четко обозначил, что может быть объектом законодательного регулирования.

Здесь необходимо заметить, что на сегодняшний день проблема юридического мышления в отечественной теории государства и права полностью еще не закрыта, поскольку нет полноценных все-сторонних монографических исследований природы юридического мышления, его аксиологии, структуры и т.д. Современные исследователи часто делают упор, главным образом, на изучение различных видов юридического мышления¹, а онтологические и аксиологические проблемы отодвигают на второй план, что является, на наш взгляд, недопустимым.

Нельзя не сказать и о том, что практически весь текст статьи «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» (1843) пронизывает обостренное чувство справедливости. К примеру, К. Маркс пишет: «Цензор также является обвинителем, защитником и судьёй в одном и том же лице. Цензору доверено управление умами; он безответственен»².

Между тем молодой Маркс не ограничивается только критикой цензуры, а допускает ее наличие только в ограниченных рамках, делая при этом как практическое предложение, так и законодательное, предлагая поставить ее в подчиненное положение судам в соответствии с новым законом «О цензуре».

Особое место в анализируемой работе занимает идея о так называемых справедливых законах. В этой связи автор пишет, что «законы против тенденций, законы, не дающие объективных норм, — это террористические законы...»³. Далее он отмечает, что «закон, карающий за образ мысли, не есть закон»⁴.

Конечно, законы современных цивилизованных государств могут в определенных случаях ограничивать права граждан, такие нормы встречаются в законодательстве многих стран, но эти ограничения, вне всяких сомнений, должны быть социально и научно обусловлены, законодательно закреплены и известны всем субъектам правоотношений, то есть доведены до их сведения. Так, например, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным зако-

¹ См., например: Зыков Д.В. Виды юридического мышления: методологическое и теоретико-правовое обоснование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

² URL: http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_1/p5.php#metkado6b

³ Там же.

⁴ Там же.

ном, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. По мнению профессора А.В. Малько, «правовое ограничение — есть правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите: это установленные правом границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц»¹.

Рассмотрев в основном определенные положительные моменты работ молодого Маркса, посвященные главным образом различным юридическим вопросам, хотя в контексте данной статьи мы остановились и на отдельных негативных моментах в его учении, для наиболее объективной картины его наследия, хотя рассмотреть все положительные и отрицательные моменты, мы просто не в состоянии из-за ограниченного объема данной работы, остановимся также еще на отдельных негативных моментах в его учении.

Здесь следует признать, что учение К. Маркса, как бы на него не нападали отдельные либерально настроенные ученые, даже такие именитые, как автор теории стадий экономического роста У. Ростоу², это, прежде всего, законченная, самостоятельная, цельная, социолого-экономическая теория, поэтому ее развитие и модернизацию необходимо осуществлять крайне взвешенно, чрезвычайно аккуратно, чтобы не исказить саму ее сущность. В этой связи практически все попытки, которые были направлены на развитие, добавление отдельных теорий и направлений к марксовской концепции, если и имели успех, то непостоянный, а временный.

В подтверждении выдвинутого тезиса приведем следующий пример. Всемирно известный соратник и друг К. Маркса Ф. Энгельс, выполняя, якобы завещание К. Маркса, хотя никакого завещания и не было вообще, просто супруга К. Маркса разбирая рукописное его наследие, обнаружила и передала конспект, сделанный Марксом по книге американского ученого Льюиса Моргана «Древнее общество», полное название — «Древнее общество, или Исследование направлений человеческого развития от дикого состояния к варварству и далее к цивилизации», ничуть не развил учение Маркса. Скорее он в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», первое издание которого вышло в свет в Цюрихе в 1884 г.,

¹ Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект // Издатель LAP. LAMBERT AcademicPublishing, 2011. С. 139.

² См.: Rostow W.W. The Stages of Economic Growth // The Economic History Review, New Series, Vol. 12. № 1. 1959. P. 1–16.

развил, а точнее дополнил учение этнографа и от части историка Л. Моргана.

Несомненно, что данная книга имела первоначальный успех, поскольку она была переведена на многие европейские языки. Ф. Энгельс даже сам редактировал первые издания книги для итальянской и датской научной аудитории.

В советское время не только в СССР, но и в странах социалистического лагеря, данное произведение Ф. Энгельса входило в учебные программы практически всех гуманитарных специальностей, ее конспектировали, впрочем как и другие работы классиков марксизма-ленинизма, историки, юристы, экономисты, философы и др.

В данной работе Ф. Энгельс выделил три формы происхождения государства: происхождение государства в Афинах, у древних германцев и в Древнем Риме. Причем, классическим вариантом происхождения государства он назвал возникновение государства у эллинов в Афинах. В ней Ф. Энгельс отмечал, что возрастает количество рабов и родовой строй начинает шататься, а затем и исчезать, а государство начинает развиваться. Другим шагом по направлению разрушения родового строя по Ф. Энгельсу была так называемая реформа Тезея, которая состояла в разделении населения Афин независимо от рода, фратрии и племени. Деление на три класса эвпатридов (управляющие), геоморов (земледельцев), демиургов (ремесленников) постепенно сводило постепенно родовые обычаи на нет. Продолжение развития государства приводило к закреплению рабства. Затем в рабство стали попадать люди, захваченные в плен во время военных конфликтов, походов и т.п. Чтобы охарактеризовать данный момент с позиции материалистической теории, лучше всего будет привести следующую цитату Ф. Энгельса: «Классовый антагонизм, на котором покоились теперь общественные и политические учреждения, был уже не антагонизмом между знатью и простым народом, а антагонизмом между рабами и свободными, между находившимися под покровительством и полноправными гражданами»¹. Таким образом, государство, по Ф. Энгельсу возникает как машина для поддержания власти господствующего класса над угнетенными рабами.

Однако, дальнейшие успехи в археологии, истории, этнографии практически развеяли незыблемость теории Ф. Энгельса о происхождении государства. Так, например, Генрих Шлиман откопал Трою, и научной общественности стало известно, что первые государства-полисы эллинов были не рабовладельческие, а ахейские, и рабство как таковое возникло, тогда, когда государственные струк-

¹ URL: <http://www.politpros.com/library/28/199/>

туры уже были созданы, когда были монархи, суды, армия, сборщики налогов и другие органы государственной власти.

Таким образом, получается, что учение Ф. Энгельса попросту несколько не развило учения К. Маркса, а повело его по неправильному пути, хотя первоначально было описано довольно неплохо, стройно и вполне аргументированно. Просто у ученых в то время не было достаточных сведений, как возникло государство у древних греков.

Развитие учения К. Маркса в трудах советских ученых — это вообще полная научная химера! Лозунг советского времени о том, что нужно постоянно развивать марксистско-ленинское учение также ни к чему хорошему не привел. В материалах последних партийных съездов в СССР звучали такие ни чем не подкрепленные декларации, что «не будет разницы между городом и деревней», что «не будет национальностей», а будет «одна общность советский народ». Как видим, новейшая история дает нам обратный результат. Межнациональные конфликты в средней Азии, Нагорном Карабахе, Приднестровье, попытка отделения Ирландии от Соединенного королевства, Каталонии от Испании говорят о том, что люди не хотят «упразднения наций», а наоборот выступают за свою национальную идентификацию.

Между тем постулаты общественного развития, которые были сформулированы К. Марксом, являются во многом аксиоматическими и в наше время, прежде всего, это касается положений его методологии и философии. Так, например, научный метод материалистической диалектики широко применяется в преподавании современной теории государства и права, это и одобряемое большинством теоретиков, государствоведов и управленцев понятие государства, как машины для управления обществом, это и введение в научный оборот понятия общественных отношений, которое широко применяется как в теории государства и права, так и в отраслевых юридических науках.

Если взглянуть на учение К. Маркса с другого ракурса, то определенным минусом, по нашему мнению, являются его атеистические высказывания. Примером могут служить следующие слова: «Религия — это вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа. Упразднение религии, как *иллюзорного* счастья народа, есть требование его *действительного* счастья. Требование отказа от иллюзий о своём положении есть *требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях*. Критика религии есть, следовательно, в зародыше *критика той доли плача, священным ореолом которой является религия*»¹.

¹ Маркс К. Критика гегелевской философии права: введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 114–115.

Фактически молодой Маркс выступает идеологом светского государства, хотя в своих ранних работах он данный термин и не использует. Подтверждением этому выводу может служить следующая его цитата: «...государство надо строить не на основе религии, а на основе разума свободы»¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что ранний Маркс — это активный, пытливый умом, справедливый, энергичный молодой юрист, обладающий оригинальным философским мышлением, способный и отстаивающий права и свободы индивидов, ратующий за справедливые законы, выступающий за отмену как цензуры, так и религии. В общем его учение, несмотря на имеющиеся в нем минусы (таковых мы видим меньше чем «плюсов»), это законченная, самостоятельная, цельная, социолого-экономическая теория. В этой связи ее развитие, модернизацию и т.п. необходимо осуществлять крайне взвешенно, чрезвычайно аккуратно, чтобы не исказить ее суть.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 1. М., 2014. С. 124.

ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СВЕТЕ ПОЛОЖЕНИЙ К. МАРКСА О СФЕРАХ, ПОДВЛАСТНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЮ

В.Ю. Панченко

Под юридически значимой деятельностью следует понимать такую совокупность человеческих действий, которая способна вызывать определенную оценку (в качестве правомерной или противоправной) и реакцию (содействие-поддержка или противодействие-сдерживание) со стороны государства на основаниях и в порядке, установленным действующим в конкретном государстве в конкретный исторический период позитивном объективном праве.

В юридической науке в качестве объектов правового регулирования рассматриваются общественные отношения, поведение, деятельность. При этом в отличие от «поведения», которое означает лишь действия, выраженные вовне, понятие «деятельность» охватывает и внутренние интеллектуальные или мыслительные действия¹.

Правовому регулированию должны подвергаться (1) только такие социальные связи, которые выражены внешне в актах человеческого поведения; (2) только в тех случаях (которые могут быть установлены, доказаны), когда они предполагают деятельное участие других лиц, затрагивают внешнюю деятельность другого субъекта, вызывают взаимные правовые действия, деятельную реакцию со стороны иных субъектов права.

---

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 8–9; Демин М.В. Природа деятельности. М., 1984. С. 20–21.

В этой связи К. Маркс в «Заметках о новейшей прусской цензурной инструкции» (1843 г.) совершенно справедливо отмечал:

— «лишь постольку, поскольку я проявляю себя, поскольку я вступаю в область действительности, — я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом. Мои действия — это единственная область, где я сталкиваюсь с законом, ибо действие — это единственное, для чего я требую права существования, права действительности, и в силу чего я, таким образом, подпадаю под власть действующего права. Но закон, преследующий за тенденцию («соображения, высказанные относительно мероприятий правительства» — *В.П.*), карает не только то, что я делаю, но и то, что я думаю, независимо от моих действий. Он является, следовательно, оскорблением для чести гражданина, хитроумной ловушкой, угрожающей моему существованию»¹.

В правотворческой практике нарушение этих сформулированных К. Марксом положений заключается в придании юридического значения реакциям не деятельностным, которые объективированы и могут быть установлены в процессе доказывания, а психическим, эмоциональным, верифицировать которые невозможно в силу их субъективной сущности.

Так, в современном российском законодательстве имеют место различные варианты придания юридического значения чувствам: в качестве отраслевых принципов (например, принцип построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов (ст. 1 СК РФ)), в качестве мотивов, выступающих как условия, смягчающие или отягчающие наказание обстоятельства (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ); уголовной ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих (п. 1 ст. 148 УК РФ), совершение преступления по мотиву сострадания является обстоятельством, смягчающим наказание (п. «е» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса)), в качестве основания для возникновения гражданско-правовых обязательств (причинение нравственных страданий как основание компенсации морального вреда по ст. 151, 1099–1101 ГК РФ) и т.д.

Очевидно, что чувства, мысли, эмоции как внутренние психические процессы, не могут регулироваться посредством правовых норм, но тем не менее последние часто содержат прямое указание на правовое значение тех или иных чувства. Налицо использование правотворческими органами юридических фикций как положений,

¹ Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // URL: http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_1/p5.php#n_1 (дата обращения: 25 января 2018 г.).

которые вызывают правовые последствия независимо от наличия или отсутствия в реальной действительности, а в силу указания на таковое в позитивном праве.

Использование таких юридических фикций в правоприменительной практике и в аспекте обеспечения прав и законных интересов граждан может играть тройную роль.

1. Юридически нейтральная роль. Например, призыв законодателя в ст. 1 СК РФ о необходимости построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов лишен правового содержания. Это положение не относится ни к юридическим обязанностям, ни к правовым принципам, поскольку их действие невозможно обеспечить правовыми средствами. Как заметил Г.Ф. Шершеневич: «К семейным правам не должны быть причислены устанавливаемые законом права на взаимную любовь, уважение, почтение, потому что это мнимые права, лишенные санкции, — право имеет дело только с внешним миром, но не с душевным»¹. Отсюда речь можно вести лишь о воздействии права на чувства личности, путем реализации воспитательной, но не регулятивной функции права. Такие конструкции способны, наверное, быть полезными, но, во всяком случае, вреда не причиняют.

2. Юридически гарантирующая роль. Она реализуется по причине неимения в арсенале законодателей иных средств для регулирования соответствующей области общественных отношений, кроме как описанных выше юридических фикций. Примерами такого значения последних выступают защита чести и достоинства, компенсация морального вреда. Так, в случае судебной защиты суд будет ориентироваться не на представление самого субъекта о понятиях чести, достоинства и т.п., а на сложившееся в обществе и отраженное в судебной практике представление о них. Гипертрофированное чувство собственного достоинства лица не может повлечь наступление ответственности, в случае если такое чувство было затронуто действиями, не являющимися противоправными и не рассматриваемыми как унижающие человеческое достоинство с общепринятой точки зрения. И, наоборот, безразличное отношение к собственному достоинству не может служить основанием к отказу в судебной защите (например, когда фактически мотивом является получение денежной компенсации) в случае действительного причинения вреда достоинству личности потерпевшего. Отсюда наличие определенных чувств в определенной ситуации не доказывается, а, по сути, *презюмируется*, причем презюмируется неопровержимо, в силу чего

¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 407.

и становится юридической фикцией. Так, например, презюмируется наличие морального вреда вследствие причинения вреда здоровью. Потерпевший в связи с причинением вреда его здоровью во всех случаях испытывает физические и (или) нравственные страдания, поэтому факт причинения ему морального вреда предполагается¹. В случае, например, смерти лица в результате преступных действий право на моральную компенсацию имеют близкие родственники лица². Однако в этой ситуации может страдать как человек, не находящийся в близкой степени родства, но испытывавший чувства по отношению к погибшему, так и не страдать очень близкий родственник. Попытку решения данной проблемы предпринял Пленум Верховного Суда Российской Федерации. Согласно его постановлению, само наличие близкой степени родства с погибшим является недостаточным, и суду необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий. Указанные обстоятельства влияют также и на определение размера компенсации этого вреда. При определении размера компенсации морального вреда суду с учетом требований разумности и справедливости следует исходить из степени нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, степени вины нарушителя и иных заслуживающих внимания обстоятельств каждого дела³. Даже при учёте конкретных объективных обстоятельств, представления правоприменителя о чувствах, которые должен испытывать человек, может отличаться от чувств, которые в действительности переживаются человеком. Юридически фиктивный характер подтверждает и такой способ установления характеристик нравственных страданий как концепция «среднего человека», согласно которой средний человек в сравнимых обстоятельствах должен испытывать определенные страдания⁴.

3. Юридически дезорганизирующая роль, примером которой выступает юридическая ответственность за причинение вреда чувствам. Нормативные положения дают в этих случаях необоснованно широ-

¹ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью: практическое пособие. М., 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2008 года. Утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 4 марта 2009 г. // СПС «КонсультантПлюс».

³ О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М., 2004. С. 204–205; см. также: Арямов А.А., Пономаренко В.С. Мифологизация институтов чести, достоинства и деловой репутации // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2010. № 2. С. 4–8; Панченко В.Ю., Астахова В.С. Правовая охрана и защита чувств личности // Современное право. 2014. № 2. С. 23–28.

кие полномочия правоприменительным органам по наполнению юридических фикций конкретным содержанием. Так, в 2017 году в Красноярске закрылся «Будда-бар». После иска оскорбленных буддистов владельца заведения оштрафовали на 100 тысяч рублей за «умышленное публичное оскорвление предметов религиозного почитания», в ходе прокурорской проверки приглашенный эксперт в области исследования восточных религий сделал вывод, что использование культовых элементов в интерьере заведения может оскорбить чувства верующих. «Будда-бар» признали виновными в оскорблении чувств верующих буддистов Калмыкии, Тувы и Бурятии¹. Формулировка правовых норм, допускающие самое разнообразное понимания ведут к избирательности правоприменению², когда в принципе практически любым действиям может быть приписано оскорбление религиозных или каких-либо иных чувств.

Именно к таким юридическим формулировкам применимы положения, К. Маркса о том, что «законы, не дающие объективных норм, являются террористическими законами»; «законы, которые делают главным критерием не действия как таковые, а образ мыслей действующего лица, — это не что иное, как позитивные санкции беззакония», «закон, карающий за образ мыслей, не есть закон, изданный государством для его граждан, это — закон одной партии против другой. Преследующий за тенденцию закон уничтожает равенство граждан перед законом», «это не закон, а привилегия». Действительно, как образно отмечал К. Маркс, «лучше стричь бороды у всех и каждого, — как это делал всем известный русский царь при помощи состоявших у него на службе казаков, — чем делать критерием для этого те убеждения, в силу которых я ношу бороду»³.

¹ URL: <http://asiarussia.ru/news/14946/> (дата обращения: 25 января 2018 г.).

² См. подробнее: Панченко В.Ю., Шапран Н.В. Избирательность правоприменения как юридическое препятствие в реализации прав и законных интересов граждан: распознавание и преодоление // Аграрное и земельное право. 2015. № 9. С. 50–53.

³ Маркс К. Указ. соч.

К ОЦЕНКАМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА: «ФИЛОСОФСКИЙ МАНИФЕСТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА» К. МАРКСА И ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКО-ПОЛИТУЧЕНЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С.В. Липень

Историческая школа права (Г. Гуго, Ф.К. Савиньи, Г.Ф. Пухта и др.), влиятельное направление в немецкой юриспруденции первой половины XIX в., видела истоки права каждой страны в правовом сознании народа; сообразно этому предполагалось раскрытие сущности любого юридического института только через изучение истории его развития в правовой жизни, в правовых убеждениях народа. Юридическая наука ориентировалась на исследование обычного права, непосредственно складывающейся правовой практики в ее историческом развитии. Обращение к истории права было не случайным. С одной стороны, почву для этого подготовила история римского права и его рецепция в Западной Европе и, в частности, в Германии. Исследование развития правовых институтов и взглядов привело к выводам об их постепенной эволюции, об обусловленности этого процесса самыми разными факторами. Но в большей степени внимание к истории и концептуальное оформление исторической школы права обусловили методологические и политические особенности естественно-правовых теорий XVIII в.

В политическом плане историческая школа права нередко рассматривается как одно из течений консервативного плана, явившихся идеологической реакцией на французскую революцию. Действительно, через признание исторической обусловленности существующего правопорядка утверждается невозможность его революционного, произвольного преобразования. Вере в универсальность естественных законов, в возможность создания в любой стране безотносительно к ее особенностям политико-правового устройства, основанного на выведенных из природы человека общих принципах, был противопоставлен взгляд на право, как на явление, формирующееся и развивающееся вместе с каждым конкретным обществом и обладающее спецификой этого общества. Поэтому право любой страны не может быть заменено абстрактными, чужеродными установлениями.

По мнению сторонников исторической школы права, невозможно построить идеальные модели государственно-правовых учреждений, а затем заниматься разрушением неугодного правопорядка и конструированием нового по выбранному образцу. Право каждой страны не существует само по себе, а является частью исторически развивающейся культуры общества. Содержание права не произвольно, поэтому оно не может быть преобразовано на основании новых идеальных, априорных принципах, лежащих вне данного общества. По представлениям одного из основателей исторической школы права Г. Гуго правовые нормы, действующие у данного народа, в большей части возникли стихийно, как и язык, и нравы этого народа. Таким образом, акцент делается на постепенности и самопроизвольности в развитии права, участие воли отдельных людей или государства в процессе формирования существующего в данный момент времени права минимально.

«Философский манифест исторической школы права»¹ (1842 г.) — одно из ранних произведений К. Маркса, поводом к его написанию послужило 50-летие докторской степени Г. Гуго. Вопросы, поднимаемые исторической школой права, были в центре общественно-политических дискуссий в первой половине XIX в. Для немецкой интеллигенции и культуры был важен рост национального самосознания через осмысление истории, в противоположность универсальным ценностям, выражаемым естественно-правовыми учениями. На волне освобождения от Наполеона и его кодексов говорили о том, что национальные традиции в развитии права должны предпочитаться зарубежным, пусть и лучшим. Освящение истори-

¹ Маркс К. Философский манифест исторической школы права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 85–92.

ческих порядков влекло и отвержение революционных методов преобразования общества, что не могло не вызвать критики сторонников новых моделей общественного и государственного устройства, представителей как либеральной, так и социалистической (коммунистической) идеологии.

К. Маркс подвергает критике методологические и познавательные установки исторической школы права, в которых доказывается невозможность рационального обоснования государственно-правовых институтов: «Гуго *ложно толкует* своего учителя Канта, полагая, что, так как мы не можем познать *истину*, то логически мы должны *не-истинное*, раз оно *существует*, признать за *нечто достойное*. Гуго ... ничуть не старается доказать, что *позитивное разумно*. Напротив, он старается доказать, что *позитивное неразумно*. С самодовольным усердием тащит он отовсюду доводы, которые должны сделать очевидным, что разумная необходимость не одухотворяет позитивные институты, к которым он относит, например, собственность, государственный строй, брак и т.д. ... Этот *метод* отнюдь не надо относить за счёт случайных индивидуальных особенностей Гуго: это скорее *метод его принципа*, — *откровенный, наивный, не остававшийся ни перед какими выводами* метод исторической школы»¹.

Такой подход служит основанием для признания исторического подхода и исторической методологии единственно верными: «Если бы разум служил мерилom для позитивного, тогда позитивное не служило бы мерилom для разума. «Хотя это и безумие, но в нём есть метод». Гуго поэтому развенчивает всё, что свято для справедливого, нравственного, политического человека, но он разбивает эти святыни только для того, чтобы воздать им почести, подобающие *историческим реликвиям*, он порочит их в *глазах разума*, чтобы затем возвеличить их в *глазах истории* и одновременно с этим возвеличить *взгляды исторической школы*»².

Критикуя методологию исторической школы права, К. Маркс указывает на некритичность восприятия общественных явлений: «*Аргументация* Гуго, как и его *принцип*, *позитивна, т. е. некритична*. Она не знает *никаких различий*. *Всё, что существует*, признаётся им в качестве *авторитета*, а всякий авторитет берётся им как *основание*. Так, в одном параграфе он цитирует *Моисея* и *Вольтера*, *Ричардсона* и *Гомера*, *Монтеня* и *Аммона*, «*Общественный договор*» *Руссо* и «*О граде божием*» *Августина*. Так же поступает он и с *народами*, — он их нивелирует. ... В одном месте положительно одно, в другом — дру-

¹ Маркс К. Философский манифест исторической школы права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 86.

² Там же.

гое. Одно так же неразумно, как и другое. Подчинись тому, что признаётся положительным в твоём приходе»¹.

Оценивая политическую направленность исторической школы права, К. Маркс указывает на то, что эта теория, фактически, сводится к оправданию старых феодальных порядков: «Если поэтому философию Канта можно по справедливости считать немецкой теорией французской революции, то естественное право Гуго нужно считать немецкой теорией французского *ancien régime* (старого порядка)»². И далее: «Этих нескольких извлечений из *философского манифеста исторической школы* вполне, по нашему мнению, достаточно, чтобы историческую оценку этой школы поставить на место антиисторических фантазий, неопределённых мечтаний и намеренных фикций. Их достаточно, чтобы решить, имеют ли *преемники Гуго* призвание быть *законодателями нашего времени*. Время и культура, правда, окутали *мистической дымкой фамилама корявое родословное дерево* исторической школы; его украсила фантастической резьбой *романтика*, ему привила свои черты *спекулятивная философия*; многочисленные ученые плоды были сбиты с этого дерева, высушены и с большой пышностью сложены в обширной кладовой немецкой учёности. Но в сущности немного требуется *критики*, чтобы за благоухающими современными фразами распознать грязные старые фантазии нашего просветителя *ancien régime*...»³.

Следует отметить, что К. Маркс не ставит своей задачей анализ в целом этого направления юридической науки, с учетом его более поздних модификаций (взгляды Ф.К. Савиньи⁴, Г.Ф. Пухта), а предлагает политические оценки исторической школы права, останавливаясь только на учебнике естественного права Г. Гуго, вышедшем еще в конце XVIII в. «Школа, которая подлость сегодняшнего дня оправдывает подлостью вчерашнего, которая объявляет мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый, унаследованный, исторический кнут» — так охарактеризовал К. Маркс историческую школу права во «Введении к Критике гегелевской философии права»⁵.

Историческая школа права — это научное направление, с которого, почти по общему признанию еще дореволюционных исследователей, начиналась наша юридическая наука. В течение нескольких

¹ Маркс К. Философский манифест исторической школы права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 86–87.

² Там же. С. 88.

³ Там же. С. 91–92.

⁴ Известно, что у Ф.К. Савиньи в Берлинском университете К. Маркс слушал римское право.

⁵ Маркс К. Введение к Критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 416.

десятилетий первой половины — середины XIX в. научные традиции и проблематика исторической школы права в основном определяли содержание правовых исследований и в России, поскольку влияние германской науки на молодую отечественную юриспруденцию в XIX в. было чрезвычайно велико. Так, в 1829 г. на обучение к Ф.К. Савиньи были направлены К. Неволин, С. Богородский, Л. Благовещенский, В. Знаменский, С. Орнатский; слушатели юридических курсов при Втором отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии обучались в Берлинском университете по инициативе М.М. Сперанского¹. Именно с историко-юридических исследований в 1950-е — 1960-е гг. начинали свою научную деятельность почти все, ставшие впоследствии известными профессорами (С.В. Пахман, Д.И. Мейер, И.Е. Энгельман, К.Д. Кавелин, Н.Л. Дювернуа и др.).

Далее историческая школа права рассматривалась как научное направление, господствующее в немецкоязычной юриспруденции в первой половине XIX в., как первая научная традиция российской юридической науки. В дореволюционной юриспруденции, естественно, были известны политические и методологические оценки исторической школы права, ее заслуги в развитии и истории права², и многих правовых идей (о правообразовании, источниках права, обычном праве и т.д.), равно как и ее историческое место в общей картине эволюции юридического научного знания, в том числе критика ее методологических подходов, политических установок и отдельных положений. Из специальных исследований известны работа С.А. Муромцева «Образование права по учениям немецкой юриспруденции» (1886 г.), защищенная в 1897 г. магистерская диссертация П.И. Новгородцева «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба»³, статья Е.В. Спекторского, посвященная столетнему юбилею исторической школы права⁴. При понимании дореволюционными учеными консервативного политического смысла этого научного направления его оценки, данные К. Марксом в одной из своих ранних публицистических работ, известны не были.

В развитии отечественной юриспруденции выделяются дореволюционный, советский и постсоветский (современный периоды).

¹ См. подробнее: Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. М., 2011. С. 109–128; См. также: Коркунов Н.М. История философии права. М., 1915. С. 285; Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 25.

² См., например: Зигель Ф. История права. Статья первая. История права до появления исторической школы (начало) // Юридический вестник. 1884. № 8. С. 491–514; Зигель Ф. История права. Статья вторая. Историческая школа (продолжение) // Юридический вестник. 1884. № 10. С. 185–217.

³ Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М., 1896.

⁴ Спекторский Е.В. К столетию исторической школы в правоведении // Юридический вестник. 1914. № 6 (2). С. 5–39.

Отношение к исторической школе права и оценка этой теории демонстрирует весьма специфическую преемственность между наукой разного времени.

В 1920-е — 1980-е гг. к характеристике исторической школы права применялся практически исключительно социально-классовый подход, впервые ее марксистские оценки были консолидированы и прокомментированы в статье Н.И. Челяпова¹ «Марксизм и историческая школа права» (1933 г.). До этого времени, в 20-е — начало 30-х гг., в первых разработанных на марксистской основе курсах по истории политических и правовых учений (насколько можно судить, к примеру, по курсу В.И. Бошко «Очерки развития правовой мысли (от Хаммураби до Ленина)»), давалась характеристика исторической школы права как консервативного направления, охарактеризованы ранние работы К. Маркса², но отсутствуют ссылки на его оценки исторической школы права.

Рассматривая взгляды Г. Гуго, Ф.К. Савиньи, Г.Ф. Пухты, Н.И. Челяпов активно использует ранние произведения К. Маркса³, историческая школа права характеризуется как «теоретическое выражение и апология классово-политической ситуации в Германии до революции 1848 г.», именно поэтому, как отмечает Н.И. Челяпов, К. Маркс, «хотя его теоретические и политические взгляды в 1842 г. еще не сложились окончательно, направляет сильный удар по этому оплоту реакции»⁴. Отмечается глубоко реакционная роль исторической школы права, от философского здания которой уничтожающая критика К. Маркса не оставила камня на камне⁵. Примерно в такой редакции это научное направление характеризовалось в учебной и научной литературе и далее.

Историческая школа права зачислялась в разряд консервативных феодальных учений, при ее критике почти всегда цитировались фрагменты работ К. Маркса, ее исследование в рамках традиций отечественной юриспруденции советского периода рассматривалось как бесперспективное и практически не велось. Кроме работы Н.И. Челяпова известны статьи С.Ф. Кечекьяна и В.С. Нер-

¹ Николай Иванович Челяпов (1889–1938), выпускник юридического факультета Московского университета (1912), с 1922 г. профессор, в 1922–1925 гг. ректор Московского института народного хозяйства, с 1928 г. директор и член президиума Института советского права РАНИОН, с 1929 г. зав. секцией советского строительства в Институте советского строительства и права Коммунистической академии, профессор Института красной профессуры советского строительства и права, в 1937 г. необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно в 1955 г.

² Бошко В.И. Очерки развития правовой мысли. М.: Юрид. изд-во Н.К.Ю., 1925. С. 244–245, 491–493.

³ Челяпов Н.И. К. Маркс и историческая школа права // Советское государство и право. 1933. № 3. С. 62–71.

⁴ Там же. С. 67.

⁵ Там же. С. 71.

сесянца¹, посвященные соотношению философии права Г.В.Ф. Гегеля и исторической школы права. Иные оценки, кроме политических, исторической школе права не давались.

Современная традиция изучения наследия исторической школы права развивается на протяжении последних 15 лет (ни одного специального исследования, опубликованного в 90-е гг., нам не известно). К этому научному направлению обращаются не только специалисты по истории учений о праве и государстве, но и современные исследователи проблем правопонимания, источников права, обычного права, судебной практики, правообразования и правотворчества, системы права и развития частного права, применения и толкования права, развития методологии. В изучении идей исторической школы права в активе современной юридической науки несколько десятков статей, переиздания работ некоторых отечественных и зарубежных авторов XIX в.², шестисотстраничная монография³, сборник научных трудов к 200-летию исторической школы права⁴. Среди отдельных исследований следует отметить работы И.А. Исаева⁵, А.М. Михайлова⁶, М.Н. Семякина⁷.

С высоты сегодняшнего дня несомненно прогрессивное методологическое и теоретическое значение исторической школы права. Она послужила развитию методологии юридической науки, концептуально обосновав один из вариантов культурно-исторического подхода к правовым явлениям. Этим были продолжены традиции,

¹ Кечекьян С.Ф. Гегель и историческая школа права // Правоведение. 1967. № 1. С. 104–109; Нерсесянц В.С. Учение Гегеля в соотношении с доктринами естественного права и исторической школы // Правоведение. 1972. № 6. С. 132–141.

² Новгородцев П., Муромцев С., Кареев Н., Кениг И., Савиных Ф., Пухта Г.Ф.: *Немецкая историческая школа права*: сб. ст. Челябинск, 2010.

³ Михайлов А.М. Сравнительное исследование философско-методологических оснований естественно-правовой и исторической школ правоведения: монография. М., 2013.

⁴ *Право и государство в их соотношении: теоретическое наследие исторической школы права: сборник научных трудов: к 200-летию «Журнала исторического правоведения» / Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина*. СПб., 2016.

⁵ Исаев И.А. Факт против нормы: вызов «исторической школы права» // *История государства и права*. 2012. № 8. С. 2–6; Исаев И.А. *Дух римского права и историческая школа права* // *История государства и права*. 2012. № 13. С. 23–27; Исаев И.А. *Историческая школа права и революция* // *История государства и права*. 2017. № 11. С. 3–7.

⁶ Михайлов А.М. *Немецкая историческая школа права — разновидность «социологизма» как типа правопонимания?* // *Правоведение*. 2009. № 4 (285). С. 202–226; Михайлов А.М. *Универсальные пути правогагенеза: немецкая историческая школа права и семья общего права* // *Российский юридический журнал*. 2009. № 4 (67). С. 47–61; Михайлов А.М. *Правотворческая политика: идеи естественно-правовой и исторической школ права* // *Научные труды РАЮН*. Вып. 13: в 2 т. Т. 1. М., 2013. С. 291–295.

⁷ Семякин М.Н. *Частноправовые идеи в учении основоположника исторической школы права Ф.К. Савиных* // *Российский юридический журнал*. 2013. № 6 (93). С. 7–19; Семякин М.Н. *Развитие частноправовых идей исторической школы права в учении Г.Ф. Пухты* // *Российский юридический журнал*. 2014. № 2 (95). С. 9–19; Семякин М.Н. *Критика доктрины исторической школы права и развитие идей частного права в учении Р. Иеринга* // *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. 2017. № 5. С. 86–96.

заложенные в науке Нового времени Дж. Вико и Ш.Л. Монтескье, и нашедшие далее свое выражение в различных исторических и социологических учениях.

Теоретические заслуги исторической школы права состоят в постановке проблемы исторического развития политико-правовых учреждений, во внимании к периодизации, характеристике этапов и национальных особенностей этого процесса. Обратясь к разработке постепенной исторической эволюции «народного духа», «убеждений народа», представители исторической школы права во многом предвосхитили современные исследования группового и общественного правосознания.

Многие вопросы, в свое время выдвинутые исторической школой права, и сегодня звучат достаточно актуально. Это, к примеру, вопросы темпов, средств, направленности политико-правовых реформ, это идеи о необходимости постоянно сверяться с культурно-исторической сущностью правовых институтов, о правосознании юристов как основе действующего права, о том, кто и каким образом будет создавать законодательство, в особенности если в юридической науке отсутствует единство мнений и т.д.

Оценки исторической школы права, равно как и других учений о праве и государстве, принципиально различны в дореволюционной, советской и современной юридической науке. Выраженная в ранних произведениях К. Маркса характеристика исторической школы права входит в научный оборот с 30-х гг. XX в. и на десятилетия остается доминирующей. В абсолютном большинстве из десятков работ последних лет марксистские оценки исторической школы права практически отсутствуют, такое впечатление, что они известны только авторам самых серьезных исследований. Характеристики социально-политического значения исторической школы права, данные К. Марксом, являются точными по сути, они оригинально, образно выражены и заслуживают безусловного внимания в современных историко-политических и теоретических исследованиях.

КАТЕГОРИЯ НАЛОГА В РАННИХ РАБОТАХ К. МАРКСА

О.О. Журавлева

В финансовом праве существует несколько точек зрения относительно вклада К. Маркса в развитие финансовой науки. Согласно первой из них у К. Маркса нет отдельных работ, посвященных указанным вопросам¹. В основу указанной позиции кладется тезис А.И. Буковецкого о том, что у К. Маркса и Ф. Энгельса отсутствуют «специальные работы, посвященные вопросам финансового хозяйства <...>, мелкие и случайные заметки по финансовым вопросам, разбросанные в их работах, с трудом поддаются объединению»². По его мнению, Маркс «коснулся налоговых вопросов, как и многих современных экономических вопросов (таможенных пошлин, законов о хлебных пошлинах, биржи и т.д.) случайно и между прочим, как будто лишь для того, чтобы избавиться от них»³. В то же время представителями данного направления признается, что отдельные проблемы финансовой науки, включая налоги, все же исследовались в трудах Маркса⁴.

Несмотря на указанную констатацию применительно к налогам, его вклад в теорию и практику налогообложения некоторыми учеными также оценивается как скромный⁵.

¹ Указанной точки зрения придерживается целый ряд исследователей, как советского, так и постсоветского периода, например: А.И. Буковецкий, Э.А. Вознесенский, В.М. Пушкарева, Д.А. Бутков.

² Буковецкий А.И. Введение в финансовую науку. 1929. С. 173, 174.

³ Там же.

⁴ При этом отмечается, что подобные «исследования были подчинены политической цели ниспровержения существующего строя». См., например: Пушкарева В.М. История финансово-правовой мысли и политики. М., 2001. С. 17.

⁵ См., например: Брызгалин А.В. Интересные факты о налогах и налогообложении // Налоги и финансовое право. 2016. № 9. С. 130.

Сторонники второй точки зрения не соглашаются с подобной оценкой вклада К. Маркса в развитие финансовой науки и считают, что всё же были работы, посвященные финансовым вопросам¹.

Описанная дискуссия была начата в конце двадцатых годов, но продолжалась до девяностых. В результате произошедших экономических и политических преобразований на сегодняшний день в российской литературе, как отмечают исследователи, пока преобладают полярные оценки вклада К. Маркса в финансовую науку. И в это время в западной науке наблюдается более взвешенный подход².

Следует отметить, что применительно к налогам исследователи трудов К. Маркса преимущественно концентрировали свое внимание на поздних работах³, многие из которых выполнены в соавторстве. При этом необходимо обратить внимание, что в работах раннего периода можно найти значительное количество идей, которые позже получили более детальное и глубокое развитие. В поздних работах налоги рассматриваются с позиций позитивизма как атрибут буржуазного государства через призму теории классовой борьбы и вопросов собственности. Так, например, в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»⁴ (1884 г.) налоги характеризуются как взносы граждан, их появление связывается с развитием государства и растущими потребностями в содержании общественной власти.

Существенно, что идеи, выдвинутые К. Марксом, должны рассматриваться в общем контексте его отношения к государству как социальному институту. Так, несмотря на частую цитируемость приписываемой ему идеи о прогрессивном налогообложении⁵, ученый вообще не стремился к налогообложению как обязательному элементу общественного устройства. Соответственно налогу в ранних работах ученого дается негативная оценка, как признаку унижения, порабощения, беспомощности и презрения человека как суще-

¹ См., например: Марголис Д.А., Янбухтин К., Хануков В.Г., Чантладзе В.Г. Карл Маркс о финансах (к 50-летию со дня смерти К. Маркса). Л.; М., 1934. С. 9; Хануков В.Г. Критика антимарксистских экономических теорий и некоторые вопросы истории экономической мысли: материалы Всесоюзной научной конференции, состоявшейся в ТГУ в ноябре 1972 г. С. 87; Чантладзе В.Г., Хантладзе В.Г. Вопросы теории финансов. Тбилиси, 1979. С. 87; Янбухтин К. Налоги в условиях капитализма и в советском хозяйстве. М., 1934. С. 5.

² Лушникова М.В. Российская школа финансового права: портреты на фоне времени: монография / М.В. Лушникова, А.М. Лушников; ЯрГУ. Ярославль, 2013. С. 70.

³ Прежде всего, на первом томе «Капитала».

⁴ Marx K., Engels F. Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats / Karl Marx, Friedrich Engels. Werke. (Karl) Dietz Verlag, Berlin. Band 21, 5. Auflage 1975, unveränderter Nachdruck der 1. Auflage 1962, Berlin/DDR. S. 166.

⁵ Идея высокого прогрессивного налога, которая достаточно часто связывается исключительно с марксизмом. В то же время впервые прогрессивное налогообложение доходов было введено в 1798 году в Великобритании У. Петти в целях покрытия военных расходов. См.: Cooper R. William Pitt, Taxation, and the Needs of War // Journal of British Studies, Vol. 22, No. 1 (Autumn, 1982). P. 100–101.

ства, он подлежит свержению («К критике Гегелевской философии права», 1843 г.)¹. Поэтому налог как элемент государственного принуждения должен был исчезнуть при отмирании государства.

Основываясь на подобном подходе, позднее К. Маркс отмечал, что высокое прогрессивное налогообложение — одна из целого ряда мер, способствующих отмиранию государства². При этом К. Маркс не настаивал на универсальности предлагаемых им мер, в том числе в налоговой сфере, считая, что они будут варьироваться в разных государствах, а соответствующий набор, включающий высокий прогрессивный налог, будет характерен для наиболее развитых стран. Соответственно ученый не считал высокое прогрессивное налогообложение универсальной мерой государственного устройства, преобразования общества, изменения его структуры.

Важным представляется вопрос о соотношении налога и закона. Соблюдение принципа законности при установлении налогов рассматривалось К. Марксом в качестве обязательного факта, без которого у граждан не возникает обязанность уплаты налогов. Например, во время революционных событий 1848 г. в приложении к Новой рейнской газете (*Neue Rheinische Zeitung*)³ он призывал граждан не уплачивать налоги в ответ на роспуск Прусского национального собрания. Поскольку Собрание приняло решение отказаться от уплаты налогов, то правительство было не легитимно взимать и распределять их. В сложившихся обстоятельствах К. Маркса считал, что долг граждан — не уплачивать налоги.

Отличительной особенностью раннего периода научного творчества⁴ К. Маркса является повышенный интерес к вопросам философии права. Но, если в самых первых публикациях преобладают идеалистические начала, то в последствие появляется и критика идей Гегеля. Молодой исследователь оспаривал многие устоявшиеся в юриспруденции взгляды. Так, в работе 1842 года «Философский манифест исторической школы права»⁵ придерживаясь релятивистской точки зрения, он критикует Гуго Густава за универсализм — «нивелирование народов» при аргументации неразумности позитивного. Одновременно К. Марксом приводятся примеры различий в соци-

¹ Подобный вывод можно сделать и из приводимого исследователем возгласа француза «по поводу проектировавшегося налога на собак: «Бедные собаки! С вами хотя поступить, как поступают с людьми!» См.: Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 422.

² Впервые идея прогрессии упоминалась в «Манифесте коммунистической партии». См.: Marx/Engels, Manifest der Kommunistischen Partei. 2000, 2005 vulture-bookz.de, Heidelberg am Neckar. S. 15.

³ Marx Keine Steuern mehr!! Neue Rheinische Zeitung. Nr. 145. Köln, 17. November 1848. Beilage.

⁴ В качестве таковых рассматриваются работы до 1844 года.

⁵ Marx K. Das philosophische Manifest der historischen Rechtsschule /Karl Marx/ Friedrich Engels — Werke. (Karl) Dietz Verlag, Berlin. Band 1. Berlin/DDR. 1976. S. 78.

альной культуре народов, включая касающиеся восприятия налогов¹. Он пишет, что англичане «сочли бы политической нелепостью, если бы его король самовластно назначил налог хотя бы в один пфенниг»². Соответственно, и для самого К. Маркса необходимость установления налогов по определенной процедуре представлялась очевидным атрибутом государственного устройства Англии, поскольку ученый рассматривает налог как юридическую категорию, т.е. правовую форму возложения обязанности на граждан³.

Результаты анализа ранних произведений К. Маркса свидетельствуют, что среди них отсутствует специальная работа, посвященная вопросам налогообложения. В то же время, касаясь вопросов справедливости⁴, пауперизма, базовых принципов конституционного устройства, а также основных конституционных свобод, он нередко рассматривает такие в контексте налогообложения.

В этот период налоги в его представлении уже неразрывно связаны с государством, поэтому многие государственные вопросы тесно переплетаются с налогообложением. Например, в цикле публикаций «Оправдание Мозельского корреспондента»⁵ 1843 г. затронуты не только проблемы свободы слова и её ограничений, но и государственного управления, государственной поддержки частных субъектов, налогообложения. Автором затрагиваются аспекты стабильности регулирования, экономической обоснованности налога, справедливости и равенства налогообложения, защиты прав налогоплательщиков, налогового администрирования, в том числе процедур обжалования⁶, роли информации в налоговой сфере, её возможных источниках.

Процитированная статья 1843 г. состоит из двух частей: фрагментов отчетов из документов, газетных публикаций, отражающих позиции участников дискуссии по рассматриваемым вопросам (например, о бедственном положении примозельского края), и авторских ремарок.

Из приведенных К. Марксом в публикации материалов официальных документов становится очевидным, что многие проблемы

¹ Данный аспект является весьма важным для современных компаративистских исследований в сфере налогообложения.

² Marx K. Das philosophische Manifest der historischen Rechtsschule /Karl Marx/ Friedrich Engels — Werke. (Karl) Dietz Verlag, Berlin. Band 1. Berlin/DDR. 1976. S. 78.

³ См.: Кучеров И.И. Теория налогов и сборов (Правовые аспекты): монография. М., 2009. С. 41.

⁴ Несправедливость существующего общественного устройства всегда наиболее рельефно проявляется при налогообложении, поэтому стоит уделить отдельное внимание категории налога при анализе ранних работ К. Маркса.

⁵ Маркс К. Оправдание Мозельского корреспондента // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 187–217.

⁶ Примечательно, что, несмотря на существенный прогресс в развитии податной техники и налогового администрирования, вопросы кадастра и оценки при налогообложении недвижимости в настоящее время сохраняют свою актуальность и остаются предметом острой полемики, как и в XIX веке.

современных государств уходят своими корнями в прошлое. Однако до сегодняшнего дня на них не найдено однозначного ответа, будь то справедливая методика оценки объектов обложения, в том числе адекватность и достоверность информации, содержащейся в кадастре и используемой при ее применении, возможность использования рыночной стоимости объекта при налогообложении¹, а также порядка и методики её установления.

Затрагиваются в «Оправдании Мозельского корреспондента» и проблемы влияния факта участия в межгосударственных соглашениях в таможенной сфере на состояние национальной экономики (проблемы примозельского края усугубились в результате обострения межгосударственной конкуренции и ухудшения экономической конъюнктуры для виноделов).

Следует отметить, что в работе явственно проступает приверженность автора теории интереса. Им выявляются частные и государственные интересы, соотношение таковых, анализируется конфликт интереса при рассмотрении жалобы должностным лицом на его же собственные действия². Обращается особое внимание на неравенство сторон спора (государства и налогоплательщиков) и необходимости учета данного аспекта при разрешении государством возникшей проблемы.

К. Маркс вслед за Давидом Ганземаном признает тесную взаимосвязь экономики, внутренней и внешней политики, отмечая, что «нет, может быть, ни одного экономического вопроса, который не был бы связан с внутренней и внешней политикой»³. В связи с этим делается вывод о необходимости комплексного решения проблем, стоящих перед государством.

В настоящее время в мире широко используется регулирующая функция налогов, которая порою абсолютизируется. Маркс считал налог лишь одним из инструментов для осуществления государственной поддержки, но не единственным. Так, рассматривая снижение и освобождение от налогов в кризисные периоды (в частности, «в годы плохого урожая») как одну из мер по преодолению бедственного положения виноделов примозельского края, он констатировал, что сама по себе она не способна «устранить бедствие»⁴, а лишь облегчает положение: «освобождение от налогов в годы плохого урожая времен-

¹ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 июля 2016 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 24.18 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования города Братска» // СЗ РФ. 2016. № 29. Ст. 4900.

² Маркс К. Оправдание Мозельского корреспондента. С. 199.

³ Там же. С. 209.

⁴ Там же. С. 203

ное средство, при котором государство делает исключение из своего правила, притом исключение, которое ему обходится не дорого. Да и облегчение это касается не самого бедствия, принявшего постоянный характер, а исключительных форм его проявления, — не хронической болезни, к которой привыкли, а острого заболевания, которое застигло врасплох»¹. Соответственно, признавая значимость в регулировании, исследователь не абсолютизирует налог, а считает его одним из элементов системы государственного управления. Кроме того, отмечает временный характер налога как возможного стимула, что актуально и в современных условиях при анализе вводимых и ревизии существующих мер налогово-правовой поддержки.

Примечательно, что и сами обязанные уплачивать налоги лица также просят не только о понижении налога, но и о реализации иных мер. Например, о восстановлении непосредственного избрания общинных властей, улучшениях в работе сборщиков налогов (пошлинных контор), т.е. в администрировании налогов, изменениях в правилах распахши земель².

Следует отметить, К. Маркс не верил в возможность преодоления бедности посредством налогов, как имманентно присущего государству явления. В работе 1844 года «Критические заметки к статье «Пруссак»»³ он иллюстрировал тщетность английских попыток преодоления бедности не только посредством возложения на приходы обязанности помогать бедным, взимания налога в пользу бедных, но и одновременно законодательно регулируемой благотворительностью. Фактически, здесь прослеживается та же идея, что и в «Оправдании Мозельского корреспондента» — бедственное положение не может быть преодолено только изменениям налоговой системы, нужны системные меры.

Анализируя государства и различные социальные группы в них, Маркс коснулся и принципов представительства и роли сословий, которые тесно связаны с налогообложением (с одной стороны установление налогов представительными органами, с другой осуществление представительства, исходя из распределения налогового бремени)⁴.

¹ Маркс К. Оправдание Мозельского корреспондента. С. 203–204

² Там же. С. 214–215.

³ Маркс К. Критические заметки к статье «Пруссак» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 435.

⁴ Ученый характеризует отношение Гегеля к политическим сословиям следующим образом «всё существование сословий средних веков было политическим существованием, их существование было существованием государства. Их законодательная деятельность, вотирование ими налогов для империи представляли собой лишь особую форму их всеобщего политического значения и политической действительности. Их сословие было их государством». См.: Маркс К. К критике гегелевской философии права. С. 112 // URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Marks.K.kriike.pdf>

Рассматривая вопросы землевладения и состава производительных собственников в капиталистическом хозяйстве, К. Маркс основывался на политэкономических подходах. Он пришел к выводу об изменении экономической модели использования земель и считал, что налог на земельную ренту является «единственным налогом на непроизводительный доход <...> не наносящим вреда национальному производству», поскольку основными пользователями земель уже являлась буржуазия. В связи с этим он, признавая тесную взаимосвязь налогов и иных гражданских прав, считал, что «политические привилегии земельных собственников уже не могут вытекать из того факта, что они — главные налогоплательщики.»¹

На сегодняшний день тесная взаимосвязь представительства и налогов в различных правовых системах достаточно очевидна. Существующая межстрановая конкуренция повышает значимость сравнительно-правовых исследований. При этом сохраняет свою актуальность, в том числе применительно к исследованиям в налоговой сфере, идея К. Маркса о необходимости учета существующих различий в государственном устройстве, в принципах представительства и при осуществлении сопоставления. В частности, сравнительное исследование подходов к представительству в Пруссии, в Англии и во Франции позволяет ученому сделать вывод об отсутствии в двух последних из названных государств сословного представительства и представительства землевладения, поскольку депутаты в Англии и Франции² избираются как народные представители. Учет распределения налогового бремени при представительстве может осуществляться по-разному и приводить к появлению кардинально отличающихся моделей. Так, «во Франции и в Англии принимается в расчёт, что даёт государству земельная собственность и какие налоги платит владелец её, между тем как, наоборот, в Пруссии учитывается, — например, для большинства рыцарских поместий и медиатизированных владений, — насколько они свободны от государственных повинностей и независимы в своём частном пользовании. Во Франции и в Англии <...> право представительства вытекает не из того, что имеет субъект, а из того, что он имеет в интересах государства, не из владения, а как бы из государственной функции, выполняемой владением»³. В результате, если в Пруссии учитывается факт

¹ Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 610.

² Следует отметить, что системы этих государств не рассматривались им в качестве идеальных, они не вызывали у К. Маркса симпатии. См.: Там же.

³ Маркс К. О сословных комиссиях в Пруссии // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 232.

освобождения от налогов, то во Франции и в Англии, напротив, существенную роль играет наличие таковых.

Подводя итоги анализу ранних работ К. Маркса можно сделать вывод, что в них категория налога рассматривается как сложная, не только экономическая, но и одновременно правовая категория, охватывающая как фискальную, так и регулирующие функции налогообложения, основанные на государственном принуждении.

НЕВЛАСТНОЕ НАЧАЛО ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В РАННИХ РАБОТАХ К. МАРКСА

М.В. Баранова

Первостепенную значимость в условиях интенсивной, перманентной модернизации социального бытия приобретает сознательная деятельность индивидов, нуждающихся в адаптации к правилам общества. Эти сложные процессы опосредуются введением системы властных велений, способов и особых приемов воздействия. Правовая сфера не является исключением, поскольку профессия юриста сложна, многогранна и предполагает владение юридической техникой, объединяющей властное и невластное начала. Среди правоведов длительное время ведутся дискуссии о наличии или отсутствии невластной составляющей в юридической технике, однако, специфика глубинных связей широкого спектра элементов юридической техники позволяет допустить двойственность ее природы. Равно, как и бытие человека, юридическая техника представлена дуализмом двух начал — мощного, явного властного и органически неотделимого невластного, заложенного в самой природе этого феномена. «Правовая природа вещей не может сообразоваться с законом, закон должен сообразоваться с ней»¹, справедливо отмечал К. Маркс. Смысловые параллели здесь дают опору для признания значимости невластного начала в понимании юридической техники.

Юридическая наука предлагает множество подходов к определению понятия юридической техники, опираясь, в первую очередь, на сферы ее применения. Первоначально концептуально сформировались основные представления о технике правотворчества, основан-

---

¹ Маркс К. Протоколы 6-го Рейнского Ландтага. С. 252 // URL: http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_1/p5.php#metkadoc6 (дата обращения: 20 января 2018 г.).

ной на властном начале. Сторонники этого подхода не предполагали возможность допущения каких-либо невластных включений. Тематические научные разработки в России традиционно отталкивались именно от этого подхода. Затем закономерно последовал более широкий подход, основанный на представлении о совокупности техники правотворчества, правоприменения и официального толкования. Приверженцы данного подхода технико-юридический инструментарий относят исключительно к властной юридической деятельности. Наиболее полным, масштабным, включающим невластную составляющую, сегодня является представление о юридической технике, как о «системе профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществлении иной юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания»¹.

Деление на технику властной и невластной юридической деятельности основано на специфике субъекта, имеющего или нет властные полномочия, но в реалиях современного бытия не все так однозначно. Российская Федерация является светским государством, где церковь существует отдельно от властных органов, что свидетельствует о том, что лицо, обладающее священным саном, не облечено государственной властью. Однако в 1992 году в приложении к Указу Президента РФ № 804 было впервые установлено «Протокольное старшинство российских официальных лиц», где на восемнадцатой позиции значился Патриарх Московский и всея Руси, а ныне действующий Указ Президента РФ от 16 сентября 2004 г. № 118 «Основные положения государственной протокольной практики Российской Федерации» закрепляет за Патриархом десятую позицию. Таким образом на Патриарха распространяется государственная протокольная практика, как на официальное лицо государства. Безусловно, жизнь российского общества сложно представить без весомого, ценного вклада Патриарха Московского и всея Руси. Его роль значима на международной политической и социокультурной арене. Здесь на первый план для юридической практики и науки выходит специфика сложного и неоднозначного преломления юридической техники, технико-юридического инструментария от привычного властного к невластному, опосредованное обращением к власти.

Примечательно, что проблема неоднозначности ярко отражена в ранних работах К. Маркса, порой его метущийся ум весьма неожиданно затрагивает аспекты, приобретшие особое значение на совре-

¹ Юридическая техника: в 2-х т. Т. 1 / под ред. В.М. Баранова. М., 2016. С. 32.

менном этапе развития социальной и правовой жизни. Так, обращаясь к неоднозначности избрания формы изложения политического дискурса Кельнской газетой, К. Маркс еще и проявляет современное ему представление о квалифицирующих признаках печатной рекламы. «...Та красивая соразмерность, которую «Kolnische Zeitung» до сих пор умела сохранять между политикой и объявлениями, была в последнее время нарушена особым видом объявлений, которые можно назвать «объявлениями из сферы политического предпринимательства». Так как редакция в первое время не знала ещё, как разместить в газете эту новую разновидность, то случалось нередко, что объявление превращалось в передовицу, а передовица — в объявление, и в такое именно объявление, которое на политическом языке называется «доносом». Если, однако, такое объявление оплачивается, то оно называется просто «объявлением»¹. Именно оплаченные объявления в газете в тот исторический период считались рекламой.

Неоднозначность, двойственность, по мнению К. Маркса, свойственна в целом бытию человека, ведь он одновременно и частное лицо, и член политического общества, то есть личность со своими специфическими чертами и гражданин с устремлениями, выходящими за пределы частного интереса. Двойственность эта должна преодолеваться за счет отрицания личного в пользу общего. В настоящее время концепция двойственности нашла свое неординарное преломление в «компетентностной модели специалиста». Так, при разработке компетентностной модели специалиста технического профиля, специалистами было предложено разделить модель деятельности и модель личности специалиста. Модель деятельности было предложено понимать, как описывающую виды профессиональной деятельности, сферы и структуры профессиональной деятельности, ситуации профессиональной деятельности и способы их решения, в том числе типовые профессиональные задачи и функции, способы ликвидации профессиональных затруднений в возможных типовых учреждениях на определенных рабочих местах. Модель личности специалиста объединила в себе необходимые человеческие качества, обеспечивающие успешное выполнение задач, возникающих в производственной сфере, в том числе способность к самообучению и саморазвитию².

Предложенное деление фактически представляет собой призна-ние в юридической практике реального соотношения функциональ-

¹ Маркс К. Vorwdrts! № 63, 64 // URL: http://www.k2x2.info/ilosofija/sobranie_sochinenii_tom_1/p5.php#metkadoc6 (дата обращения: 18 января 2018 г.).

² Атлягузова Е.И. Компетентностная модель специалиста технического профиля // Вектор науки ТГУ. 2012. № 1 (8).

ной/политической/властной и личностной/частной/невластной составляющих. Частная составляющая непременно проявляется в профессиональной деятельности, воздействует процесс и результат, влияет на специфику востребованных технико-юридических инструментов.

В современной Российской Федерации отбор специалистов в правовой сфере основан на массиве норм, содержащих как властные требования к умениям, навыкам работника, так и невластные — к моральной стороне личности. Этические требования к представителям судейского корпуса нашли отражение в п. 1 ст. 21 Европейской Конвенции о правах человека: «Судьи должны обладать самыми высокими моральными качествами и удовлетворять требованиям, предъявляемым при назначении на высокие судебные должности, или быть проведеными с общепризнанным авторитетом».

Современный подход к пониманию модели специалиста в сфере юридической практики, как особой системы профессиональных, социокультурных, психологических качеств, знаний, умений и навыков, характеризующих его как члена социальной общности, обусловлен невластной составляющей, наличием неправовых нормативов, действующих в социуме.

Неправовые регуляторы занимают признанное место в обществе, действуют на широкий спектр отношений, но значимым здесь является не сам факт их наличия или признания, а возможность и актуальность перспективной гармонизации с правовой материей. Профессор Ю.А. Тихомиров справедливо отметил, «... что в российском законодательстве социальные регуляторы нашли отражение в содержании экономических и иных отраслей права. ...Только должное внимание к широкому спектру социальных норм позволит эффективно осуществлять правовое регулирование»¹.

Содержательно юридическая деятельность обуславливает существование ряда видов юридической техники, среди которых невластное начало отражено в правореализации, неофициальном толковании, неофициальной инкорпорации, неофициальном учете.

«Государство надо строить ... на основе разума свободы. Государство, которое не является осуществлением разумной свободы, есть плохое государство», отмечал К. Маркс². Правотворческая юридическая техника проявляет некоторое невластное начало, воплощаясь в процессе становления делиберативной демократии, основанном на свободе воле и разумном мышлении граждан.

¹ Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. С. 97.

² Маркс К. Rheinische Zeitung. № 191, 193 и 195 // URL: http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_1/p5.php#metkados6 (дата обращения: 18 января 2018 г.).

Следует принять как данность, что рядовой гражданин/обыватель не обладает специальными юридическими познаниями, технико-юридический инструментарий, востребуется им ситуативно, фрагментарно. Это осложняет делиберативные процессы, снижает эффективность взаимодействия социума и власти. Осознавая значимость включения широких масс в политические процессы, государство предоставляет гражданам возможность деятельностного участия в правотворчестве. Указ Президента РФ от 9 февраля 2011 г. № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» и Указ Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»» создают для этого необходимый юридический фундамент.

Государство выстраивает систему норм, обеспечивающих реализацию права индивидов на участие в экспертной и правотворческой деятельности, но ждать резкого роста осознанной активности в короткие сроки было бы опрометчиво. Граждане должны быть готовы к активному участию в правовой жизни, осуществлению саморегулирования, использованию определенных технико-юридических форм и средств.

«Прежние философы строили государственное право либо на основе чувства, как, например, честолюбия, чувства общности, либо на основе разума, но не общественного, а индивидуального разума. Новейшая, философия... строит государство из идеи целого... Она рассматривает государство как великий организм, в котором должны осуществляться правовая, нравственная и политическая свободы, причем отдельный гражданин, повинувшись законам государства, повинувается только естественным законам своего собственного разума, человеческого разума»¹.

Осознанное стремление осуществлять жизнедеятельность в рамках государственных властных велений в идеале должно прибывать в гармонии с собственными представлениями гражданина о должном, справедливом, желанном. Не механизмы властного принуждения, а свободная воля индивида должны лежать в основе активного, осознанного правомерного поведения. Соответственно и используемый технико-юридический инструментарий сущностно должен преломляться, проявляя невластное начало. Следует признать, что уникальные, инновационные средства, приемы, методы невластной юридической техники вряд ли будут генерированы, во всяком случае

¹ Маркс К. Kolnische Zeitung. № 79 // URL: http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_1/p5.php#metkadoc6 (дата обращения: 18 января 2018 г.).

в ближайшей перспективе, сегодня речь идет о придании специфической окраски имеющемуся инструментарию, признании места невластной составляющей. Данный аспект не умаляет ценность и значимость невластного начала, не искажает сущность юридической техники в целом.

Отправной точкой познания сущностных аспектов невластной юридической техники служит понимание специфики, объема, роли невластной составляющей, поскольку сущность и базовое явление находятся в органичном единстве, но не идентичны, как справедливо утверждал К. Маркс, ведь «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня...»¹. Несовпадение содержания и объема понятий «явление» и «сущность» в ином контексте нашло отражение в трудах В.И. Ленина, который полагал, что «явление богаче сущности, ибо оно включает в себя не только обнаружение внутреннего содержания, существенных связей объекта, но и всевозможные случайные отношения, особенные черты последнего»². Признавая неразрывную взаимосвязь явления и сущности, возможность их изменчивости во времени, В.И. Ленин видел явления в динамике постоянных изменений, а сущность наделял устойчивостью по отношению к явлению.

Наиболее ярко невластная составляющая проявляется в реализации права через использование прав, исполнение обязанностей, соблюдение запретов. Жизненный цикл гражданина предопределяет множественность актов невластной реализации, порой неотделимых от властного правоприменения.

Специфика использования права, осуществление конкретных действий или бездействий в соответствии с приданными субъективными правами находится в прямой зависимости от правового статуса личности. При этом свобода слова и собраний воплощается в непосредственном участии в политических акциях, публичном оглашении позиций, взглядов, мнений, призывов. Субъекты частного права используют право при заключении сделок, вступлении в договорные отношения. Субъекты публичного права реализуют право, избирая соответствующие компетенции и соответствующие правовой регламентации возможные модели поведения. Вступление или отказ от вступления в правоотношения, определение форм, видов, специфики поведения, выработка требований к действиям контрагентов, обращения за защитой попранного права — все это примеры проявления невластной составляющей.

¹ Маркс К. (под ред. Энгельса Ф.). Капитал. Критика политической экономии. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф., Собр. соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 384.

² Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии». ПСС. 5-е изд. Т. 29. С. 227.

Показательно выглядит слияние властного и невластного начал в акте исполнения обязанности, поскольку само исполнение возложенного властно веления вполне может осуществляться в деяниях, не носящих властный характер, но изначально инициированных через властное предписание (договор, правоприменительный акт). Исполнение обязанности, в большинстве случаев, требует осознания субъектом предстоящих действий или бездействий, их последовательности, возможных правовых и неправовых последствий исполнения обязанности или ее игнорирования.

Иная ситуация при соблюдении права. Часто для реализации через соблюдение от людей не требуется никаких специальных действий или сдерживающих усилий воли — даже не зная о существовании запрета, гражданин неосознанно не допускает нарушения запретительной нормы. Бывают так же случаи когда правом определен строгий порядок конкретных действий, которые признаны государством юридически значимыми. Таким образом, имеет место запрет нарушать установленный порядок, как по очередности следования отдельных действий или бездействий, так и по времени прохождения этапов, форме и перечню документов, сроках их представления, размерах и способах внесения платежных средств. Сам факт нарушения установленного порядка не будет являться правонарушением, гражданин не понесет юридической ответственности, но несоблюдение может повлечь невозможность наступления желаемого юридического результата. Невластный отказ частного лица от следования властно установленным требованиям может привести к юридически значимым, нежелательным для индивида последствиям. Юридизация отношений в современном социуме высока, спектр технико-юридических требований чрезвычайно широк. Все это обуславливает необходимость формирования у гражданина четкого представления о возможных последствиях пренебрежения установленным порядком. Например, невозможности подачи жалобы или предъявления иска по истечении срока обжалования или срока исковой давности, невозможности принятия к рассмотрению копии документа при отсутствии нотариального заверения, невозможности приобретения авиационного или железнодорожного билета на основании документа и истекшим сроком действия.

Специфика и роль невластного начала юридической техники на современном этапе социального развития наиболее полно проявляется во взаимодействии и в сравнении с властной составляющей:

— невластное и властное в юридической технике сложно отделить друг от друга, эти начала тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены;

— ориентация исключительно на властный характер деятельности субъекта не позволяет провести дифференциацию властного и невластного в полной мере;

— в некоторых случаях властное поглощает, включает в себя невластное;

— в невластной деятельности воплощаются и типично властные виды юридической техники;

— программируемый юридически значимый результат невластной деятельности может быть достигнут с помощью технико-юридического инструментария, типичного для властной деятельности;

— неправовые социальные регуляторы в ряде случаев являются основой технико-юридического аспекта регулирования властной деятельности.

Сущность юридической техники заключается в гармонизации и конечной адекватности технико-юридического обеспечения того или иного вида признанной юридически значимой деятельности, с учетом специфики ее возможного перспективного развития.

Правовая культура, право, юридическая техника России исторически базируются на представлении о высшей правде и справедливости, что обусловило взаимосвязь, взаимозависимость властного и невластного аспектов в правовой жизни социума. Невластное начало юридической техники позволяет наиболее полно проявить государственное властное начало, гармонизировать технико-юридическое обеспечение в соответствии с велением времени и прогнозируемыми перспективами.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

**МАРКСИСТСКИЕ ИДЕИ
СОВРЕМЕННОСТИ,
СВОБОДЫ
И ПРАВОСУДИЯ**

Критика К. Марксом современного ему правопорядка не только отражала существующие в обществе противоречия в области соотношения законодательства и морали, позволявшие утверждать о неправомерном характере законов, но также доводила до читателя мысли автора в яркой форме, которой по многим причинам современная публицистика лишена.

Сегодня невозможность доведения правоприменения до идеала, описанного в законе, редко подвергается сомнению в науке, равно как и феномен «права привилегированных». Маркс не только поднял данные вопросы на уровень всеобщего обсуждения, но и предложил пути их решения, воспринятые на практике.

К. Маркс в своих ранних работах затрагивал проблемы классовой природы права, а также справедливости судебного разбирательства. Закон и суд в трудах Маркса оцениваются с применением аргументов, присущих различным типам правопонимания. Такая многогранность подтверждает универсальность его подходов, которые не должны оставаться на обочине истории и игнорироваться наукой.

РАННИЕ ВОЗЗРЕНИЯ К. МАРКСА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСУДИЯ

Д.А. Фурсов

В ранних произведениях К. Маркса особым образом обращают на себя внимание те идеи, которые связаны с пониманием противоречий как движущей силы в развитии любых социальных процессов («Размышление юноши при выборе профессии», 1835 г.), протivoестественности метафизики права («Письмо к отцу в Трир», 1837 г.), истинности и достоверности знания («Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» с критикой полемики Плутарха против теологии Эпикура, 1839–1841 гг.), пониманием добра и справедливости (письма 1842–1843 гг.).

Нашим современникам недостает, прежде всего, знания правосудной деятельности, основанной на неизбежных противоречиях, обеспечивающих ее развитие. Ничто не способно нанести такой урон правосудию, как пренебрежение противоречивой природой объективного мира в указанной части, идеализация правосудия, которая всегда склонна выдавать желаемое за действительное.

Правосудная деятельность вплетена в канву окружающих ее противоречий. И сама основана на противоречиях. Таким образом, следует различать противоречия внешние и внутренние. Мы намеренно опустим очень важные сферы влияния на организацию правосудия, его функционирование, на правосознание судей со стороны политического режима, правовой политики и правовой идеологии.

Более неотложные проблемы, требующие рассмотрения, находятся в сфере, непосредственно примыкающей к организации правосудия и его отправлению, которые чаще всего остаются вне поля зрения современной юридической науки. Их минимальный перечень, име-

ющий отношение как к группе внешних, так и группе внутренних противоречий, включает в себя:

- противоречия между целями формирования судейского корпуса и способами их достижения;
- противоречия между целями правосудия и системной организацией судебной власти;
- противоречия между формой и содержанием правосудной деятельности;
- противоречия между единством судебной практикой и ее личностным преломлением через сознание судей в рамках рассматриваемых дел.

Отсутствие диалектических представлений о формировании и развитии правосудной деятельности порождает крайне поверхностные о ней суждения, которые заведомо не способны сформировать адекватные оценки.

Вероятно, этими причинами вызваны проблемы, которые связаны с пониманием конкурсного порядка отбора кандидатов в судьи, в то время как этот порядок основан преимущественно на характеристиках, т.е. протекциях.

Как писал К. Маркс в статье «О сословных комиссиях в Пруссии» (1842 г.), безупречная репутация, иные характеристики личности — слишком неопределенные понятия. Вместе с тем, он отмечал признаки настоящей, так называемой свободной интеллигенции, ее отличия от утилитарной интеллигентности. В первом случае человек защищает правое дело невзирая ни на что, даже в ущерб себе, борется за общий интерес в условиях отсутствия всякого эгоизма. Во втором случае за крикливыми фразами о справедливости обнаруживается борьба только за благополучие собственного домашнего очага.

Какой интеллигентностью отличаются современные судьи? Способны ли они противостоять любым формам влияния на них со стороны? Достаёт ли им сил бороться за справедливость при любых условиях и даже во вред себе? Не признаются ли действия судьи во вред себе свидетельством его умственного помешательства, поскольку основная масса человечества так не поступает.

Скорее всего, этими причинами (отсутствием диалектического восприятия социальных процессов) обусловлены проблемы, связанные с пониманием судебной системы лишь со стороны ее институционального построения, а не самодостаточной организации, обеспечивающей гарантированное отправление правосудия. В условиях монополизации деятельности по рассмотрению споров данная группа проблем приобретает особую актуальность. Следует обратить внимание на то, что не всякая совокупность органов обеспечивает достаточные системные связи между ними. С этой точки зрения заслу-

живает внимания межинстанционная организация судебных органов как самостоятельная проблема.

Не иначе, как этими причинами определяются проблемы, обусловленные ограниченными полномочиями проверочных инстанций, которые не соотносятся с общими целями правосудия. Конечные цели правосудия, во всяком случае, по гражданским делам, связаны с защитой и восстановлением нарушенного права. На достижение конечных целей должна быть направлена деятельность всех судебных инстанций.

Несомненно, этими же причинами обусловлено непонимание различий между отношениями процессуальными и материальными. В процессуальной доктрине распространено суждение о том, что строгое следование процессуальному закону непременно приведет к принятию правильного судебного решения¹.

В действительности процессуальные отношения обеспечивают лишь потенциальные возможности. Человек тоже потенциально способен прошибить лбом стену, да не все уверены в том, что указанной способности требуется экспериментальное подтверждение.

С этими причинами связано отсутствие в процессуальной науке достаточных представлений о природе судебных ошибок. Если при одних условиях они являются неизбежными издержками специальной деятельности по рассмотрению и разрешению гражданско-правовых споров, то при других — следствием безответственного отношения к исполнению доверенной государством должности.

В современных условиях мы имеем возможности для использования не только прошлого философско-этического опыта, но и надежных отраслевых знаний. Они позволяют находить решения для всех проблем, возникающих в современных условиях, но не иначе, как на базе того философского фундамента, который был заложен в трудах молодого К. Маркса.

Труды К. Маркса имеют непреходящую ценность в той части, в которой они содержат не учение по какой-либо конкретной проблеме, включая взгляды на происхождение грома, формирование прибавочной стоимости или проявления классовой борьбы (научные взгляды по всем указанным поводам за прошедшие столетия претерпели существенные изменения), а отражают методологию исследования. Поэтому явно заблуждаются те авторы, которые объявляют идеи К. Маркса устаревшими и неприемлемыми.

Правильнее назвать идеи К. Маркса во многом непонятыми и нереализованными до настоящего времени. От такой неразделенности страдает не К. Маркс, а современная доктрина. Примеры тому

¹ См.: Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные проблемы. М., 2010.

окружают нас на каждом шагу. Особенно очевидны они в сфере общественных отношений, подвергнутых правовому регулированию, включая сферу отправления правосудия.

Одной из наглядных иллюстраций может служить философская категория, именуемая системой. Законодатель использовал эту категорию, исходя из бытового, а не научного ее понимания. Поэтому в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» с последующими изменениями к нему определено лишь единство судебной системы, единство судейского статуса, виды судов (мировые судьи, суды общей юрисдикции, включая военные суды, арбитражные суды, включая Суд по интеллектуальным правам, уставные суды), порядок создания и финансирования судов, самые общие представления об имеющихся судебных инстанциях.

Все перечисленное имеет весьма далекое отношение к научному пониманию системной организации судебной власти, отражает лишь самые поверхностные представления о ее надлежащем функционировании.

Судебная власть представляет собой в постановочной части разновидность социальной системы. Не биологической, ни технической, а социальной.

Следовательно, в социальной системе, создаваемой с привлечением человеческого интеллектуального потенциала, можно и нужно, как минимум, учитывать все разумные закономерности, установленные как в природных системах, так и в технических.

Однако, этот опыт не учитывается вовсе. Достаточно для сопоставления взглянуть на разумную организацию биологической системы.

Если не принимаются меры к лечению хронического бронхита, то формируется заболевание, именуемое ХОБЛом (хроническая обструктивная болезнь легких). При непринятии мер к лечению этого заболевания начинаются патологические изменения в работе сердца, которое пытается восполнить недостаток кислорода, поступающего из легких. Кислородная недостаточность, с которой не справляется измененное по легочному типу сердце, порождает головные боли и другие симптоматические проявления патологических изменений, сигнализирующих организму о наличии функциональных проблем. Организм ставится в известность о разбалансировке системных связей, и каждый орган пытается по мере своих возможностей обеспечить равновесное состояние.

Подобным ли образом работает судебная система? Чтобы ответить на этот вопрос, полезно уточнить, у кого болит голова за недостатки в организации судебной власти. У ее органов или у граждан.

Следует отметить, что некоторые меры к поддержанию функциональной упорядоченности при отправлении правосудия принимаются как законодателем, так и органами судейского сообщества. Например, появились правовые предпосылки для постановки вопроса о компенсации за нарушение требования законодателя по поводу рассмотрения заявленного спора в разумный срок.

Сложилась традиция, в силу которой принимаются организационные меры к тем судьям, в производстве которых находятся гражданские дела более одного календарного года. Но если мы заинтересованы в совершенствовании системных связей, имеющих отношение к организации внутреннего присмотра, то нам никто не мешает ставить на ежеквартальный контроль каждое гражданское дело, не представляющее особой сложности. Производство по делу более полугода должно служить сигналом для проверки надлежащей его подготовки к судебному слушанию.

Реализация подобного предложения способна повысить контроль над соблюдением разумного срока рассмотрения дел ровно в четыре раза без видимых к тому финансовых затрат. В наличии более действенного контроля заинтересовано большинство участников судебного разбирательства, ориентированное на своевременное, максимально оперативное восстановление нарушенного права.

Всякая биологическая система, созданная природой, заслуживает внимательного изучения и разумного подражания. В них отсутствует формализм, которым грешат чиновники. Природе не свойственны лишние усложнения, она предпочитает использовать повторяющиеся и надежные приемы взаимодействия.

С этой точки зрения заслуживает внимания проблема межинстанционных взаимоотношений судебных органов. Эта проблема имеет двоякое проявление. С одной стороны, ставится под сомнение необходимость вмешательства проверочной инстанции при обнаружении судебной ошибки. С другой стороны, даже на законодательном уровне не наблюдаются достаточные элементы сотрудничества между проверочными инстанциями, направленного на обеспечение конечной цели судебного разбирательства.

Принципиальная проверка обжалованных судебных актов и нетерпимость любой проверочной инстанции к обнаруженным судебным ошибкам должна носить очевидный и безусловный характер. Такому пониманию создает помехи привнесенный из европейского опыта принцип правовой определенности.

Развивая идею правовой определенности, некоторые авторы предлагают вмешиваться апелляционной инстанции и отменять принятое решение лишь в том случае, когда судом первой инстанции

допущена фундаментальная ошибка¹. Подобный подход нельзя признать бесспорным.

Во-первых, на уровне апелляционного рассмотрения спора, то есть последней общедоступной инстанции в гражданском процессе, должны быть устранены все допущенные судебные ошибки, имеющие существенный характер, а не только глобальные.

Во-вторых, судебные ошибки неизбежны в силу того, что ни в одном виде человеческой деятельности невозможно достижение блестящего результата с первой попытки. Ни в строительстве, ни в медицине, ни в спорте, ни в юриспруденции. Первый подход чаще всего сопровождается множеством недочетов, просчетов уже потому, что человеческий интеллект работает исключительно в режиме фрагментарного восприятия действительности. Поэтому апелляция должна служить необходимым редутом на пути исправления вероятных судебных ошибок, которые со времен средневековья называют неизбежной ценой правосудия.

В-третьих, правовая определенность по своему содержанию должна сводиться к тому, что недопустима отмена обжалованного судебного акта по малозначительным поводам. Кстати, это правило действовало еще в советском гражданском процессе и до вступления Российской Федерации в Совет Европы, признания юрисдикции Европейского суда по правам человека.

Согласно ст. 330 ГПК РСФСР, утвержденного Верховным Советом РСФСР 11 июня 1964 г., не допускалась отмена судебного постановления только по формальным соображениям. Именно о таком понимании правовой определенности, за которой просматривается стабильность судебных актов и проистекающая из этого факта определенность в правах и обязанностях спорящих сторон, и должна вестись речь.

В-четвертых, дилемма между правовой определенностью и необходимостью исправления всякой существенной ошибки (той, от которой зависит объем и полнота судебной формы защиты нарушенного права) должна решаться всякий раз непременно в пользу второй. Вначале судебные органы обязаны исправить все существенные ошибки, которые могли повлиять на правильность принятого решения, и только после этого они должны обеспечить нерушимость принципа правовой определенности.

В-пятых, иное понимание принципа правовой определенности может породить негативные последствия. На сегодняшний день у населения уже сложилось мнение о том, что все вопросы решаются только в суде первой инстанции.

¹ См.: Егорова О., Беспалов Ю. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в судебной практике. М., 2013.

На чем основано такое мнение? На личных наблюдениях граждан и впечатлениях от пересмотра дел в апелляции. Об этом же свидетельствует и судебная статистика: отмены в апелляции (в судах общей юрисдикции) представляют собой достаточно редкое явление. Если проанализировать апелляционные определения судебных коллегий по гражданским делам на уровне субъектов Российской Федерации, которыми были отменены или изменены финальные судебные акты первой инстанции, то становится очевидно, что состоявшиеся отмены (изменения) нередко носят косметический, потому малопредсказуемый, а не фундаментальный характер.

Деятельность судебной власти, как и формирование общественного мнения по данному поводу, должна быть целевой. Поэтому постановка принципа правовой определенности впереди ординарной задачи по исправлению всех существенных ошибок выглядит непродуктивно.

Весьма дискуссионной является и практика самоограничения полномочий в проверочных инстанциях. Речь идет о том, что нередко в судебных актах кассационной и надзорной инстанций встречается ссылка на то, что всем доказательствам судом первой инстанции дана оценка, а переоценивать эти доказательства проверочная инстанция не имеет полномочий.

Можно ли признать такое обоснование отказа в пересмотре дела оптимальным? Конечно, нет. Ни одна из проверочных инстанций не лишена возможности оценивать представленные по делу доказательства в самостоятельном порядке. Иначе ей незачем иметь судебный статус. До 1917 года высшая инстанция по этой причине называлась не судом, и кассационным департаментом Правительствующего сената.

Суд первой инстанции имеет некоторый приоритет перед апелляционной инстанцией, очевидный приоритет перед кассационной и надзорной инстанциями лишь в собирании доказательств. Но не в их оценке.

Поэтому проверочная инстанция может подтвердить правильность оценки доказательств, имеющейся в решении суда первой инстанции даже с учетом доводов подателя жалобы. Но ссылаться на отсутствие у нее полномочий, необходимых для формирования собственного мнения по поводу установленных фактов и представленных доказательств, у проверочной инстанции нет никаких оснований.

В рамках проводимой на сегодняшний день не только судебной, но и процессуальной реформы, эта проблема может быть обнулена, поскольку законодатель предлагает проверочным инстанциям (кассации, надзору) выносить судебные акты только в резолютивной

части без указания мотивов. Это свидетельствует о переходе в подавляющем большинстве обращений к формуле: «Ваша жалоба рассмотрена, Вам отказано».

С точки зрения процессуальной доктрины подобный подход не является идеальным способом преодоления перегрузки в работе всех судебных инстанций, включая проверочные. За любым отказом в пересмотре гражданского дела предполагается наличие твердого убеждения судьи, подписывающего определение, в действительных к тому причинах.

При таких условиях было бы целесообразнее отказаться от описательной части судебного определения, на которую падает львиная доля общего объема изготавливаемых судебных актов. Сторонам обстоятельства спора известны, суду тоже, поскольку копии всех документов находятся в материалах дела. Одновременно, при наличии в том необходимости, было бы допустимо законодательно закрепить возможность краткого указания на мотивы принятого определения при сохранении возможности представления мотивировочной части в полном объеме по заявлению заинтересованного в том лица.

Другая сторона межинстанционных отношений связана не с разделением функционала между проверочными инстанциями, а с организацией взаимодействия, поскольку все они преследуют одинаковую конечную цель. Их деятельность направлена на то, чтобы разными средствами обеспечивать восстановление нарушенного права.

На смену самоограничению полномочий должна прийти их уступка¹. Уступка полномочий сводится к тому, чтобы рассмотрение огромного количества жалоб, поступающих в первую и вторую кассацию, а также судебный надзор, сопровождалось накоплением огромного положительного потенциала.

Если надзорная инстанция при проверке жалобы видит судебную ошибку, но принятое решение не влияет на сложившуюся практику, то ей необходимо предоставить полномочие для передачи дела в суд апелляционной или кассационной инстанции для пересмотра по существу, поскольку сама надзорная инстанция с большим количеством дел заведомо не справится, не сможет выполнять возложенную на нее миссию по формированию единства судебной практики.

Существует огромное количество иных проблем, не названных в настоящей статье, связанных с научным пониманием функционирования судебной власти как живого эффективного системного феномена. В том числе связанных с техническими системами.

¹ Князькин С.И. Внутриинстанционное разделение полномочий и межинстанционное взаимодействие суда надзорной инстанции // Российское правосудие. 2014. № 3 (95). С. 40–47.

Представьте себе самый элементарный механизм в виде доводчика на входной двери. Если в нем произойдет поломка хотя бы одной детали, доводчик не только перестанет выполнять отведенную ему функцию, но и, что весьма вероятно, будет препятствовать закрыванию двери, стопорить любые к тому усилия.

Было бы полезно своевременно выявлять все поломки, происходящие внутри судебных органов, адекватно принимать меры к починке механизма принятия решений, направленных на защиту права, проводить осмотры этого механизма и заниматься профилактикой поломок.

Следует обратить внимание на то, что многие системы, существующие в природе и технике, так или иначе подконтрольны человеку, обществу. Они пытаются управлять этими системами, влиять на их функционирование.

Система судебных органов не подвержена никакому внешнему влиянию. Даже высшее должностное лицо в государстве, однажды назначившее судей, не вправе вмешиваться в их деятельность, высказывать свое мнение по делу, находящегося на рассмотрении суда, иным образом влиять на правосудие.

Из этого факта следует очевидный вывод по поводу упомянутой ранее абсолютной монополии на осуществление правосудия. При таких условиях сами органы правосудия, органы судейского сообщества должны пристально и самокритично оценивать профессиональную деятельность, отмечать все ее плюсы и минусы, заниматься поиском существенных свойств судебной системы, основных закономерностей ее развития.

Мы предприняли краткую попытку рассмотреть лишь одну философскую категорию применительно к судебной деятельности. Методология научного поиска, заложенная Марксом, обязывает нас к анализу всего множества существенных внутренних и внешних связей, в условиях которого судебная система формируется, развивается, функционирует и преобразуется.

ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОГО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В РАННИХ ТРУДАХ К. МАРКСА

С.И. Князькин

Понимание справедливости в праве и правосудии претерпело существенные изменения с античности до наших дней. В Древности и в Новое время закон и справедливость отождествлялись¹. Однако на рубеже XIX—XX вв. традиционное понимание государства и права подвергается критике на основе естественно-правового подхода. Данная тенденция прослеживается и в трудах раннего К. Маркса, переосмысливавшего работы Г. Гегеля, а позднее и Л. Фейербаха. В этой связи для понимания справедливого права и правосудия представляет интерес период К. Маркса-гегелианца.

Правовая, нравственная и политическая свободы рассматриваются им как единое целое, реализуемое в государстве². В этой связи ложным представляется подход, признающий моральные, этические категории и понятия не имеющими отношения к праву и размывающими его содержание.

Утверждение К. Маркса о том, что правовая природа вещей не может сообразоваться с законом, а закон должен сообразоваться с ней, свидетельствует о производном характере писаного права, о том, что оно призвано отражать естественные общественные отношения, соответствующие представлениям о добре и зле в конкретный исторический период³. Уже в тот период К. Марксом была констатирована возможность запоздалого развития законодательства по срав-

¹ Аристотель. Этика. СПб., 1908. С. 84; Гоббс Т. Соч.: в 2-х т. М., 1991. Т. 2. С. 618.

² Маркс К. Передовая статья в № 79 Кельнской газеты ст. 237, 23. Цит. по: Разумовский И.П. Понятие права у К. Маркса и Ф. Энгельса // Под знаменем марксизма. 1923. № 2–3. С. 68–97.

³ Ibid. Маркс К. Протоколы 6-го Рейнского Ландтага стр. 252. Цит. по: Разумовский И.П. Понятие права у К. Маркса и Ф. Энгельса // Под знаменем марксизма. 1923. № 2–3. С. 68–97.

нению с динамично меняющимися общественными отношениями под влиянием различных факторов. Однако это не является достаточным основанием для отторжения новых общественных процессов и явлений из поля писаного права.

В данном утверждении присутствует идея о том, что нельзя относить к праву только то, что носит формальный характер, заранее отвергая иные категории формально неправового свойства. Если писаное право естественным образом отстаёт от развития общественных отношений, то роль суда в такой ситуации состоит в преодолении данного разрыва. Судебное решение будет справедливым, если принято по результатам преодоления подобного разрыва.

К. Маркс в качестве настоящего закона признаёт тот, в котором возможно воплощение бессознательного, естественного закона свободы, что является признаком естественно-правового правопонимания¹.

Отождествление повиновения законам государства и законам собственного разума, по мнению К. Маркса, означает непротиворечивое и взаимное естественное дополнение позитивного права и морально-нравственных ценностей не только всего общества, но и каждого индивида. Лицо, применяющее право, не должно стоять перед выбором: поступить законно, но безнравственно или по совести, но в противоречии с законом. Правовой закон в части его соответствия морально-нравственным ценностям общества в конкретный период исторического развития позволяет избегать суду дилеммы принятия судебного решения законного и обоснованного, но сомнительного с точки зрения справедливости. На практике эта проблема проявляется в психологическом отторжении многими представителями судебной власти понятия справедливого судебного решения на том основании, что такой подход в правосудии может породить произвол. Необходимость связи законов с нормами морали и нравственности в конкретный исторический период приводит к наличию правового закона.

Законы рассматриваются в качестве норм, в которых свобода приобретает независимое от произвола отдельных личностей существование. Воплощение бессознательного естественного закона в сознательном государственном законе превращает его в подлинный закон². Данное утверждение является не чем иным как воплощением идеи сближения естественного и позитивного права. Применительно к правосудию это означает необходимость суда воздерживаться от применения неправовых законов и, особенно, подзаконных актов. Гру-

¹ Ibid. С. 213. Срав. Гегель, «Философия права» № 203, 217. Цит. по: Разумовский И.П. Понятие права у К. Маркса и Ф. Энгельса // Под знаменем марксизма. 1923. № 2–3. С. 68–97.

² Разумовский И.П. Понятие права у К. Маркса и Ф. Энгельса // Под знаменем марксизма. 1923. № 2–3. С. 68–97.

бым материализмом в правотворчестве и правосудии признаётся формальный подход, не учитывающий практику общественных отношений, включая отношения в рамках конкретного спора. Справедливым признаётся решение, обладающее морально-нравственным окрасом, а не только соответствующее законам и подзаконным актам.

Современный закон оставляет суду возможность принятия справедливого судебного решения. Однако в судебной практике преобладает формальный подход, предполагающий рассмотрение многих дел по шаблону, когда отсутствует индивидуальный подход, предполагающий не только юридическую, но и морально-этическую оценку судом спорного правоотношения. Это оправдывается преобладанием типовых дел, бесспорных требований, не требующих индивидуального подхода со стороны суда.

К. Маркс критикует так называемый закон о лесных порубках, запрещающий беднякам сбор валежника в лесу. По мнению К. Маркса, в данном случае немецкий законодатель придерживается формального подхода, не защищая реальное право государственной собственности на лесные угодья, а произвольно ограничивая естественное право бедняков на сбор валежника как единственного способа отапливать своё жилище. Речь идёт о посягательстве не на материал дерева, а на государственный нерв дерева, право собственности¹. Это означает необходимость рационального обоснования правотворчества и правоприменения, включая судебное правоприменение, наличие целеполагания в законодательной деятельности. В современный период целесообразно отходить от огульного законотворчества, а результаты судебной аналитической деятельности призваны не только преследовать цель обеспечения единообразной судебной практики, но и носить ценностный характер, поскольку и единая практика может быть уродливой.

Усердное следование суда букве закона приводит к принятию решения в обход закона. В то же время, необходимо обращение судей к глубокому смыслу закона², тому изначальному предназначению применимой нормы права, которое имел в виду законодатель в ходе её принятия.

Заслуживает внимания утверждение К. Маркса о процессе как форме жизни права, о служебной роли процесса по отношению к праву³. Этот вывод представляет актуальность для современного правосудия в

¹ Ibid. С. 253. Ср. Гегель: «Философия права» № 90–100. Цит. по: Разумовский И.П. Понятие права у К. Маркса и Ф. Энгельса // Под знаменем марксизма. 1923. № 2–3. С. 68–97.

² Фурсов Д.А. Очерки о личности, государстве, правосудии, или библейские наставления светскому человеку. М., 2013. С. 402.

³ Разумовский И.П. Понятие права у К. Маркса и Ф. Энгельса // Под знаменем марксизма. 1923. № 2–3. С. 68–97.

целом и проверочной судебной деятельности, — в частности. Основанность процесса не на частных, корыстных интересах, а на свободе и правах человека служит косвенным подтверждением рассмотрения процессуальной формы в её естественно-правовом понимании. Экстраполируя данное утверждение на современное судопроизводство, можно сделать вывод о том, что материальные интересы участников спора не должны находиться в зависимости, становиться заложниками действующей процессуальной формы, не предоставляющей гарантий их защиты, подчиняющей иным, в том числе, судебским корпоративным интересам.

Также данное утверждение свидетельствует о непринятии формального подхода к судопроизводству, признающего достижение конечных целей правосудия не через реальную защиту прав участников спора, а по внешним признакам соответствия судебных актов нормам писаного материального и процессуального права или, в современной терминологии, — законности.

Применительно к проверочной судебной деятельности это означает необходимость преодоления законности как основного формально-юридического критерия проверки судебных актов, которому отдаётся приоритет перед другими критериями, включая правильность разрешения дела по существу. Не следует забывать, что законное и обоснованное судебное решение может быть несправедливым, что уже само по себе вступает в противоречие с отечественным конституционным подходом о высшей ценности прав и свобод человека.

Справедливость, безусловно, носит нравственный характер, но от этого не является неправовой категорией, не теряет связь с правосудием, олицетворением которой последнее призвано быть. Сам материальный закон имеет давнюю историю закрепления нравственных категорий, используемых при разрешении гражданско-правовых споров, к которым относится добросовестность сторон обязательства, разумная осмотрительность. Это подтверждает длительную интегрированность нравственного критерия в правоотношения и наличие у него правового характера, что позволяет сделать вывод о праве сторон на ожидание от суда не только внешне правового разрешения заявленного спора, соответствующего текущей судебной практике, но и придания результату такого разрешения нравственного характера.

Следует согласиться с мнением о засилии позитивизма и формализма в современном отечественном правоприменении и игнорировании верховенства права¹, которое имеет не только европейско-правовое, но и конституционное закрепление.

¹ Фурсов Д.А. Очерки о личности, государстве, правосудии, или библейские наставления светскому человеку. М., 2013. С. 402.

Наиболее явным проявлением формализма на стадии проверки судебных актов выступает придание основополагающего характера процессуальным обстоятельствам, которые, по мнению законодателя, свидетельствуют о нарушении права на суд. К их числу относятся рассмотрение судом первой инстанции дела в незаконном составе, нарушение правила тайны совещательной комнаты, а также отсутствие протокола судебного заседания.

Если проверочной судебной инстанцией установлена неправомерность решения в целом или в части, неправильность разрешения дела по существу, то установленное нарушение тайны совещания судей выступает лишь сопутствующим обстоятельством, которое может быть отражено в постановлении суда апелляционной или кассационной инстанции. В то же время, правильное по существу судебное решение для предотвращения формализма судопроизводства не должно уничтожаться лишь на основании установленного факта нарушения тайны совещательной комнаты.

Аналогичный подход требуется в отношении такого безусловного основания отмены судебного решения, как его неподписание судьёй или его подписание ненадлежащим судьёй. Данное основание тесно связано с принципом непрерывности судебного разбирательства, который, в свою очередь, направлен на формирование единого представления о рассматриваемом деле у одного состава суда. Один судья или одна коллегия судей должны осуществлять подготовку дела к разбирательству, проводить слушание по делу и принимать решение.

Высокая судебная нагрузка и масштабный документооборот, с которыми с большим трудом справляются суды, неизбежно влекут значительное количество технических ошибок, никак не связанных с нарушением права на суд. К их числу относятся и ошибки в подписях процессуальных документов. Не следует подобные недочёты автоматически относить к признакам нарушения права на суд. Как отсутствие подписи судьи не свидетельствует о его самоустранении от принятия судебного акта, так и подпись ненадлежащего судьи не подтверждает предположение о подмене суда.

Ещё одним проявлением формально-ограничительного подхода, противоречащего, по смыслу идеи раннего К. Маркса, духу общественных отношений, выступает пресловутое разграничение проверочных полномочий между различными судебными инстанциями, которое отражается в основаниях проверки судебных актов. Единая конечная цель судопроизводства и процессуальной формы в лице защиты нарушенного права не может предполагать разных промежуточных целей, которые не только дифференцируются в зависимости от уровня судебного органа, пересматривающего дело, но и предают забвению главное предназначение правосудия. Мнимая

необходимость разграничения пределов проверки постановлений судебными инстанциями как раз и влечёт противоположную ситуацию подчинения спорного материального правоотношения процессуальной форме, при которой лицо, заявляющее компетентному вышестоящему суду о предполагаемой ошибочности решения, остаётся не услышанным ввиду отсутствия компетенции на вмешательство в фактическую и юридическую стороны рассмотренного дела¹.

Материальное правоотношение вопреки естественной природе отношений явлений становится слугой процессуальной формы и в случаях рассмотрения дела в упрощённом порядке, включая приказное производство. Предполагаемую судебную ошибку, допущенную при вынесении судебного приказа, ввиду его мгновенного вступления в силу в ординарном порядке исправить невозможно, а в кассационном порядке крайне затруднительно по причине известных законодательных ограничений проверки судебных актов, принятых в рамках упрощённых процессуальных форм. В этой связи в качестве критерия проверочной судебной деятельности, по К. Марксу, духа отношений, целесообразно рассматривать не факт вступления обжалуемого судебного акта в законную силу, а степень правильности разрешения дела по существу. Урон от неправосудного решения будет гораздо больше, чем бережное отношение к законной силе подобного судебного акта.

Необходимо обратить внимание на то, что одной из закономерностей развития цивилистической процессуальной формы является сменяющее друг друга сокращение и наращивание формально-юридических гарантий права на суд. Первый процесс отечественное судопроизводство испытало в советский период, завершение которого знаменовало собой замену идеологических гарантий процессуальными. Проблемы правотворчества и правоприменения, на которые обращал внимание К. Маркс в своих ранних трудах, остаются чрезвычайно актуальными и сегодня. Очевидным достоинством его ранних работ является подход к правам человека не с позитивистских, а с естественно-правовых позиций, которые, несмотря на своё закрепление в отечественной Конституции и в современный период часто отодвигаются законодателем и судом на второй план по различным причинам субъективного и ситуативного характера. Для решения данной проблемы важно выявить и локализовать все эти обстоятельства, которые являются внешне правомерными, но фактически препятствующими принятию не только законного и обоснованного, но и справедливого судебного решения.

¹ Подобные утверждения особенно часто имеют место в судебных актах кассационных инстанций, отклоняющих доводы кассатора о необоснованности обжалуемого решения.

ФЕНОМЕН «ПРАВА ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ» В ТРУДАХ К. МАРКСА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

М.М. Какителашвили

В силу масштабности, основательности и глубины проработки концепция К. Маркса является основой для формирования современных правовых положений.

Богатство трудов К. Маркса заключается в возможности его интерпретации. Представляется интересным проследить эволюцию взглядов К. Маркса в его ранних работах, посвященных праву, чтобы выявить путь, который привел его к классовой теории.

Как известно, К. Маркс, будучи сыном адвоката, получает в Бонне и Берлине юридическое образование, хотя, по его собственным словам, «занимался юриспруденцией лишь как подчиненной дисциплиной наряду с философией и историей»¹.

Труды по праву свойственны раннему периоду жизни К. Маркса (1841–1848 гг.). Как известно в своих ранних работах К. Маркс воспринимает право в философском аспекте, скорее даже говорит о метафизике права². Будучи приверженцем Гегелевской идеалистической диалектики, он в Кельнской газете пишет: «Государство надо строить на основе Разума и свободы»³.

¹ Маркс К. Биография // Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 2-е изд. М., 1973. С. 35.

² Разумовский И.П. Понятие права у К. Маркса и Ф. Энгельса // Под знаменем марксизма. 1923. № 2–3. С. 68–97.

³ Маркс К, Энгельс Ф. ППС. Т. 1. С. 181.

Поскольку сфера трудов по праву К. Маркса весьма обширна, в рамках настоящей статьи мы остановимся на одном из аспектов в его ранних работах — «праве привилегированных».

Это понятие употребляется, например, в статье «Дебаты по поводу закона о краже дров» — где он критикует закон предусматривающий ответственность за сбор валежника, в «Заметках о новейшей прусской цензурной инструкции», в статье на тему свободы печати «Дебаты шестого рейнского ландтага»¹ и др.

Так, рассуждая в статье «Дебаты шестого рейнского ландтага», К. Маркс приходит к выводу, что ни один человек не борется против свободы, — борется человек, самое большее, против свободы других. Во все времена существовали, таким образом, все виды свободы, но только в одних случаях — как особая привилегия, в других — как всеобщее право.

Вопрос в том, составляет ли свобода печати привилегию отдельных лиц или же она есть привилегия человеческого духа. Вопрос в том, должно ли то, что по отношению к одной стороне есть право, стать бесправием по отношению к другой стороне².

Анализ дебатов по поводу законов о свободе печати, о краже дров, о виноделах и др. привел К. Маркса к выводу о том, что закон не защищает интересы граждан, а способствует укреплению бюрократии; сама же бюрократия обслуживает интересы не общества в целом, а служит частным интересам имущих классов.

Интерпретируем выводы К. Маркса о «праве привилегированных» в контексте современного российского избирательного права.

Нормы российского избирательного законодательства предназначены для всех участников избирательного процесса, но при этом, как нам представляется, законодательство применяется выборочно.

Проиллюстрируем это на следующих примерах.

Так, Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»³ (далее — Закон об основных гарантиях избирательных прав) запрещает изготавливать и распространять экстремистские агитационные материалы.

Общероссийский резонанс имела отмена регистрации списка кандидатов в депутаты политической партии на выборах Калинин-

¹ Труды Маркса К. 1842–1844 // URL: http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_1/p5.php#n_11 (дата обращения: 28 февраля 2018 г.).

² Debatten über Preßfreiheit und Publikation der Landständischen Verhandlungen. Написано К. Марксом в апреле 1842 г., опублик.: «Rheinische Zeitung» № 125, 128, 130, 132, 135 и 139 за 5, 8, 10, 12, 15 и 19 мая 1842 г. Источник: <http://dparchives.narod.ru/marx/tom01.htm> (приводится по: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1).

³ СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

градской областной Думы. Основанием стало «разжигание социальной розни»: партию обвинили в том, что агитационный материал партии «Налеты, обыски, погромы, грабежи» возбуждает ненависть и вражду в отношении определенной социальной группы государственных служащих (а именно сотрудников милиции)¹.

Судя по материалам СМИ и результатам ряда исследований, отношение к сотрудникам этого ведомства, у значительной части населения действительно крайне негативное, и, пожалуй, известное выражение «оборотни в погонах»² в таких условиях может быть признано экстремистским как усиливающим негативное впечатление, а партии, лидеры которых озвучивают такие «журналистские клише», могут быть отстранены от выборов.

Наблюдается неоднозначное понимание, как со стороны избирателей, так и со стороны правоприменителей, термина «социальная рознь». Агитационный материал с жесткой критикой, например, сотрудников милиции, с точки зрения правоохранительных органов является разжиганием социальной розни, а, по мнению многих избирателей, такие призывы экстремистскими не являются.

Само понятие «социальная рознь» в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (п. 1 ст. 1)³, как нам представляется, необходимо изъять из законодательства, поскольку критерии отнесения к той или иной социальной группе весьма размыты. В свою очередь, возникает соблазн у недобросовестных участников избирательного процесса представить, например, лозунги о социальной справедливости, как лозунги, якобы разжигающие социальную ненависть.

Термин «социальная рознь» позволяет представить любое социальное выступление кандидата (политической партии) во время избирательной кампании как экстремистскую деятельность. А это используется на выборах нередко против «нежелательных» кандидатов и политической оппозиции.

¹ См.: Какителашвили М.М. Основания привлечения к правовой ответственности за проявления экстремистской деятельности во время избирательной кампании. Экстремизм социальные, правовые и криминологические проблемы: сб. статей (по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Экстремизм, его причины и проблемы борьбы с ним» 4–5 февраля 2010 г.) / под ред. А.И. Долговой, М., 2010. С. 163–173.

² Оборотни в погонах — название, данное бывшим в то время министром внутренних дел России Борисом Грызловым обвиняемым по громкому делу о коррупции и других преступлениях в органах МЧС РФ и МВД РФ, разбиравшемуся в 2003–2006 годах. Впоследствии термин получил большую известность и распространение в прессе и в обществе. В широком смысле оборотни в погонах — обозначение любых сотрудников правоохранительных органов, под прикрытием своих званий и должностей, превышающих должностные полномочия, совершающих преступления или участвующих в коррупции.

³ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

В связи с этим, возвращаясь к работам К. Маркса, который на примере обсуждения вопроса о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания показал, что ландтаг¹ не имел ничего общего с народным представительством, что он отстаивал сословные привилегии вопреки интересам народа. Пожалуй, тезисы К. Маркса в «Заметках о новейшей прусской цензурной инструкции» и в статье на тему свободы печати «Дебаты шестого рейнского ландтага» остаются актуальными и сейчас.

Российское избирательное законодательство запрещает использовать в агитации материалы с нарушением интеллектуальной собственности.

Кандидата на должность главы городского поселения Щелково сняли с выборов за нарушение интеллектуальной собственности в форме использования на плакате фотографии памятника в виде списанного истребителя МИГ, установленного вблизи поселка Бахчиванджи, одного из микрорайонов Щелково.

Ленинский районный суд Смоленска отменил регистрацию сразу двух кандидатов на должность главы города, которые заказали изготовление агитационных материалов рекламному предприятию, которое, как вдруг выяснилось, использовало в своей деятельности нелегальное программное обеспечение².

Основанием для отмены регистрации кандидатов (списка кандидатов) является совершение правонарушения в сфере финансирования избирательных кампаний (подп. «з», «и» п. 24 ст. 38 Закона об основных гарантиях избирательных прав). И эта норма стала использоваться как средства борьбы с неугодными кандидатами на выборные должности.

Например, на выборах депутатов Государственной Думы РФ по Промышленному одномандатному избирательному округу Самарской области была отменена регистрация кандидата в депутаты за использование без оплаты из избирательного фонда порошка в принтере при распечатке подписных листов и неполной пачки бумаги.

Регистрация кандидата могла быть отменена даже за неоплату стоимости папок типа «скоросшиватель», в которые были сброшюрованы представленные для регистрации подписные листы. Суд вслед за избирательной комиссией полагал, что размер понесенных расходов не имеет значения. Избирательная комиссия требовала от

¹ Ландтаг (нем. Landtag, от Land — земля, страна и Tag — собрание) — парламент земли (земский парламент) в Германии и Австрии.

² Какиелашвили М.М. Некоторые аспекты конституционно-правовой ответственности на выборах за нарушения законодательства об интеллектуальной собственности // Российское право в Интернете. 2009. № 5 (спецвыпуск) // URL: <http://www.rpi.msal.ru/prints/red.html>

кандидатов в депутаты подтверждения приобретения фломастеров, ручек, клея, скрепок¹.

Порой применение норм, на наш взгляд, носило абсурдный характер. Например, основанием для отмены регистрации в качестве кандидата в депутаты Государственной Думы РФ четвертого созыва Ю.И. Скуратова стало то, что он не указал своей научной должности «профессор», написав только, что возглавляет кафедру².

Только решением Европейского Суда по правам человека было установлено, что российские власти допустили нарушение положений ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции (право на свободные выборы) в отношении заявителя Ю.И. Скуратова³.

Подчеркнем, что это не единичные примеры из истории выборов, а характерные примеры выборочного применения норм права.

Нами обосновывался тезис, о том, что система российского избирательного права построена в интересах представителей крупного капитала⁴.

В частности, анализ федеральных законов о выборах депутатов Государственной Думы РФ с первого по седьмой созыв свидетельствует, что законодатель в вопросах финансирования избирательных кампаний отдавал приоритет юридическим лицам, а не гражданам. Так, например, физические лица могли вносить пожертвование в избирательный фонд партии в размере от 0,15% (выборы депутатов Государственной Думы РФ первого созыва) и до 2% (выборы депутатов Государственной Думы РФ седьмого созыва) от предельного размера пожертвования юридического лица.

Рассматривая законы о выборах депутатов Государственной Думы РФ с первого по седьмой созыв, можно проследить как постепенно возрастала доля пожертвований юридических лиц в избирательный фонд кандидата. Так, на выборах в 1993 г. максимальная сумма пожертвований от одного юридического лица составляла всего лишь 1% от предельной суммы избирательного фонда кандидата в депута-

¹ В ранее действовавшем Федеральном законе от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ст. 64) основания для отмены регистрации были сформулированы широко и неконкретно. Колюшин Е.И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений: монография. 2-е изд. М., 2012. С. 114.

² Решение Верховного Суда РФ от 28 ноября 2003 г. № ГКПИ03-1447 «Об удовлетворении заявления об отмене регистрации кандидата Скуратова Ю.И., зарегистрированного по федеральному избирательному округу постановлением ЦИК РФ от 13.10.2003 № 39/380-4 «О регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва, выдвинутого политической партией «Коммунистическая партия Российской Федерации».

³ Постановление ЕСПЧ от 19 июля 2007 г. «Дело «Краснов и Скуратов (Krasnov and Skuratov)» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2008. № 4.

⁴ Какителашвили М.М. Конституционно-правовые проблемы финансирования политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации: монография. М., 2017.

ты, а на выборах в 1995 г. и 1999 г. — 10%. На выборах депутатов Государственной Думы РФ в 2003 г. допускалась возможность наличия пожертвований только двух юридических лиц для формирования всего избирательного фонда кандидата в депутаты. В 2016 г. максимальная сумма пожертвований от одного юридического лица составляет 20%, что позволяет пяти юридическим лицам (например, представителям финансово-промышленных групп) сформировать весь избирательный фонд политической партии.

При этом пожертвования от граждан имеют тенденцию к уменьшению и не оказывают большого влияния на формирование большинства избирательных фондов. Например, в 2008 г. в избирательный фонд В.В. Путина внесли пожертвования 9 человек (менее 2 тыс. руб.)¹.

Законодательство о выборах, принятое рядом субъектов Российской Федерации, допускает возможность наличия пожертвований только двух юридических лиц для формирования всего избирательного фонда кандидата в депутаты регионального парламента или высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (Ставропольский край, Тверская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра).

Проведенный нами анализ финансирования политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации² свидетельствует, что основные жертвователи в избирательные фонды — юридические лица, а не граждане, которые непосредственно голосуют за кандидатов в депутаты.

Пожалуй, было бы наивно полагать, что коммерческие организации (а некоммерческие фактически отстранены от финансирования партий и избирательных кампаний³) просто так будут перечислять сотни миллионов рублей, финансировать политическую партию, не предполагая получить выгоду.

Поэтому победить в предвыборной борьбе возможно только при наличии существенных финансовых ресурсов.

Необходимо создать такие условия финансирования политических партий и избирательных кампаний, при которых бы на индивидуальные взносы не покупалось политическое влияние, создава-

¹ Колюшин Е.И. Избирательные фонды: научно-практическое пособие. М., 2009. С. 36.

² Какителашвили М.М. Прозрачность финансирования политических партий в сфере реализации международных актов по противодействию коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 11. С. 56–60.

³ См. подробнее: Какителашвили М.М. Некоммерческие организации, выполняющие функции иностранного агента, как инструмент «цветных революций» // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 30–33; Какителашвили М.М. К вопросу о деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 3. С. 3–6.

лись бы равные правовые условия для партий и кандидатов с разным уровнем финансовых возможностей, для чего необходимо изменение в соотношении частного и публичных начал при финансировании.

Подводя итог, сделаем ряд выводов.

Пожалуй, нельзя отделять «раннего» К. Маркса, от «позднего», это подобно тому, как искать череп молодого Маркса. Идея классовой борьбы зародилась и созревала в трудах К. Маркса на протяжении всей его жизни и была сформулирована в Манифесте коммунистической партии. Марксистское мировоззрение — это ключ к пониманию современных правоотношений.

ДИНАМИКА ГРАММАТИКИ ПРАВОПОРЯДКА: ОТ РАННЕЙ РАБОТЫ К. МАРКСА «ДЕБАТЫ ПО ПОВОДУ ЗАКОНА О КРАЖЕ ЛЕСА» К НОВОЙ ПОВЕСТКЕ ДНЯ В СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ

Н.А. Колоколов

Уголовная политика

Уголовный закон: «великое лицедейство»¹. Признание того, что: 1) существование общества без политики немислимо; 2) кое-что в формировании этой политики зависит от конкретных управленцев, позволяет сделать вывод: на обозначенную тему все еще есть смысл писать. Одновременно появляется и желание обосновать причину отсутствия в текущий момент российской истории концепции борьбы с преступностью².

---

¹ Здесь и далее, если не указано иное, в кавычках выражения К. Маркса, использованные им в работе «Дебаты по поводу закона о краже леса», опубликованной в переводе на русский язык в 1952 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. М., 1952. Т. 1.

² Отсутствие ясного видения долгосрочных и среднесрочных перспектив развития не исключает наличия политики текущего дня. А.И. Клименко (ныне доктор юридических наук), защищая свою первую, кандидатскую, диссертацию в совете при Московском университете МВД РФ, рассуждения начал с очень смелого утверждения, что «каждому государству присуща идеологическая функция, которую оно осуществляет как явно, так и скрыто». Ниже диссертант «выделил две модели осуществления идеологической функции государства: идеократическую и манипулятивную». «Первую модель он характеризовал опорой на открытую форму использования методов осуществления идеологической функции государства, а вторую размытой, не четко артикулированной (либо вообще официально не признаваемой (а то и отрицаемой) государственной идеологией и опорой на скрытую форму использования методов осуществления идеологической функции государства».

Что же об уголовной политике писал пророк, чей 200-ленин юбилей со дня рождения мы недавно отметили? Общеизвестно, К. Маркс обладал очень бойким пером публициста. Причем в выражениях он не стеснялся (в те годы, несмотря на цензуру, было принято называть вещи своими именами). Так, предваряя анализ алгоритма работы ландтага по поводу принятия закона «О краже леса» (вопрос уголовной политики), К. Маркс квалифицировал работу законодателя не иначе, как «великое лицедейство». При этом автор без всякого стеснения указывает, что региональный орган законодательной власти сначала «впал в смуту в вопросе о свободе печати», а затем в «несвободу, в которую он впал в вопросе о смуте». Данные характеристики позволяют современному читателю задать вопросы: а в своем ли уме законотворцы «в мировом масштабе», каков вообще уровень их квалификации?

Ниже К. Маркс предлагает «читателям несколько жанровых картинок, в которых многообразно отразится дух и, мы сказали бы даже, подлинная природа ландтага» — то есть работа критикуемого законодателя. Думается, ключевое слово в последнем предложении — «природа», точнее природа законотворчества вообще¹. Опираясь на зарисовки классика, попробуем проследить: изменилась ли эта природа спустя два века, а если да, то насколько проведенная годами прогресс-селекция в сфере нормотворчества оказалась удачной.

Обращает на себя внимание тот факт, что К. Маркс смело берет за критику законопроекта, даже не имея на руках текста документа, чтобы «разгромить» законодателя ему достаточно всего лишь некоторых опорных сигналов, о чем он честно сообщает в начале своей статьи («Наш материал ограничивается несколькими, только частично намеченными ландтагом и его комиссией, дополнениями к законам, фигурирующим лишь в виде номеров параграфов. Самые дебаты ландтага изложены так убого, так бессвязно и апокрифически, что изложение походит на мистификацию»).

Итак, «ландтаг выступает наряду с государственным законодателем — в качестве дополнительного законодателя». К. Маркс предлагает «проследить на конкретном примере его (по В.М. Баранову) норморайтерские способности».

¹ И по Ч. Дарвину, и по К. Марксу: любая политика в основе своей предопределена природой. От человека в политике зависит немного, если, действительно, что-то принципиальное вообще зависит. Впрочем, политику воспринимают еще и как искусство государственного управления. Думается, что в данном случае люди себе очень сильно льстят. Конечно, от определенных личностей, их «команд» (таких как РСДРП(б), ВКП (б), КПСС), элит в целом, представляемых ими классов, порой зависит многое, так, по крайней мере, на первый взгляд, кажется людям, или им хочется в это верить.

«Кража леса» или «нарушение лесных правил»? Приступая к дебатам, «депутат от городов выступил против распространения категории «кража» на простое «нарушение лесных правил». Ясное дело, легко быть демократом, если борьба с «черными лесорубами» для вас не актуальна. «Депутат от дворянства» (потенциальный представитель владельцев леса) — тоже судя по всему демократ, ему вторит: «Хищение леса не считается кражей, так как оно случается так часто». Действительно: так на каждого покинувшего лес с вязанкой хвороста придется вешать ярлык — «вор».

«Другой депутат от дворянства» находит, что «избегать слова «кража» ещё рискованней, ибо те, кому станет известна дискуссия по поводу этого слова, легко могут подумать, будто и ландтаг не считает хищение леса кражей», в то время как чужое брать нехорошо, даже если это вязанка хвороста.

По мнению К. Маркса: «Ландтаг должен решить, считает ли он нарушение лесных правил кражей. Но если бы ландтаг не объявил нарушение лесных правил кражей, то люди могли бы подумать, что он действительно не считает подобное нарушение кражей». Предполагаемый вывод, который делают законодатели: «лучше всего не затрагивать этот щекотливый, спорный вопрос (о краже)», ибо «речь идёт об эвфемизме, а эвфемизмов следует избегать».

«Лесовладелец затыкает рот законодателю, так как и стены имеют уши». Этот депутат идёт ещё дальше. Он квалифицирует «анализ выражения «кража» как «неподобающее для пленарного заседания занятие редакционными поправками». Результат: вотировано название закона, «превращающее гражданина в вора», что «объявляется простой редакционной небрежностью», теперь все «само собой» понятно, даже хищение валежника или собирание хвороста подводится под понятие кражи и наказывается так же, как порубка леса».

Анализируя вышеприведенные рассуждения, К. Маркс пишет, что при таких обстоятельствах «наказание за содеянное может дойти до продолжительного тюремного заключения, что толкнёт на путь преступления таких людей, которые вообще ещё не отклонились от честного пути. Это произойдёт от того, что в тюрьме они окажутся вместе с профессиональными ворами; поэтому собирание (хищение) сухого валежника должно наказываться только в обычном полицейском порядке».

«Другой депутат от городов» глубокомысленно замечает: люди «делают насечки на молодых деревьях («черные лесорубы» — Н. Колоколов), а потом, когда они от этого портятся, их рассматривают как валежник». На что классик со свойственным ему размахом во-

прошает: «побеждают деревянные идолы, а приносятся в жертву люди!»

Иронизируя по поводу квалификации отдельных депутатов, К. Маркс отмечает: «Собирание валежника и самая сложная по своим формам кража леса! В обоих случаях — один общий признак: присвоение чужого леса. Значит, и то и другое — кража. К этому сводится дальновидная логика наших законодателей».

В подтверждение своих слов К. Маркс цитирует имеющее большую юридическую силу карательное уголовное уложение, которое относит к краже леса только хищение срубленных деревьев и самовольную порубку леса. Там говорится: «Если же кто-нибудь днём собирает ягоды для еды и, унося их, причиняет этим небольшой убыток, то он, в зависимости от своего положения и от обстоятельств дела, должен наказываться в гражданском (следовательно, не в уголовном) порядке».

«Порубщик леса самовольно выносит приговор над собственностью. Собиратель же валежника лишь приводит в исполнение приговор, вытекающий из самой природы собственности, ибо собственник леса владеет ведь только самим деревом, а дерево уже не владеет упавшими с него ветвями».

Следовательно, собирание валежника и кража леса — это существенно различные вещи. Различны объекты, не менее различны и действия, направленные на эти объекты, следовательно, различны должны быть и намерения, ибо какое же объективное мерило можем мы приложить к намерению, помимо содержания действия и его формы?

Современный читатель видит, как в региональных рамках (не рейхстаг, а всего лишь ландтаг) законодатели беспомощно селятся отделить преступное от непроступного, «блуждают в трех соснах» в попытках отделить сухостой от живых деревьев, барахтаются в юридической терминологии. С тех пор прошло два века, что изменилось?

Наша точка зрения. Не может быть преступлением массовое поведение — в наши дни это азбука современной криминологии, ибо число правонарушителей легко превысит количество сотрудников правоохраны. Не случайно, в конце «советского периода» рабочих, выносящих по частям телевизор «Рубин» или даже автомобиль «Жигули», публицисты стыдливо именовали не «ворами» (термин «мелкое хищение» из советского, а равно постсоветского правового лексикона никогда не изымался), а всего лишь ласково «несунами».

«Эта проблема столь органично влилась в психику советского человека, что осуждать «несунов» в нормальном разговоре (не для

отчета и не для публики) считается неприличным. Любая попытка усилить реакцию общественности на такого рода правонарушения и придать ей хотя бы несколько негативную окраску вызывала воспоминания о сталинских репрессиях»¹.

Как видим, проблема «соотношения правонарушения, его тяжести и распространенности», выявленная К. Марксом в одной из своих ранних работ, окажется проблемной и в последующее время².

Новации и инновации. Вся история публичного уголовного и уголовно-процессуального права — история новаций и инноваций. Итог их развития во многом печален, ибо поставленные цели в уголовной и уголовно-процессуальной политике практически никогда полностью достигнуты не были.

Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения — это присущее биологической и социальной природе человека необходимое условие функционирования политического общества, средство всеобщей связи (коммуникации) между людьми в их целедостижении, «символический посредник», обеспечивающий выполнение взаимных обязательств. Уголовное право и уголовный процесс — ресурс, который необходим народу, нации, политическому обществу для осуществления определенных целенаправленных действий правительства. Как и власть вообще, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения включают директивный, технологический и коммуникативный аспекты.

Главным назначением уголовного права и процесса является разрешение политических, социальных, экономических и прочих видов конфликтов. Данные отрасли права обладают рядом существенных характеристик: они реальны, обладают всеми видовыми, родовыми признаками и чертами, свойственными любым иным отраслям права; как любое иное социальное явление уголовное право и процесс существуют только в динамике.

Инновации в уголовном праве и процессе — нововведения, внедрённые новшества в уголовном судопроизводстве, обеспечивающие качественный рост его эффективности, востребованные обществом.

¹ Назарова Л.Л., Романовская В.Б. Причина административных правонарушений: применительно к проблеме мелких хищений // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: «Право». 2000. № 1. С. 152–161.

² Вспомним, например, постановления ЦИК и СНК Союза ССР 1935 года: от 7 апреля «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних», которым вводилась уголовная ответственность для детей с 12 лет, и от 7 августа «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» (известен, как указ «7–8», «закон о трех колосках»), кумулятивный эффект которых — детей можно расстреливать даже за мелкое хищение. Например, 9 декабря 1937 г. был расстрелян Миша Шамолин, укравший несколько буханок хлеба. После изучения практики применения данных актов Генеральный прокурор РФ А.Я. Вышинский доложил И.В. Сталину: «Проверили 115 тыс. уголовных дел, в 91 тыс. случаев применение нормы уголовного права было расценено, как вредительское, от наказания освобождено 37.425 человек, находившихся в заключении».

В таком смысле инновации в уголовном праве и процессе — конечный результат интеллектуальной деятельности человека. Пример таких инноваций — генезис норм и технологий, гарантирующих качественное (резкое) повышение эффективности такого вида индустрии, как борьба с преступностью.

Инновации в уголовном праве и процессе — введённый в употребление новый или значительно улучшенный продукт (норма, закон) или новый организационный метод (технология) в деловой практике, во внешних связях.

Инновация в уголовном праве и процессе — это не всякое изменение в УК или УПК, а только такое, которое серьёзно повышает его эффективность.

Инновация в уголовно-правовой и уголовно-процессуальной науке — это результат инвестирования интеллектуального решения в разработку и получение нового знания, ранее не применявшиеся идеи по обновлению сфер правопонимания и правоприменения (организационные формы существования социума, информатизация) и последующий процесс внедрения этого (уголовное судопроизводство, пенитенциарное производство), с фиксированным получением дополнительной ценности (коренное улучшение, качественное превосходство, прогресс).

Для инновации характерна стратегия футуродизайна — «обгонять, не догоняя», инновация в таком случае — источник новых брендов, например, «тотальная декриминализация», «судебный штраф», «сделка с правосудием». История уголовного права и процесса — история инноваций.

С некоторых пор с природой мы уже не боремся, учимся с нею сосуществовать. Мы сами, а вместе с нами и преступность — природа! Будем надеяться, что преступность — последний фронт нашей борьбы с природой.

Под гнетом неопровержимых доказательств в последние десятилетия мировая криминология отошла от концепции, согласно которой преступность есть что-то ненормальное, аномальное, девиантное.

«Пилите, Шура, пилите...». Это слова из модного в советский период произведения И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», стали крылатыми, их суть: мы (элита) знаем, что начатое дело — безнадёжно, признаться в этом — значит погибнуть. В таких условиях элита предпочитает ничего не менять. Применительно к уголовному праву и процессу это звучит так: потерпевшие — пишите заявления, работники уголовного розыска — ищите преступников, следовательно — прилежно оформляйте бумаги по делам без лиц, именуемых «сухарями».

Определенные виды преступности выгодны как отдельным слоям (порой весьма значительным) населения планеты, так и целым государствам, более того, наличие преступности, в свою очередь, выгодно лицам, позиционирующим себя в качестве борцов с преступностью. Преступники — «плохие парни», мы их уничтожаем, мы — герои. Нет плохих парней, придумаем, убедим в их наличии общество, заручимся его поддержкой, в первую очередь, финансовой.

Глупо отрицать, что некоторые преступления совершаются исключительно лицами, не совсем психически и социально здоровыми. Люди с психическими отклонениями — такая же неизбежность, как люди без них.

В этой связи проблема борьбы с преступностью из плоскости тотальной войны с неким, преимущественно воображаемым противником незаметно переходит в плоскость клеймения отдельных членов общества ярлыком «преступник» и определения мощностей борющихся с ними инстанций.

Анализ таких двух сообщающихся сосудов, как «общество свободное» и «общество, пребывающее в местах лишения свободы», показывает, что лица, отвечающие за «перетекание» членов общества из одной емкости в другую, живут в плену иллюзий, они не свободны в своих решениях, ибо находятся под сильным и эффективным давлением «правоохранителей». А еще: тюрьма — это большие деньги; для оживления процессов управления нужен враг в собственном доме.

Правители, а в демократических странах — политики всегда пытаются создать впечатление, что перед ними стоят рациональные задачи и утилитарность мышления важна и необходима. Преступление — абстрактное понятие. Большинство сидит за незначительные преступления.

Борьба с терроризмом, которую возглавляют США, — прекрасная иллюстрация того, как опасно отвечать на зло злом. Карательные меры не уменьшают терроризм, а наоборот, провоцируют его дальнейшее развитие.

Текущий период борьбы с преступностью. 17 февраля 2016 г. Папа Римский, выступая в Мексике, констатировал: «Мы потеряли несколько десятилетий в надежде, что удастся спрятаться за тюремными стенами». Как видим, современное общество о нравственности наказания «уже не бредит», оно — «страус, прячущий голову в песок».

Сначала о целях наказания писали современники Маркса в XIX в.¹ «Тюремный вопрос — один из самых жгучих в настоящее время»². Наказание — зло, страдание, которое государство причиняет пре-

¹ Aschrott P.S. Strafsystemen und Gefengniswesen in England. Berlin u. Leipzig, 1888.

² Слизберг Г. Тюрьма в Англии // Юридический вестник. 1888. С. 104. Январь.

ступнику. Цель — абсолютная идея возмездия (Кант), отрицание отрицания преступления (Гегель), восстановление гармонии (Герbart), охрана правопорядка государством. Итак, цели современникам К. Маркса были ясны. Как их достичь? В XIX веке считалось, что цели могут быть достигнуты путем устрашения, исправления, а равно с помощью простого физического изъятия преступника из общества (навсегда — смертная казнь, на время — лишение свободы). Уже тогда смертная казнь расценивалась как эксцесс явно негуманный, за идеал принималось лишение свободы. Мыслители озаботились проблемой, как совместить грубую физическую силу (насильственное помещение в тюрьму) с перспективами перевоспитания и исправления заключенного.

Теперь возьмем, например, такие категории в современном российском уголовном праве, как цель наказания и его размер. С советских времен мы преступника все «исправляем, да перевоспитываем», при этом безоговорочно уверены в том, что уголовный закон позволяет суду назначить наказание предельно конкретно и точно, строго такое, чтобы преступник исправился и перевоспитался. Базируясь на данных искусственных, выведенных исключительно на кончике пера тезисах, теоретики защитили не одну сотню диссертаций.

Между прочим, например, Г. Фристер («Уголовное право Германии. Общая часть») четко признается, что цели наказания до конца ему не ясны, уголовное наказание может быть лишь приблизительным, в силу данного обстоятельства оно нуждается в коррекции. Аналогичные мысли мы обнаружим у его земляков Г.И. Шнайдера и Г. Верле, американцев, писавших о криминологии под ред. Д.Ф. Шели. И это действительно так, об этом вам поведаст любой судья, которому приходилось назначать уголовное наказание, а тем более судьи, которые, сидя в «высоких кабинетах», видят не то, что противоречия, несуразности в применении уголовного закона, когда люди пытаются «замотивировать» законность, обоснованность и справедливость ими не понятого и от них независящего.

В рамках Международной научно-практической межведомственной конференции «Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики» (Самара, Самарский юридический институт ФСИН, 16–17 июня 2016 г.) директор Национальной административной пенитенциарной школы Франции Софии Блэз, отвечая на вопросы российских коллег о целях содержания осужденных в местах лишения свободы, честно призналась: перед сотрудниками пенитенциарной системы ее страны вопрос исправления и перевоспитания преступников не стоит. Свою задачу сотрудники этой системы видят только в обеспечении физического содержания заключенных.

Как видим, на текущий момент времени, максимум, на что способны правоохранительные системы государств — «взять в плен» некоторое количество представителей преступного мира, удержав тем самым основную массу этих «пленных» от совершения некой совокупности преступлений.

Впрочем, преступник он и в тюрьме — преступник. Свидетельство тому, пусть редкие, приговоры, из содержания которых следует, что лица отбывающие наказание, успешно руководят преступными сообществами, как в местах лишения свободы, так и вне их. Например, с помощью мобильного телефона осужденные обманывают граждан «за периметром», которые перечисляют деньги их сообщникам. Апофеоз: лицо, содержащееся в ИК, представляясь по телефону руководителем регионального управления СК РФ, успешно вымогало деньги у глав органов местного самоуправления. Как в таких условиях мошеннику не быть мошенником, если патерналистски настроенное общество настолько виктимно, что буквально созрело (как в целом, так и в рамках каждой отдельной личности) для того, чтобы стать жертвой проходимца.

Может ли в таких условиях идти речь о комплексной, проработанной в мельчайших деталях официальной уголовной политике? Очевидно, что полная открытость по данному вопросу — маловероятна, уголовная политика всегда есть, однако, она, как правило, осуществляется скрытно.

При отсутствии концепции устойчивого развития, ясной теории согласия и конфликта, теории равновесия, теории катастроф и теории экономических циклов многие¹ сознательно уклоняются от построения идеальных моделей юстиции, поскольку разделяют убеждение С. Капицы о том, что при «стремительном развитии все время увеличиваются социальные и экономические градиенты, поскольку нет времени на установление равновесия»².

Если официально уголовной и уголовно-процессуальной политики нет, то что же будет предметом нашего анализа? Ответ прост: практика и только практика, кропотливое обобщение которой, надеемся, позволяет автору не только выделить и описать отдельные тенденции в отечественной уголовной и уголовно-процессуальной политике — общее, но и отбросить ее гримасы — частное.

Уголовная политика: загадочная очевидность³. В заголовок одного интервью с заместителем Председателя Верховного Суда РФ, председателем Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда

¹ См., например: Алексеевская Е.И. Законы развития судебной системы. М., 2016.

² Капица С. Парадоксы роста: Законы развития человечества. М., 2010. С. 95.

³ См. об этом подробнее: Колоколов Н.А. Уголовная политика: загадочная очевидность. М., 2014.

РФ В.А. Давыдовым вынесены его слова: «Очевидно, что каждое уголовное дело в интересах правосудия должно быть расследовано всесторонне, полно и объективно»¹. Золотые слова, бесспорное требование, предъявляемое обществом к органам уголовной юстиции, в первую очередь, судам. Ниже В.А. Давыдов говорит о несовершенстве уголовного и уголовно-процессуального законодательства, необходимости разработки Концепции уголовной политики, в которой будут сформулированы основные направления уголовной юстиции на среднесрочную перспективу².

Аналогичны и рассуждения первого заместителя председателя Комитета Совета Федерации конституционному законодательству и государственному строительству, заведующего кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета СПбГУ А.И. Александрова, утверждающего, что «нельзя говорить о кодексах без концепции»³.

А.И. Александров известен читателю по книгам, посвященным уголовной политике, например «Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности». Предисловие к данной книге написано самим В.Н. Кудрявцевым, который в своей книге «Стратегии борьбы с преступностью» сделал ряд выводов, которые, по нашему мнению, поняты и восприняты далеко не всеми отечественными специалистами.

Во-первых, борьба с преступностью, как лечение от хронической болезни, — цель государства, однако в его жизни (как и лечение от хронической болезни в жизни человека) далеко не единственная, в лучшем случае, в отдельные периоды, приоритетная.

Во-вторых, перспективы исправления преступников весьма туманны, если уж и совсем не эфемерны, слово «исправление» в сочетании со словом «наказание» создает лишь видимость причинной связи между ними⁴.

Президент РФ В.В. Путин в своем ежегодном послании, адресованном Федеральному собранию РФ (3 декабря 2015 г.) в части определения объемов и направленности уголовной и уголовно-процессуальной репрессии был весьма конкретен. «Сегодня практически каждое второе уголовное дело, дошедшее до суда, связано с мелкими, незначительными преступлениями, а люди, в том числе совсем молодые, попадают в места лишения свободы, в тюрьму. Пребывание

¹ Давыдов В.А. Очевидно, что каждое уголовное дело в интересах правосудия должно быть расследования всесторонне, полно и объективно // Уголовный процесс. 2016. № 7. С. 22.

² Давыдов В.А. Очевидно, что каждое уголовное дело в интересах правосудия должно быть расследования всесторонне, полно и объективно // Уголовный процесс. 2016. № 7. С. 23.

³ Александров А.И. Нельзя говорить о кодексах без концепции // Закон. 2015. № 8. С. 8.

⁴ Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 50, 205–206.

там, сама судимость, как правило, негативно сказываются на их дальнейшей судьбе и нередко приводят к последующим преступлениям».

В этой связи В.В. Путин просил Государственную Думу поддерживать предложения Верховного Суда РФ о декриминализации ряда статей УК РФ и перевести преступления, не представляющие большой общественной опасности, в разряд административных правонарушений, но с принципиальной оговоркой: повторное совершение проступка должно квалифицироваться уже как уголовное деяние (должное)¹.

Предложение Президента РФ ставит под сомнение уголовно-правовую концепцию, согласно которой любая сумма правонарушений (количество), за которые лицо может быть наказано по КоАП РФ (например, за сбор валежника) никогда не образует нового качества — преступления, караемого по УК РФ (Незаконная рубка лесных насаждений, ст. 260 УК РФ). Согласно вышеприведенному предложению рядовое правонарушение отныне — потенциальный (согласно конкретным нормам уголовного закона обязательный) элемент состава преступления (должное)².

В условиях культуры недоверия к судьбе-чиновнику интересно и предложение Президента о повышении независимости и объективности судебного процесса, рекомендовано укрепить роль института присяжных заседателей, расширить число составов преступлений, которые они могут рассматривать. Данная проблема уже была предметом и нашего анализа³.

С учётом того, что коллегию из 12 человек сформировать сложно, стоит это немало, В.В. Путин предложил подумать о сокращении числа присяжных до 5–7 человек. При этом, по его мнению, следует обязательно сохранить полную автономию и самостоятельность самих присяжных при принятии решений. Вариант — апробированный в ряде государств, но проблема скорее психологическая, соци-

¹ Как-то проф. П.А. Скобликов попытался заглянуть на кухню, на повара которой готовят уголовно-правовые и уголовно-процессуальные блюда (законопроекты). Названное Президентом РФ предложение им поименовано, как «неожиданная инициатива судебного ведомства». См. подробнее: Скобликов П.А. Законодательная инициатива Верховного Суда РФ: еще ближе к «гуманности», еще дальше от справедливости // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4. С. 53–63. Впрочем, автор и мы с ним не знаем, чья персонально была эта идея. Это к вопросу и секретности в уголовной политике.

² Данный институт хорошо известен уголовному (карательному, штрафному) праву многих государств. Был он известен и УК РСФСР, жизнь заставила ввести его и в УК РФ. Так, 21 июля 2014 г. согласно Федеральному закону № 258 в действующем УК появилась ст. 212.1 (Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования), а 31 декабря 2014 г. УК РФ был уже дополнен ст. 264.1 «Нарушение ПДД лицом, подвергнутым административному наказанию» (ФЗ-528).

³ Колоколов Н.А. Будущее суда присяжных в России: Президент РФ — спросил, общество ответило // Уголовное судопроизводство. 2016. № 2. С. 3–9.

альная, ибо речь идет об уменьшении базы народного представительства.

С 3 июля 2016 г. в уголовном законе появились, например, составы: «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию» (ст. 116.1 УК РФ);

«Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию» (ст. 158.1 УК РФ).

Соответствующие изменения, содержащие отсылку к предыдущему решению по делу об административном правонарушении, были также внесены в ст. 157 УК РФ (Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей).

С 1 июля 2018 г. согласно ч. 2 ст. 30 УПК РФ состав суда формируется из судьи верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда и коллегии из *восьми присяжных заседателей* (спорное); по ходатайству обвиняемого рассматриваются уголовные дела о преступлениях, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ, за исключением уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 1 ст. 212, ст. 275, 276, 278, 279, 281 УК РФ.

Районный суд опять стал народным (должное)! В силу п. 2.1 этой же части ст. 30 УПК РФ судья районного суда, гарнизонного военного суда и коллегия из *шести присяжных заседателей* по ходатайству обвиняемого рассматривают уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 105, ч. 5 ст. 228.1, ч. 4 ст. 229, ст. 277, 295, 317 и 357 УК РФ, по которым в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь в соответствии с положениями ч. 4 ст. 66 и ч. 4 ст. 78 УК РФ, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 105 и ч. 4 ст. 111 УК РФ, за исключением уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет.

Председатель столичного городского суда О.А. Егорова в своем интервью газете «Коммерсантъ» от 18 июня 2018 г. заявила: «Москва (на районном уровне) готова работать с присяжными прямо сейчас. И первое такое дело уже поступило в Черемушкинский суд. Это уголовное дело по обвинению в убийстве». К концу года можно ожидать вступившие в законную силу приговоры, постановленные «судьями с улицы» районного масштаба (это будет реальное).

Но вернемся к анализу названного выше послания Президента РФ. В.В. Путин высказал озабоченность: «предприниматели не видят качественных подвижек в деятельности контрольных и надзорных ведомств. При этом глава государства рассказал о следующих наблю-

дениях. За 2014 год следственными органами возбуждено почти 200 000 уголовных дел по так называемым экономическим составам. До суда дошли 46 000, ещё 15 000 дел развалилось в суде. Приговором закончились лишь 15% дел. При этом абсолютное большинство — 83% обвиняемых, на которых были заведены уголовные дела, полностью или частично потеряли бизнес. То есть их попрессовали, обобрали и отпустили (реальное). Это прямое разрушение делового климата. Я прошу следственные органы и прокуратуру обратить на это особое внимание».

Хватит ущемлять интересы бизнеса, сказано давно, а ведь продолжают ущемлять¹. Бизнес люди потеряли? Плохо! Еще хуже, что уничтожение бизнеса = уничтожению рабочих мест. К сожалению, правоохранители слышать об этом не хотят: у них свои конкретные цели, далеко не всегда имеющие общее с народно-хозяйственными задачами.

«В ходе следствия по экономическим составам помещение под стражу нужно использовать как крайнюю меру, применять залог, подписку о невыезде, домашний арест². Подчеркну, роль правоохранительной, судебной системы состоит в том, чтобы оградить экономику, граждан от мошенничества и преступников и защитить права, собственность, достоинство всех, кто соблюдает закон, честно ведёт своё дело» (В.В. Путин).

Чего же тогда не хватает? На текущий момент времени нет определенности даже по самым элементарным вопросам. В частности, нет четкого ответа на главный вопрос: как уголовный запрет и уголовное судопроизводство в реальной жизни соотносятся с прочими нормами о правонарушении и процедурами о назначении наказания? Очевидно, что в современной России, как и в иных государствах, реально существуют несколько видов производств, цель которых: разобраться с обстоятельствами правонарушения, определить вину конкретных лиц и с учетом полученных результатов разрешить вопрос о назначении наказаний. Правонарушения в таком случае де-

¹ Колоколов Н.А. Вот тебе, предприниматель, новый закон, вот тебе и амнистия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 2 (13). С. 75–87; Его же. Не жди, бизнес, прощения... // Корпоративный юрист предприятия. Практикум. 2014. № 2. С. 8–15; Его же. Взятка или искренняя благодарность? // Корпоративный юрист. Практикум. 2014. № 3. С. 46–49; Его же. Под стражу без оснований // Корпоративный юрист. Практикум. 2014. № 12. С. 54–60; Его же. Одиннадцать месяцев под стражей в ожидании прекращения дела. Незаконное уголовное преследование группы предпринимателей в призме внесения Общественной палаты Российской Федерации // Юридический мир. 2015. № 2. С. 19–22; Его же. Может ли арбитражный суд стать механизмом мошенничества // Уголовный процесс. 2015. № 1. С. 39–43; Его же. Какие ошибки при квалификации мошенничества пропускают прокуратура и суды // Уголовный процесс. 2015. № 3. С. 38–47; Его же. Обвинительный уклон в следственной и судебной практике // Уголовный процесс. 2015. № 9. С. 76–81.

² См. об этом: Колоколов Н.А. Механизм избрания меры пресечения нуждается в коренной модернизации // Уголовный процесс. 2014. № 8. С. 28–38.

лятся на преступления, по старинке определяемые у нас как уголовные, и правонарушения, с некоторых пор квалифицируемые как административные. Множится число тех, кто данную двухступенчатую иерархию пытается усложнить, добавить между уголовным преступлением и административным правонарушением еще и уголовный проступок, которому Пленум Верховного Суда РФ уже и место нашел в УК РФ¹.

Время покажет, что именно будет. Появиться же может все, что угодно. Например, вопреки всем ранее существовавшим учениям, появился «судебный штраф» (ст. 104.4 УК РФ). Теперь он реально применяется судами наряду с «просто штрафом» (ст. 46 УК РФ), теми же судами назначаемым по правилам УК РФ и УПК РФ, и «административным штрафом» (ст. 3.5 КоАП РФ).

Новое общее правило. Лицо, в отношении которого назначено уже не уголовное наказание, а просто денежное взыскание, — судебный штраф², одновременно освобождается от уголовной ответственности, то есть с этого момента оно уже — не преступник. Если такое лицо вовремя заплатит штраф, то оно так и останется персоной, выпавшей из традиционной классификации виновных в совершении правонарушений.

Исключение из общего правила. Если же штраф им уплачен не будет, то виновная персона автоматически возвращается в число преступников. Витиевато, насколько научно — судить читателю.

Как видим, наличие клейма «преступник» законодатель связывает не только с криминальным, но и посткриминальным поведением виновного. «Достал» деньги на штраф — клейма «судимый» ставить не будем, не нашел денег — клеймим на всю оставшуюся жизнь! Такой уголовно-правовой расклад полностью опрокидывает базу рассуждений периода социализма, которому было свойственно равенство всех в бедности. Денег у людей не было (не должно было быть), преступление отработывали «на лесоповале» и великих стройках коммунизма.

И ещё одна тема. В 2015 году было объявлено об «амнистии капиталов», возвращающихся в Россию (должное). Между тем бизнес пока не спешит воспользоваться этой возможностью, предложенная процедура сложна, да и гарантий недостаточно (реальное). Мы сле-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка».

² Напомним: классический штраф согласно УК РФ — тоже денежное взыскание (ч. 1 ст. 48 УК РФ), как и штраф судебный (ст. 104.4 УК РФ), назначается в соответствии с требованиями УК РФ.

дим и за дискуссиями, которые идут сейчас в обществе по этому поводу, и за теми предложениями, которые напрашиваются¹.

Развитие «коммунистических» идей противостояния преступности столкнулось с честным концептом позднего академика В.Н. Кудрявцева: «Многие полезные и, вероятно, эффективные меры борьбы с преступностью, предлагаемые правоохранительными органами или общественностью, не могут быть приняты и реализованы, ибо есть более важные национальные интересы»². Сказанное позволяет подкрепить наше суждение о том, что преступность предопределена природой человека, весьма актуальным тезисом: борьба с нею — дело далеко не самое важное. В результате этого мы имеем: недовольный любым уровнем преступности социум — жалуется, государственный аппарат — обещает ее побороть, заведомо зная при этом, что уничтожение преступности — задача невыполнимая.

Прерогативы современного государства в посткриминальной ситуации, когда преступление совершено и права потерпевших попораны, весьма скромны. Оно может виновного:

- «уничтожить» — казнить;
- «пленить» — лишить на время свободы;
- «наказать рублем» — приговорить к штрафу в пользу казны, забрать деньги, имущество;
- «заставить работать» (уголовное рабство³).

Как видим, об инновациях (принципиальных изменениях в уголовной сфере) говорить не приходится.

Начнем с того, что *смертная казнь* — *уничтожение*, специально подчеркнем, тела, а не духа. С некоторых пор от уничтожения преступников в более или менее значимых масштабах, чтобы это могло заметно сказаться на уровне преступности, общество отказалось⁴.

Смертная казнь, точнее расправа с телом, может существовать и в скрытых формах. Опасных преступников можно уничтожить в момент задержания, криминологии известны также: 1) «эскадроны смерти»; 2) поручение «хорошим преступникам» умерщвления «плохих преступников».

¹ См. об этом: Колоколов Н.А. Амнистия капиталов // ЭЖ-Юрист. 2015. № 21. С. 4.

² Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 50.

³ Термин «уголовное рабство» (Penal servitude) появился во времена К. Маркса, он был введен законом 1853, когда осужденных перестали в массовом порядке «ссылать» на каторгу в далекие колонии, найдя им тяжелую физическую работу в метрополии. См. подробнее: Слизберг Г. Тюрьма в Англии // Юридический вестник. 1888. С. 107–117. Январь.

⁴ Мнение относительно смертной казни мною высказано ранее. Суть позиции: мало опасных преступников, есть деньги на то, чтобы «возиться» с неисправимыми, достаточно и пожизненного заключения. Много опасных преступников, нет средств на их «гуманную утилизацию» — альтернативы смертной казни нет. Колоколов Н.А. Смертная казнь глазами судьи // Российская юстиция. 1998. № 7. С. 26–27.

Жалея убийцу, мы, зачастую, не жалеем будущих жертв. Осенью 1996 года мне довелось рассматривать уголовное дело в отношении М. (1925 г. рождения), дважды, в 1955 и 1965 гг., осуждавшегося к высшей мере наказания (расстрелу) за убийство. И оба раза, так тогда было принято писать, «В.М.Н.» ему заменялась на «максимум» по статье умышленное убийство. Первый раз — 10 лет лишения свободы, второй раз (с учетом неоднократности) — 15 лет лишения свободы. Итог — 25 лет лишения свободы в местах лишения свободы. В 1996 году М. уже в третий раз посягнул на жизнь человека. Очевидно, что расстрел в М. в 1955 г. спас был потерпевших в 1965 и 1996 гг.¹

В наши дни рассуждения о возобновлении применения такого вида наказания, как смертная казнь, — демагогия. Я всегда спрашиваю сторонников этой идеи: «Сколько человек в год предлагаете расстреливать?» Если учесть, что к пожизненному лишению свободы ежегодно приговаривается менее 100 человек, то смертная казнь — экзотика². Речь может идти максимум о казни 10–15 человек в год. Любой криминолог скажет: преступность этого «булавочного укола» не заметит.

Слышатся голоса: в некоторых «цивилизованных», «демократических» странах традиционно наиболее опасных, одиозных преступников казнят. Называют, например, Японию (по численности населения она соизмерима с Россией). Да, смертная казнь в этой стране применяется. Но только в отношении одного-двух осужденных, да и то, не каждый год.

Лишение свободы: долго терзаем тело, зато закаляем душу

Лишение свободы, то есть плен: долго терзаем тело, одновременно закаляем преступную душу. Осужденные к лишению свободы на определенный срок рано или поздно колонию покинут, треть из них вновь совершит преступления, в том числе убийства. Не будем забывать: карьеру делают не только на свободе, но и в тюрьме. Тюремное население и, скажем так, «большое общество» суть сообщающиеся сосуды.

Две трети отбывших наказание рецидива избегут, выберут иной жизненный путь, среди них найдутся и помудревшие. Тюрьма — университет для очень многих.

Штраф: бедному не страшен

Конфуцию приписывают слова: в темной комнате нельзя найти черную кошку, если ее там нет. Штраф, не обеспеченный активами

¹ Колоколов Н.А. Феномен справедливости в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2008. № 12. С. 3–13.

² Колоколов Н.А. Экзотика? // ЭЖ-Юрист. 2013. № 32. С. 5.

осужденного, — величина, стремящаяся к «0», обсуждать перспективы его взыскания бессмысленно.

Принудительный труд (рабство)

Может быть: заставить преступников работать? Принудительный труд в отдельные годы прошлого столетия был даже эффективен (сталинские исправительно-трудовые лагеря, трудовые лагеря в гитлеровской Германии). Впрочем, авторы данной доисторической идеи забыли курс истории за 5-й класс: рабский труд непроизводителен. Современная элита в обществе сравнительного изобилия не в состоянии обеспечить рабочими местами свободных и добровольно желающих трудиться.

Запрет на личную жизнь

Данное суждение выросло в сознании автора, когда светская жизнь в очередной раз заставила Конституционный Суд РФ взглянуть на наш, по сути все еще советский УИК РФ через призму Основного Закона России. С одной стороны, Конституция РФ декларирует:

— «семья находится под защитой государства (ч. 1 ст. 38)»;

— право на создание семьи, воспитание детей относится основным правам и свободам человека, которые квалифицированы как неотчуждаемые (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ).

Поскольку право на семью, детей, их воспитание — априори неотчуждаемое, то оно, естественно, не может быть отменено, ограничено, тем более, без особой на то государственной необходимости, отраслевым законом.

С другой стороны, ст. 125–127 УИК РФ в лучших традициях мрачного средневековья фактически содержат запрет на сексуальную, то есть личную, жизнь осужденным к пожизненному лишению свободы в течение, по крайней мере, первых 10 лет отбывания наказания.

Рабы в Древнем мире — юридически вещи: имели право на сексуальную жизнь. Данное право признается за животными, содержащимися в неволе, в том числе и зоопарках.

В тюрьме должно быть плохо?

Лишение свободы — вид наказания, пришедший к нам из Древнего мира. Свое развитие он получил в Темные и Средние века. В те далекие годы это было телесное наказание. Вспомним тесные клетки в подвалах замка Людовика XI, в которых заточенный был лишен возможности распрямиться. Лишение свободы, в первую очередь, преследовало цель физического воздействия на осужденных. Лишение свободы — телесное наказание. Авторы санкции рассчитывали сломить волю, истязая тело. Во времена Сталина заключенных всег-

да плохо кормили. Голод — тоже эффективная форма физического воздействия на тело человека и, в конечном счете, на его волю.

«В тюрьме осужденным должно быть не плохо, а очень плохо!» — лозунг тоже не новый. То, что в тюрьме плохо — это бесспорно. Дебатируется только вопрос: насколько плохо должно быть человеку в местах лишения свободы. Согласно УИК РФ для осужденных к пожизненному лишению свободы: обязательная ежедневная прогулка — полтора часа, если хорошо себя ведешь, то гуляешь целых два часа. Действительно, где пределы разумности этих, по существу бытовых, ограничений размером в 30 минут?

Обществу нужен социальный мир

Нравственно не только наказание, нравственно и примирение: жертвы и преступника. Кто должен мирить стороны? Следователь не должен! Прокурор не должен, да и не допущен! Результат: суд — апофеоз разрешения конфликта! Все: «мосты сожжены», после суда потерпевший и осужденный — враги на годы! Консервация конфликта.

С перемещением тела за тюремные стены мы еще справляемся, а как с душой? Вот и получается, что «в тюрьме тоже люди живут» (В. Войнович).

Зрелищность наказания

Хлеба и зрелищ — лозунг, известный с древнейших времен. Одним из обязательных качеств наказания общество во все времена почитало зрелищность. Чувство (вспомним чувство голода) социальной справедливости восполнялось наглядностью изобличения виновного (признался под пыткой) и его наказания. Общество обычно удовлетворяет голод справедливости, наблюдая как страдает, по крайней мере, тело осужденного. Зачастую наказание превращается в фарс, например манипуляции (по другому не назовешь) по делу Васильевой. Мне неведомо, сколь серьезно ее прегрешение, но от наказания уклониться ей фактически удалось. Примечательно, что председатель Московского городского суда О.А. Егорова в своем интервью программе «Человек и закон» записала отказ от апелляционной жалобы. От подачи апелляционной жалобы отказалась и Н. Савченко, ибо четко знала, что ее помилуют.

Основные научно-практические выводы:

1. К. Маркс, безусловно, пророк для угнетенных (даже несмотря на то, что его учение не оказалось всемогущим), так как он верно предсказал для нас главное: классовый антагонизм в обществе ведет к революции, результаты Октябрьской революции всем хорошо известны. К. Маркс — пророк для угнетателей, которые своевременно

смогли отреагировать на его учение учреждением института правового, социального государства.

2. Анализируемая ранняя работа К. Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса» — прекрасный повод в очередной раз задуматься об уголовной политике в целом, ее истоках, а равно о преступлении, наказании, видах и размерах последнего в частности. Насколько прав ректор Санкт-Петербургского государственного университета (специалист в области уголовного права) проф. Н.М. Кропачева в своем суждении о том, что в России «отсутствует концепция уголовно-правовой политики»¹, судить читателю. По мнению автора этих строк, проблема отделения преступного от непроступного, обозначенная К. Марксом, нас переживет.

3. Формируемый пророками алгоритм составления «дорожных карт» на перспективу безнадежно отстает от алгоритма информационной революции, заданной объективной реальностью. Современное глобальное общество в массе своей смогло себя накормить, победило страшные болезни, вот уже полвека успешно трансформирует войны «горячие» в сражения «холодные». Коммунизм по К. Марксу как агрессивное массовое движение сначала разделился на части (советский и китайский), после чего мирно включился в систему мировой экономики.

4. Грамматика правопорядка² такова — право, совокупность слов, имеющих власть (Диего Валадес), общество все еще не определилось против кого ее потреть: собравших валежник или продавших государству в убыток лес.

¹ Кропачев Н.М. Интервью номера. Юридическое образование в России сегодня нельзя назвать универсальным, однотипным и единым // Закон. 2014. № 1. С. 10.

² О явлении см.: Веденеев Ю.А. Грамматика правопорядка / науч. ред. В.В. Лазарев. М., 2018.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

**ФИЛОСОФСКИЕ,
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ
ВЗГЛЯДОВ К. МАРКСА
НА ОБЩЕСТВО,
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО**

Современное общество предстало перед новой волной политического популизма, вызванного противоречиями последних десятилетий. Многие проблемы, существующие сегодня, не новы. В том или ином виде они уже возникали в истории и подвергались анализу множеством выдающихся мыслителей. Среди ученых, внесших значительный вклад в философскую, социологическую и политическую мысль, особенно выделяется К. Маркс.

В четвертом разделе настоящей книги авторы рассмотрели отдельные аспекты теории как молодого, так и уже зрелого Маркса применительно к современным проблемам общества и государства, а также показали спорный характер вольных интерпретаций марксизма. Не обошли они вниманием критику марксизма в русской философии права. В итоге авторам удалось проследить этапы восприятия марксизма национальной философией права, а также рассмотреть отдельные аспекты учения Маркса, на которые ранее не было обращено должного внимания.

МАРКСИЗМ, СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА В РОССИИ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМНОГО ВЛИЯНИЯ

В.Н. Жуков

Как верно отметил еще В.И. Ленин в своей известной статье, марксизм имеет три источника (немецкая философия, английская политическая экономия, французский социализм) и соответствующие им три составные части: философия, политэкономия, научный социализм¹. Теоретических источников было, конечно, больше, но состав марксизма определен точно. Каждый из компонентов обладает самостоятельной ценностью, но существуют они как единое целое при приоритетном значении теории социализма. Материалистическая диалектика, борьба классов и формационная типология, экономический анализ товарного производства, — все это подчинено двум ключевым идеям: неизбежному краху капитализма и закономерности возникновения бесклассового коммунистического общества. Марксизм есть прежде всего социалистическая доктрина, обоснование которой велось с опорой на философию, историю, экономическую и политическую теорию. Казалось бы, здесь нет места социологии как самостоятельной науки. Во всяком случае ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс не предпринимали попыток представить свое учение как социологическую науку или, как минимум, как-то связать их. Оба они были очень чутки к современной социальной науке, в своих исследованиях широко использовали данные археологии, антропологии, этнологии, экономической и политической

---

¹ См.: Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма // Ленин В.И. Избр. произв.: в 3-х т. М., 1976. Т. 1. С. 31.

истории, политической географии, статистики, т.е. тех отраслей знания, которые составляют основу социологии. Однако теории О. Конта, Дж. Ст. Милля и Г. Спенсера остались ими практически незамеченными. Абстрактный схематизм, социальное моделирование, структурно-функциональные связи, предложенные молодой наукой, не заинтересовали основоположников марксизма и понятно, почему: марксизм предложил и плодотворно использовал собственные теоретико-методологические подходы к анализу социальных процессов. Ни Марксу, ни Энгельсу не нужно было обращаться к социологии за поиском методов социального анализа, поскольку они выработали их самостоятельно и успешно применяли. Здесь не видно было даже никакой ревности к новой науке, она в их глазах просто не представляла большой ценности, особенно если иметь в виду ее тенденцию к построению социальной утопии (социократия О. Конта и т.п.). Претензии социологии быть главной социальной наукой, выскажем предположение, воспринимались Марксом и Энгельсом как борьба на академическом поле, что мало их занимало. Главным объектом их внимания была не академическая наука, а немарксистская идеология в лице буржуазного либерализма, реформистского социализма и анархизма.

Если Маркс и Энгельс не обратили большого внимания на появление социологии, то социологи второй половины XIX — первой трети XX в., со своей стороны, восприняли марксизм как очень крупное социальное учение, обладающее важнейшими чертами социологической доктрины. Целая плеяда социологов Запада и России формировалась под влиянием Маркса (Ф. Теннис, М. Вебер, В. Зомбарт, Э. Дюркгейм, К. Мангейм, Г. Маркузе, Э. Фромм, М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин, Н.С. Тимашев, Г.Д. Гурвич и др.). Социология, возникнув на междисциплинарном пограничье, на рубеже XIX—XX вв. находилась в аморфном состоянии, без четко очерченного предмета и сотканная из разнородных кусков отраслевого знания. Марксизм, напротив, с самого начала отличался цельностью, системностью, теоретико-методологическим единством, широким охватом эмпирических данных, что не могло не привлекать исследователей, стремившихся к обобщенному знанию на основе фактов истории и естествознания. Ученый, стремившийся к созданию социологического знания, находил в марксизме идеи социальной стратификации и социальной закономерности, функциональные связи и новейшие методы исследования. Если какими-то социологами не принимались отдельные идеи марксизма (например, диктатура пролетариата и переход к коммунизму), то марксизм как целостная теория, предложившая оригинальную модель «социальной статики» и «социальной динамики», представляла для них огромный

интерес. Иначе говоря, придание марксизму статуса социологической доктрины шло не от Маркса и Энгельса, а от социологов по большей части немарксистской ориентации. На рубеже XIX—XX вв. социолог-марксист академического плана, считающий себя прежде всего социологом, хотя и работающим на основе марксизма, — большая редкость, тогда как марксист-политик, пишущий работы в области политэкономии, истории или политической теории и использующий при этом социологические подходы, — широко распространенное явление. Марксизм как социологическая доктрина получает свой статус прежде всего в среде социологов и благодаря их усилиям, теоретики и практики рабочего движения воспринимали марксизм в основном как доктрину научного социализма. Так было на Западе и в России.

Первые контакты Маркса с представителями русской общественно-политической мысли (П.В. Анненков, М.А. Бакунин, А.И. Герцен, Г.М. Толстой, Н.И. Сазонов) относятся ко второй половине 40-х гг., которые «в большинстве своем никакой роли в распространении его идей в России не играли»¹. В 60 — 70-е гг. устанавливаются тесные связи с I Интернационалом (на рубеже 1869—1870 гг. организуется его Русская секция), начинается систематическое изучение работ Маркса. В 1872 г. публикуется том I «Капитала» на русском языке, что вызвало немало откликов в печати. Имело значение, что первое знакомство с марксистской литературой проходило в народнической среде, где не меньшей популярностью пользовалась позитивистская философия и социология. Интерес народнических авторов к социологии (первые русские социологи, напомним, либо были идеологами народничества, либо ей сочувствовали) во многом предопределил угол зрения, под которым рассматривался марксизм. Помимо собственно социалистического компонента идеологии народничества (включая его вождей П.Л. Лаврова, П.Н. Ткачева, Н.К. Михайловского) пытались оценить потенциал марксизма как социологической доктрины, вольно или невольно сопоставляя его с учениями О. Конта, Дж. Ст. Милля и Г. Спенсера. В марксизме их интересовало не столько теория прибавочной стоимости и идея диктатуры пролетариата, сколько привычные для них темы прогресса, социальных законов и социальной стратификации.

Аутентичное восприятие марксизма в России начинается с Г.В. Плеханова и В.И. Ленина, с рождения марксистских организаций «Освобождение труда» (1883 г.) и «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» (1895 г.). Свою лепту в распространение марксизма

¹ Грецкий М.Н., Федоровский Н.Г. Маркс в России // Русская философия: энциклопедия. 2-е изд., дораб и доп. / под общ. ред. М.А. Маслина; сост. П.П. Апрышко, А.В. Поляков. М., 2014. С. 362.

внесли так называемые «легальные марксисты» (П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и др.), упорство на экономический детерминизм и игнорировавшие идею пролетарской революции. Плеханов, Ленин, Струве, другие марксисты заводили речь о социологии в той мере, в какой необходимо было критиковать народническую идеологию, зачастую воплощенной в форме субъективной социологии. Плеханов и Ленин переключались на социологическую тематику не потому, что их интересовали особенности марксизма как социологической доктрины (они рассматривали марксизм прежде всего как теорию научного социализма), а из-за социологической стилистики народников. Чтобы развить аргументацию теории крестьянского социализма, приходилось попутно расправляться с субъективной социологией. Таким образом, разработка русскими марксистами теории социологии в 90-е гг. XIX в. есть по большей части побочный результат их политической и идеологической борьбы против народников. Не случайно, ни Плеханов, ни Ленин позднее, когда первая фаза данной полемики закончилась, практически не использовали термин «социология» и к теории социологии не возвращались. Дискуссия между социал-демократами и эсерами, большевиками и меньшевиками велась впоследствии на поле теории социализма, без отсылок к социологической науке. Вместе с тем первые марксистские работы Плеханова и Ленина представляют собой превосходные образцы применения социологического метода. Плеханов привел в систему теорию исторического материализма, раскрыв особенности социальной закономерности, а Ленин, используя статистические данные, дал обстоятельный анализ развития капитализма в России¹.

Если русские марксисты занимались теорией социологии, так сказать, вынужденно, по необходимости (надо было бороться с народничеством на их предметном поле), то социологи-позитивисты пытались системно подойти к анализу марксизма как социологической доктрины. Как это ни парадоксально, но именно в позитивистской среде марксизм получает статус социологической науки, формируется традиция воспринимать марксизм в качестве социологической теории. Примеривая Маркса и Энгельса к классикам социологии, социологи-позитивисты стремились найти в марксизме собственно социологические приобретения. Как правило, специаль-

¹ См.: Плеханов Г.В. Наши разногласия // Плеханов Г.В. Избр. филос. соч.: в 5-ти т. М., Т. 1. 1956; Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Плеханов Г.В. Избр. филос. соч.: в 5-ти т. М., Т. 1. 1956; Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1971. Т. 1; Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1971. Т. 1; Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1971. Т. 3.

но оговаривалось, что Маркс и Энгельс социологами в чистом виде не были и не ставили перед собой цель создать собственную социологическую систему. Всегда отмечалось, что марксизм — такое же крупное направление в социологии, как и позитивизм, но имеющее собственный фундамент. Вместе с тем указывалось на общие интеллектуальные корни марксизма и контизма: учение Сен-Симона и идеи французских материалистов XVIII в. Главная заслуга марксизма, утверждали позитивисты, — стремление дать системный анализ общества в единстве его материальной и духовной культуры. Сведение всех факторов общественной жизни к производственным отношениям вызывало серьезные возражения, но сам принцип монистического понимания истории оценивался весьма высоко. При всей плодотворности теория многофакторности, популярная у позитивистов, трудно уживалась с любой предложенной концепцией, ломала ее, тогда как материалистический монизм вносил в представления об обществе, государстве и праве цельность и завершенную логику, что изначально и требовалось от социологической науки. Несомненным достоинством марксизма позитивисты считали его устремленность к поиску закономерностей, имеющих место в «социальной статике» и «социальной динамике». При всей однобокости формационная типология показывала пример в целом успешного выведения общего вектора развития человечества из совокупности эмпирических условий жизни людей. Любимая позитивистами тема прогресса (в качестве направленного движения истории) так или иначе находила подтверждение в материалистическом понимании истории. Существенное развитие социологической теории позитивисты усматривали в установлении связи социальной стратификации с материальным производством, зависимости поведения индивида от его классовой принадлежности.

Если в дореволюционной России работы по марксистской социологии и социологии права — относительная редкость на фоне огромного массива социологических исследований позитивистской направленности, то после Октября 1917 г. ситуация принципиально меняется. Советская власть, заинтересованная в своем идеологическом обосновании, стимулирует бурное развитие обществоведения на основе марксизма. Устанавливается полный контроль в сфере социальных наук и образования. Одно из мероприятий — учреждение Социалистической академии общественных наук, в составе которой вводился «политико-юридический разряд», имевший целью как-то заменить упраздняемые юридические факультеты¹ (больше-

¹ См.: Плотниекс А.А. Становление и развитие марксистско-ленинской общей теории права в СССР. 1917–1936. Рига, 1978.

вики считали их проводниками буржуазно-помещичьего влияния). Вместе с тем для социологии, считавшейся гонимой при царской власти, наступают вроде бы благоприятные времена: «в 20-е годы в стране произошел взрыв социологической литературы марксистской ориентации, как отмечали наблюдатели этого процесса, появились учебные пособия, библиографии, тематические сборники и монографии»¹, «открывается первый в России факультет общественных наук с кафедрой социологии во главе с Питиримом Сорокиным (1919–1920 гг. Петроградский университет). Возобновляет свою деятельность Социологическое общество им. М. Ковалевского»². Однако в начале 20-х годов ситуация быстро ухудшается и для социологии: «в 1922 г. из страны было выслано около 160 деятелей науки и культуры, среди них многие выдающиеся философы и социологи — в том числе П.А. Сорокин, Н.А. Бердяев, П.Б. Струве, С.Л. Франк и многие другие»³. «Оформила переворот, вернее запрет, в 1929 г. дискуссия в Институте философии Коммунистической академии, на которой был сделан категорический вывод: “социология — это лженаука, выдуманная французским реакционером Огюстом Контом, само слово “социология” не должно использоваться в марксистской литературе”. Более чем на два десятилетия развитие отечественной социологии было прервано»⁴.

Если Ф. Энгельс, К. Каутский и Г.В. Плеханов, находившиеся в гуще интеллектуальной жизни Европы, не предпринимали никаких попыток назвать марксизм социологией, то первые советские марксисты (Н.И. Бухарин, И.П. Разумовский, С.А. Оранский и др.) отождествили исторический материализм и социологию. Стремление части большевиков-обществоведов представить марксизм как социологическую доктрину следует связать с ростом влияния социологии в России и на Западе. Крупнейшие марксисты-социологи первых лет советской власти разрабатывали теорию социологии, находясь под влиянием прежде всего немарксистской социологии. Марксистскую социологию и социологию права, взятую в данном контексте, следует рассматривать как очередную фазу в развитии мировой социологической науки. Необходимо подчеркнуть, что главный импульс в придании системы историческому материализму как социологической доктрины шел не от марксизма, а от социологической науки (прежде всего так называемых буржуазных ее направлений). Н.И. Бу-

¹ Голосенко И.А. Питирим Сорокин как историк мировой и русской социологии // Сорокин П.А. О русской общественной мысли. СПб., 2000. С. 19.

² Осипов Г.В. Как это было на самом деле: о возрождении социологии в России // Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы. СПб., 2010. С. 8.

³ Там же.

⁴ Там же.

харин, И.П. Разумовский, С.А. Оранский, М.А. Рейснер, П.И. Стучка, пытаясь придать марксизму вид социологической теории, вдохновлялись не идеями Маркса и Энгельса, а скорее работами классиков социологии. Собственно марксистские идеи (базис и надстройка, диктатура пролетариата и построение коммунизма) были содержанием, для которого требовалась современная респектабельная форма. Именно потому, что главный импульс в создании марксистской социологии и социологии права шел не от марксизма, советская власть по мере своего укрепления достаточно легко отказалась от немарксистской добавки в лице социологии. В этом смысле провозглашение социологии «буржуазной лженаукой» имело свою логику. Во-первых, теория научного социализма со времен своего возникновения была вполне самодостаточной, и ни в какой мере не нуждалась в опоре на социологию — науку на рубеже XIX—XX вв. рыхлую, аморфную, без четко очерченного предмета. Во-вторых, идея создания социологии в качестве некоей универсальной общественной науки действительно возникает в немарксистской среде. Соответственно всякие попытки оформить марксизм как социологическую доктрину вольно или невольно заставляли разработчиков обращать свои взоры к «буржуазным» классикам. И.П. Разумовский, С.А. Оранский и Е.А. Энгель ссылаются на О. Конта, Ч. Дарвина и Л. Гумпловича, М.А. Рейснер — на Л.И. Петражицкого, П.И. Стучка — на Р. Иеринга и С.А. Муромцева и т.д. В условиях тоталитарного режима такое положение дел терпимо быть не могло, и социология исчезла из официального советского обществоведения. Так что винить Сталина в том, что он вернул исторический материализм из социологии в философию, значит упрощать проблему.

Отождествление советскими теоретиками исторического материализма и социологии было не просто механическим переименованием. Фактически задача состояла в том, чтобы перенести понятийный аппарат классической социологии в марксистскую концепцию общества. Поскольку марксизм изначально содержал в себе социологический компонент (и как теорию, и как методологию), перевести исторический материализм (в том числе общую теорию права как его составную часть) на язык классической социологии не представляло больших трудностей. Ранние советские марксисты, как правило, указывали, что исторический материализм не имеет своего систематического изложения. Оформление марксизма в качестве социологической теории должно было, по замыслу авторов данного плана, устранить или объяснить видимые противоречия, повысить уровень единства теории, придать ей вид современной науки. Следует понимать, что в первые годы советской власти, хотя и был установлен идеологический диктат, в партийной среде шли ожесточенные дис-

куссии, демонстрируя известную степень интеллектуальной свободы. Рамки этих дискуссий, правда, были строго определены текстами Маркса, Энгельса, Ленина. Творчество ранних советских марксистов обычно состояло в том, чтобы дать свою концепцию понимания идей основоположников марксизма, развить их, не покидая марксистской почвы. Поскольку марксизм насыщен положениями, имеющими большой интеллектуальный потенциал, и действительно не был систематизирован (многие базовые тезисы излагались Марксом и Энгельсом в переписке), советские авторы имели определенный простор для изложения собственных мыслей. Перевод канонического марксизма, сформировавшегося в XIX в., на современный язык социологии был, конечно, творческим актом, подлинным развитием марксистской теории. Главной трудностью на этом пути (и главной опасностью для авторов, причем, нередко — физической) было не уклониться от базовой модели марксизма, как она сложилась в работах Маркса, Энгельса, Ленина. А социологическая трактовка марксизма, которая предполагала наложение на него немарксистских идей «буржуазных» социологов, такую опасность объективно представляла.

Перелицовка классического марксизма на социологический лад потребовала показать радикальное различие между марксистской и буржуазной социологией, что оказалось не таким простым делом. Принципиальная возможность встроить марксизм в каноны классической социологии скорее стирала данные различия. Согласно И.П. Разумовскому, диалектический материализм, распространенный на область общественно-исторических явлений, становится историческим материализмом, который, в свою очередь, нацеленный на поиск закономерностей и взаимосвязей социальных явлений, представляет собой науку социологию. В этом качестве социология рассматривается и как метод познания социальной действительности, и как теория, т.е. как развернутая система знаний об этой действительности. Особо подчеркивается, что социология изучает наиболее общие социальные закономерности и взаимосвязи, конкретизируемые затем в более частных науках (политической экономии, теории права, этике, эстетике). Марксистская социология ищет единства социальных явлений и их взаимосвязи с тем, чтобы с помощью открытых общих законов постигать явления частного порядка¹. Исходя из данных утверждений, социология есть наиболее абстрактная социальная наука, выводы которой приложимы к более специальным социальным наукам. Такое представление о социологии вполне согласуется с тем, которое мы находим у классиков со-

¹ См.: Разумовский И.П. Курс теории исторического материализма. М.: Госиздат, 1928. С. 9, 16, 19.

циологической мысли. Хотя Разумовский и настаивает, что буржуазную социологию отличает высокий уровень абстрактности, схоластичности и слабая связь с эмпирикой, теория марксистской социологии в его собственной трактовке в целом обладает теми же чертами. По-другому и не могло быть: социология как наиболее общая наука об обществе, претендующая на универсальность открываемых ею законов, неизбежно становилась абстрактной наукой. Стремясь показать марксистскую социологию как науку конкретную, опирающуюся на факты истории, Разумовский ставит в пример формационную типологию, которая, тем не менее, оказывается у него «наиболее общей формулой общественно-исторического процесса»¹, т.е., в конечном счете, той же абстракцией.

Что действительно резко отличает марксистскую социологию от практически любого немарксистского направления, так это ее партийность, классовый характер. Если классики социологии рубежа XIX—XX вв., как правило, стремились к деидеологизации общественной науки, подчеркивали ее надпартийный, надклассовый, строго научный характер, то основоположники марксизма и особенно советские идеологии считали своей задачей указать на связь классовой борьбы, социальных интересов с научной истиной. Логический ряд рассуждений советских идеологов был примерно следующим: марксизм открыл законы истории человечества, указывающие на его движение к коммунизму; рабочий класс — та политическая сила, которая находится в авангарде социального прогресса и своим непосредственным участием обеспечивает переход от капитализма к коммунизму; поскольку роль рабочего класса как могильщика капитализма и строителя социализма выражает законы истории и носит объективный, естественно-исторический характер, его мировоззрение и идеология, отражая данную объективность, также имеют научный характер; всякое отклонение от интересов и целей рабочего класса ведет к отклонению от законов истории, а значит и от научного социализма. Здесь налицо так называемое единство теории и практики марксизма, слияние его научного, политического и идеологического компонентов.

Господствовавшая в 20-х гг. тенденция представить марксизм как социологическую доктрину в полной мере проявила себя в общей теории права. Типично было рассматривать общую теорию права как органическую часть исторического материализма. Считалось, что исторический материализм как система взглядов на историю и структуру человеческого общества имеет своей составной частью учение о государстве и праве, их возникновении, развитии и функциониро-

---

¹ Там же. С. 433.

вании. Исторический материализм предлагался в качестве метода исследования государства и права, а поскольку исторический материализм считался марксистской социологией, последняя становилась универсальным методом изучения политико-правовых явлений. Общая теория права, таким образом, зачастую отождествлялась с социологией права и рассматривалась в качестве отдельной отрасли общей социологии.

К концу XIX в., напомним, общая теория права сложилась как комплексная межотраслевая дисциплина, состоящая из нескольких компонентов: исторического, философского, догматического и социологического. После Октября 1917 г. юридические науки (в том числе общая теория права) оказались на подозрении у новой власти, поскольку отражали, по мнению большевиков, интересы буржуазии и помещиков и несли с собой «контрреволюционные настроения». Философский компонент общей теории права был, как правило, насыщен идеализмом, а догматический был тесно связан с отраслевой наукой, «буржуазно-помещичьей» по своему духу. Поэтому было вполне естественным, что в общей теории права на первый план вышли исторический и социологический компоненты, а философский и догматический либо полностью вытеснены, либо значительно сужены. Историческое и социологическое исследование права было созвучно собственно марксистскому подходу к праву.

Еще один фактор снижения значения догматического компонента и выход на первые позиции социологического — левацкий уклон первых советских юристов. М.А. Рейснер, П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис видели в государстве и праве институты классового общества, обреченные погибнуть в горниле социалистической революции в России. Эпоха «военного коммунизма», когда замерли товарно-денежные отношения и регулирующие их нормы права, породила у них иллюзию скорого отмирания права. Однако «новая экономическая политика», оживившая товарное производство и потребовавшая правового регулирования, заставила вернуться к рассмотрению теоретических проблем права и государства, но опять-таки не с догматических, а исторических и социологических позиций, в контексте строительства социализма и перспектив отмирания данных институтов.

М.А. Рейснер, П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис воспринимали себя в роли первопроходцев, играющих ключевую роль в создании марксистской теории государства и права и преисполненных на этом основании собственным величием. Вот характерно высказывание, принадлежащее М.А. Рейснеру: Ленин, написав две книги, посвященные государству («Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский»), «оставил не затронутыми многие

вопросы глубокой теории. Для этого у него нет ни возможности, ни времени. Если позволите мне в этом отношении воздать хвалу себе, что может быть несколько неприлично, но я все-таки скажу, что единственным государствоведом в Европе, если не во всем мире, который еще до всякого переворота к величайшему изумлению своей аудитории развивал науку о государстве как марксист, это был ваш покорный слуга»¹. Не отставал в самовосхвалении и П.И. Стучка, утверждавший, что марксистская теория права начинается с двух работ: его собственной «Революционная роль права» и Е.Б. Пашуканиса «Общая теория права и марксизм»². Маркс, Энгельс, Ленин заложили методологические основы понимания права и государства, создание же собственно теории, полагали они, следует отнести к их заслугам.

¹ Рейснер М.А. Основы Советской конституции. М., 1920. С. 88.

² См.: Стучка П. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сборник статей 1917–1930. М., 1931. С. 3–4.

ГЕГЕЛЕВСКОЕ "BÜRGERLICHE GESELLSCHAFT" (ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО) В РАБОТЕ К. МАРКСА «К КРИТИКЕ ГЕГЕЛЕВСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА»

О.Ю. Рыбаков

Значение философии гегелевской философии для формирования взглядов К. Маркса общеизвестно. Философский идеологический лагерь гегельянцев не был однородным, в нем формировались два «лица» гегелевской философии — консервативное и прогрессивное. Теологические споры обнажали глубинную сущность базового исторического противоречия того времени, ужесточаясь по мере приближения к вопросу о сущности и предназначении государства. Старые, правые, гегельянцы (Гешель, Гинрихс, Габлер) интерпретировали гегелевские идеи в контексте христианской ортодоксии. Левые младогегельянцы (Руге, Бруно Бауэр, Фейербах) отказывались от религиозных интерпретаций и стояли на позициях атеизма. Центристы (Розенкранц, Михлет и Д. Штраус) были ближе к старогегельянцам, но пытались приложить гегелевские принципы к изложению опытных данных

Младогегельянцы требовали буржуазных реформ, порывая с феодальным абсолютизмом. Однако они увлекались идеей культа личности, отрицая исторические закономерности и роль коллективных процессов в ней.

В полемике продолжателей Г.В.Ф Гегеля его система теряла единство, ее фрагменты становились основой для аргументов и контрар-

гументов в дебатах, далеких от исходной канвы мышления философа. При этом все три лагеря выбирали «эзотерическую» стратегию в толковании гегелевского наследия, оставаясь внутри его категориальных рядов и не оценивая базовые начала системы с внешних позиций. Такой внутренний «демонтаж» давал фрагментацию гегелевских понятий, выращенных в глубокой диалектической преемственности, но он не давал свободы мышлению, поскольку держал мыслителей в плену завершенной теоретической конструкции. Г.Ф.В. Гегель обладал величайшим авторитетом, и этот авторитет оказывался идолом разума для многих.

Диалектику считают душой марксизма. К. Маркс адаптировал всеобщий диалектический метод для исследования экономических процессов. Важно отметить, что К. Маркс унаследовал масштаб гегелевской мысли: если Г.В.Ф Гегель вписал все мироздание и завершил человеческий прогресс в развитии своей философии, то К. Маркс решил преобразовать действительность, т.е. выйти за рамки философии как индивидуально-личностного проекта. Философская теория для К. Маркса реализуема лишь в рамках исторической практики. Эта новая парадигмальная связь теории и практики, а также переход на материалистическую платформу в корне изменил область приложения гегелевских понятийных конструкций.

Рассмотрим гегелевское понимание гражданского общества. Оно изложено в «Философии права», включающей в себя анализ объективного духа, т.е. гегелевские воззрения на социально-историческую жизнь человечества. В работе Г.В.Ф Гегеля «Философия права» второй раздел имеет название «Гражданское общество» (§ 182–256). Эта работа была весьма критической для своего времени, поскольку ниспровергала наиболее популярные тогда в Германии государственные правовые идеи — концепцию Галлера о владычестве сильной личности в результате божественного установления, тезис Савиньи о преждевременности установления общегерманского законодательства, политико-правовую идеологию романтизма¹.

Как известно, развитие объективного духа равнозначно прохождению трех ступеней — абстрактного права, морали и нравственности. Последняя включает в себя семью, гражданское общество и государство. Поскольку саморазвитие объективного духа представляет все стороны общественных отношений, постольку в гражданском обществе Г.В.Ф. Гегеля тесно сплетены право, экономика, политика. Социальная свобода здесь выступает ареной преодоления произвола отдельных людей через право. В этом ракурсе для философа ключевым завоеванием Нового времени является частная собственность

¹ См. подробнее: Овсянников М.Ф. Философия Гегеля. М., 1959. С. 210–211.

как единственное существенное определение личности. «Индивиды в качестве граждан этого государства — лица, целью которых является их собственный интерес. Поскольку же эта цель опосредована всеобщим, которое тем самым *представляется* им *средством*, то она может быть ими достигнута только постольку, поскольку они сами определяют свои желания, воление и действие всеобщим образом и делают себя звеном этой *связующей* цепи»¹. Отношения гражданского общества есть отношения обмена, купли-продажи, поэтому право от владения развивается в собственность, затем в договор.

Смешение юридических и экономических категорий в гегелевском социальном анализе не предполагает их равного вклада в рассматриваемые вопросы. Правовое у Г.Ф.В. Гегеля всегда доминирует над экономическим, а товарному отчуждению подлежат не только собственно вещи. Неотчуждаемы только субстанциальные определения личности — всеобщая свобода воли, нравственность, религия.

По Г.Ф.В. Гегелю «гражданское общество, есть дифференция, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства; ибо в качестве дифференции предполагает государство, которое оно, чтобы пребывать, должно иметь перед собой как нечто самостоятельное. Гражданское общество создано, впрочем, лишь в современном мире, который всем определениям идеи предоставляет их право»². Гражданское общество образуется дифференциацией семьи, приводящей к появлению множества взаимоотношений самостоятельных индивидуумов. В современном философу мире жизнь этой сферы заключается в системе потребностей, отправления правосудия, деятельности полиции и корпораций. Гражданское общество возникает исторически позднее государства, что не нашло такого же мнения у К. Маркса, да и в дальнейшем теории государства и гражданского общества в основном сходились на первичности общества для государства, и далее необходимости наличия развитого гражданского общества как одного из факторов формирования правового государства.

«В гражданском обществе каждый для себя — цель, все остальное для него ничто. Однако без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей во всем объеме: эти другие — средства для достижения целей индивида»³. Гражданское общество предстает областью интересов отдельных личностей, не совпадающей с государством, которое определяется в виде «внешнего государства»,

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. М., 1990. С. 231.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. М., 1990. С. 228.

³ Там же.

различимого с внутренним. Но всегда каждый, являясь целью для себя, должен соотноситься с другими, являющимися средством.

Опираясь на английскую политическую экономию, Г.Ф.В. Гегель показывает невозможность реализовать собственную цель для каждого индивида без участия других, что составляет основу формы всеобщности, где осуществление своей цели зависит от достижения всеобщих целей, и поэтому всеобщие цели реализуются. Всестороннее переплетение целей делает гражданское общество единым живым организмом. Гражданское общество предстает совокупностью деятельного участия индивидов, где взаимосвязанно осуществимы всеобщие и индивидуальные цели.

В гражданском обществе Г.В.Ф Гегеля мы имеем дело с производственным или коммерческим праксисом мужчины (ремесленной, торговой, сельскохозяйственной, правовой и т.п. деятельностью), непрерывно усложняющейся благодаря росту человеческих потребностей. Этот праксис характерен для конкретной исторической эпохи.

По отношению к государству гражданское общество является его внешней оболочкой, «внешним государством», отделенной от «государства внутреннему» и подчиненной ему. Государство и семья — вот два полюса, между которыми простирается сфера гражданского общества, что означает одинаковую элиминацию личных и политических отношений из этой сферы.

Рассмотренные нами элементы концепции Г.Ф.В. Гегеля имеют важное значение для понимания работы раннего К. Маркса «К критике гегелевской философии права», представлявшей собой тетрадь с критическими комментариями к § 261–313 «Философии права». Показательно начало текста «К критике гегелевской философии права»: «Для Германии критика религии по существу окончена, а критика религии — предпосылка всякой другой критики»¹. Выше мы упоминали значение теологической проблематики для самоопределения гегельянцев.

Для К. Маркса в этой работе критика неба есть критика земли, критика религии — критика права, а критика теологии — критика политики. Эту критику он характеризует как бескомпромиссную. Центром своей критики К. Маркс избирает философские взгляды Г.Ф.В Гегеля: «Критика немецкой философии государства и права, получившей в работах Гегеля свою самую последовательную, самую богатую и законченную формулировку, есть одновременно и критический анализ современного государства и связанной с ним действительности, и самое решительное отрицание всей донине существую-

¹ Маркс К. К критике гегелевской философии права // URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/Marks.K.kriike.pdf> (дата обращения: 11 февраля 2018 г.). С. 1.

ющей формы немецкого политического и правового сознания, для которого самым значительным, универсальным, возведённым в науку выражением является именно сама спекулятивная философия права»¹. Гегелевская философия права для К. Маркса есть абстрактное, высокомерное, оторванное от жизни мышление о государстве.

Поскольку обсуждаемой К. Марксом в «Критике гегелевской философии права» повесткой дня и ближайшей исторической перспективой является политическая революция, постольку его интересует структура гражданского общества. К. Маркс подчеркивает, что положительная возможность немецкой эмансипации неразрывно связана с новым классогенезом, т.е. появлением нового класса гражданского общества, который не существовал ранее в выдвинутой Г.Ф.В. Гегелем модели трех сословий (субстанциальное, промышленное, всеобщее) и является разложением всех старых элементов. Конечно, речь идет о пролетариате, формирующемся благодаря промышленному развитию.

Интересен марксовский анализ и оценка отношений семьи, гражданского общества и государства, представленная Г.Ф.В. Гегелем в его работе «Философия права». Он рассматривает их как две стороны раздвоенного тождества, отчуждающиеся внутри единства. На этом основании гегелевская мысль интерпретируется К. Марксом как неразрешимая антиномия: внешняя необходимость и имманентная цель. Всеобщая конечная цель и частные интересы индивидов едины благодаря тождеству устанавливаемых государством обязанностей и предоставляемых прав.

Поскольку субъектом для Гегеля является идея, постольку семья и гражданское общество есть воображаемая внутренняя деятельность этой идеи, т.е. сами они утрачивают свой субъектный статус, перестают быть активными началами, с чем Маркс категорически не согласен. Он пишет «Важно то, что Гегель всюду делает идею субъектом, а действительного субъекта в собственном смысле, как, например, «политическое умонастроение», превращает в предикат. На самом же деле развитие совершается всегда на стороне предиката»².

Анализируя сословное деление гражданского общества, предложенное Г.Ф.В. Гегелем, К. Маркс приходит к выводу о том, что политический строй есть строй частной собственности: «государство, конечно, ломает волю семьи и общества, но оно это делает для того лишь, чтобы дать существование воле частной собственности, которая неподвластна семье и обществу, и признать это существование высшим существованием политического государства, высшим нравственным существованием»³.

---

¹ Там же. С. 9.

² Там же. С. 26.

³ Там же. С. 152.

Отметим, что исходное гегелевское понимание гражданского общества как особого исторического периода удовлетворения частных потребностей другими как средствами для Маркса остается неизменным на протяжении всего его творчества. Однако если у Г.Ф.В Гегеля доминирует правовое измерение гражданского общества, то у К. Маркса — экономическое. Позднее К. Маркс введет в него и политическое измерение, переистолковывая гегелевское понятие государства. Перечеркивая идею «шестивия бога в мире» классовой сущностью государства, К. Маркс неразрывно свяжет его с гражданским обществом, той его частью, которая победила в конкурентной борьбе и стала правящей элитой. Член гражданского общества — буржуа — является субъектом прав человека, описывающим его как «изолированную монаду», эгоистического индивида, обособившего свой частный интерес от интереса всеобщего. Законченную форму марксовская концепция гражданского общества обретет к 1850-м гг., однако идея государства, вырастающего из общественных отношений, из гражданского общества сложилась уже в «Критике гегелевской философии права».

Оценка К. Марксом взглядов Г.Ф.В. Гегеля относительно гражданского общества позволяет увидеть не только динамичность взглядов по данному вопросу, их критический характер. По существу устанавливается и разъясняется масштабное значение и причинная связь между отношениями, находящимися внутри гражданского общества и объяснением назначения государства, которое в условиях антагонизма классов, как потом было более подробно и многосторонне показано К. Марксом, не способно осуществить радикальные позитивные преобразования, движущей силой которых станет класс, выходящий из гражданского общества.

Идея преобразования мира как изменения исторического процесса одним из элементов у К. Маркса имела идею гражданского общества выступающего средой социального революционирования. Само государство себя менять не будет. Это может быть осуществлено лишь необходимостью, основанной на несправедливости экономическом принуждении, частной собственности, присвоением результатов труда одних другими.

Буржуазный смысл гражданского общества будет заменен наполнением общества общей целью самоуправления, уничтожения классов, экономического неравенства, наличием общественной собственности. Идея гражданского общества обретает в такой проекции совершенно иной смысл: она несет в себе свободу — один из постулатов гегелевской теории, но обретаемой путем исторических материалистических изменений.

А.Я. ВЫШИНСКИЙ КАК ИНТЕРПРЕТАТОР ИДЕЙ ПРАВА У К. МАРКСА

Д.А. Пашенцев

Научное творчество К. Маркса настолько многообразно, что вызывает множество интерпретаций. А.Я. Вышинский как один из интерпретаторов идей К. Маркса заслуживает внимания потому, что в течение достаточно долгого времени он, с одной стороны, являлся выразителем официальной позиции правящих кругов по этому вопросу, с другой стороны, он был одним из тех, кто активно влиял на процесс становления и развития советской юридической науки¹.

Те посты, которые занимал Вышинский, и та роль, которую он играл в государстве и юридической науке, определяют актуальность обращения к его трактовкам научного наследия К. Маркса.

Вопросы права и государства у К. Маркса Вышинский рассмотрел в своем докладе на заседании Отделения общественных наук Академии наук СССР 27 апреля 1938 г. Его доклад, посвященный 120-летию со дня рождения Маркса, был опубликован в качестве отдельной книги².

Прежде всего, отметим, что в силу господства марксизма как официальной идеологии подходить критично к работам К. Маркса

¹ А.Я. Вышинский (1883–1954) был советским государственным деятелем и юристом. Он занимал такие значимые для юридической науки и практики должности как Прокурор СССР, ректор Московского государственного университета, директор Института права Академии наук СССР, ответственный редактор журнала «Советское государство и право», председатель Юридической комиссии при Совете народных комиссаров СССР, министр иностранных дел СССР. Вышинский был академиком АН СССР, доктором юридических наук, профессором. Его считают активным участником сталинских репрессий, выступавшим обвинителем на самых крупных судебных процессах 1936–1938 гг.

² Вышинский А.Я. Вопросы права и государства у К. Маркса. М.: Изд-во АН СССР, 1938.

и высказанным в них идеям было невозможно. Соответственно, в докладе Вышинского и не прослеживается никакого намека на критику. Напротив, автор говорит о «всеобъемлющем характере гения Маркса», который создал «бессмертные произведения науки».

Доклад Вышинского построен следующим образом: на первых страницах приводятся многочисленные цитаты из работ В.И. Ленина и И.В. Сталина, которые всячески восхваляли гений Маркса и подчеркивали значение его учения, а затем приводится критика взглядов «буржуазных» ученых на право и государство. В частности, Вышинский критикует таких известных авторов, как Л. Дюги, Г.Ф. Шершеневич, Л.И. Петражицкий, М.А. Рейснер и другие. По мнению Вышинского, вопросы права и государства до Маркса оставались «совершенно научно не разработанными, представлявшими собой груды исторического и философского хлама, лишенными всякого научного содержания»¹.

Критика домарксистского правоведения относится не только к зарубежной, но и к отечественной науке. По поводу последней Вышинский полагал следующее: «В русской дореволюционной юридической литературе господствовали те же абсолютно ненаучные взгляды, что и в западноевропейской буржуазной теории. Достаточно указать на таких выдающихся юристов старой России, как Чичерин, Градовский, Коркунов, Петражицкий»².

Критикуя подходы к праву, высказанные Рейснером, Вышинский в доказательство своей правоты приводит слова Маркса: «Общество покоится не на законе. Это — фантазия юристов. Наоборот, закон... должен покоиться на обществе»³.

Критикует Вышинский и П.И. Стучку, у которого «имеется ряд серьезных ошибок, ряд антимарксистских, антиленинских положений»⁴. К числу таких положений Вышинский относит то понятие права, которое отстаивал Стучка. Под правом Стучка понимал форму организации общественных отношений, то есть отношения производства и обмена. По мнению Вышинского, такое понимание явно противоречит марксизму, который понимает право как возведенную в закон волю господствующего класса, то есть как одну из надстроек над общественными отношениями. Право, по Вышинскому, который в данном случае апеллирует к Марксу, есть «одна из форм политических отношений», которые выражают определенный общественный строй.

¹ Вышинский А.Я. Указ. соч. С. 6.

² Вышинский А.Я. Указ. соч. С. 8.

³ Вышинский А.Я. Указ. соч. С. 9.

⁴ Вышинский А.Я. Указ. соч. С. 17.

Анализируя работы Маркса, в первую очередь, «Немецкую идеологию», Вышинский пишет, что Маркс разоблачил представление идеалистов о законе как порождении воли людей. Согласно Марксу в его интерпретации Вышинским, «государство и право возникают из материального образа жизни людей и имеют лишь форму господствующей воли, или, иначе говоря, представляют собой выражение этой воли»¹. Право, таким образом, порождается производственными отношениями.

Характеризуя взгляды Маркса на право, Вышинский называет немецкого ученого юристом, который «громадное внимание» уделял вопросам юриспруденции. Вся критика гегелевской философской системы у Маркса, по словам Вышинского, выросла из критики гегелевской философии права.

Рассуждая о понимании права Марксом и опираясь при этом на многочисленные цитаты из его работ, Вышинский, в частности, отмечает, что Маркс «разоблачил» «лженаучные противопоставления материального и процессуального права», как содержания и формы, указал на единство материального и процессуального права.

Характеризуя советское право, Вышинский отмечает, что оно, в отличие от права буржуазного, «целиком и полностью направлено против эксплуатации и эксплуататоров». Его задача — служить делу построения социалистического общества. Исходя из этого, Вышинский сформулировал собственное определение права: «Право — совокупность правил человеческого поведения, установленных государственной властью, как властью господствующего в обществе класса, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью и осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата, в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»².

Стоит напомнить, что в 20-е годы ряд правоведов полагали, что право есть принадлежность исключительно буржуазного общества, что в советском государстве оно должно отмереть и процесс отмирания уже начался и его следует ускорить. Например, один из создателей Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. Гойхбарг писал: «Всякий сознательный пролетарий знает в настоящее время или, по крайней мере, сотни раз слышал, что религия — опиум для народа. Но редко кто, мне кажется, сознает, что право есть еще более отравляющий и дурманящий опиум для того же народа»³.

¹ Вышинский А.Я. Указ. соч. С. 20.

² Вышинский А.Я. Указ. соч. С. 37.

³ Гойхбарг А.Г. Несколько замечаний о праве // Советское государство и право. 1924. № 1 (7). С. 3.

Вышинский, напротив, высказал уверенность в том, что советскому праву суждена долгая жизнь, что оно будет играть важную роль в создании социалистического государства, подкрепив свое мнение многочисленными ссылками на работы Маркса.

По этому поводу он выразил свою позицию в следующих тезисах.

Во-первых, пролетариату нужны суд и закон.

Во-вторых, пролетарская судебная система опирается на такие принципы судопроизводства, как гласность, непосредственность, состязательность.

В-третьих, «пролетариату нужны уголовные кодексы, гражданские кодексы, процессуальные кодексы»¹.

К вопросу о критике критиков права Вышинский возвращался еще не раз. В частности, он говорил об этом даже в 1948 г.: «Около 15–20 лет назад мы пережили болезнь правового нигилизма, когда советское право объявлялось «юридическим бараклом»... Это было время, когда среди нас были «ученые», который отрицали значение советского законодательства»².

Отмечая, что все советское право выражает государственную волю пролетариата, Вышинский особо выделяет уголовное право. По его мнению, «советское уголовное право — выражение и регулятор общественных отношений, возникающих между советским государством и гражданами, в известных случаях, определенных государством и от имени государства — властью, и при известных, также определенных государственной властью, обстоятельствах»³.

Право, по Вышинскому, служит укреплению социалистической законности, а для этого требуется стабильность законов, о которой говорит И.В. Сталин. Стабильность законов укрепляет прочность государственного порядка и государственной дисциплины. В этом вопросе Вышинский вместе со Сталиным фактически снова возражает уже упоминавшемуся Гойхбаргу, который считал, что стабильность законов нужна лишь буржуазии. В частности, Гойхбарг писал, что буржуазным законодателям была нужна стабильность закона, так как его авторитет покоился на его древности, освященности веками, даже если и качество было неудовлетворительное. Но победивший пролетариат не нуждается в древних законах. «Поэтому самые важные законы, своды законов, кодексы законов должны были в буржуазном строе сохраняться века, хотя бы содержание их переставало обнимать живую жизнь и ей соответствовать»⁴.

¹ Вышинский А.Я. Вопросы права и государства у К. Маркса. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 37.

² Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 398.

³ Вышинский А.Я. Вопросы права и государства у К. Маркса. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 37.

⁴ Гойхбарг А.Г. Социальное законодательство Советской республики (введение). М.: Издание Народного комиссариата юстиции, 1919. С. 4.

По мнению Гойхбарга, «Трудящие массы, ставшие распорядителями жизни, не имеют никаких оснований создавать для себя законы-идолы, законы-фетиши, законы-пугала... Им некого страшить идеями незыблемого закона, не для кого облекать свои законы в мистические, таинственные покрывала», и при изменении жизненных обстоятельств «трудящиеся массы, не задумываясь, заменят их новыми»¹.

Снова обращаясь к Марксу, Вышинский пишет, что, по мнению последнего, на первой фазе коммунизма нет еще равного права (равного права каждого на равный продукт труда). «Это право все еще неравное право, так как оно исходит из применения равного, одинакового масштаба к различным, неодинаковым по своим потребностям и своему положению, людям»².

Советское право, по мнению Вышинского, выполняет очень важные функции. Оно является способом регулирования общественных отношений, средством контроля со стороны общества, методом и средством охраны интересов социалистического общества и прав граждан. Социалистическое государство вплоть до полного своего отмирания не может обходиться без права. «Право, как и государство, отомрет лишь на высшей стадии коммунизма»³.

Таким образом, Вышинский, опираясь на авторитет К. Маркса, подвел определенный итог тем дискуссиям, которые велись среди советских юристов по поводу права и его будущего. Он прямо объявил ненаучными взгляды большинства советских правоведов, в том числе тех, которых к тому моменту уже не было в живых. Вышинский с высокой трибуны официально подтвердил, что советское право имеет право на существование, что вопрос о его отмирании на этом этапе не стоит, напротив, роль права в перспективе будет даже возрастать. Вместе со Сталиным он также высказал идею стабильности советского закона как основы социалистической законности и укрепления порядка. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с одной из интерпретаций учения Маркса, которое отвечало интересам и задачам руководства Советского государства на конкретном этапе его существования.

Интерпретация идей Маркса, реализованная Вышинским, имела четко выраженную задачу — обосновать правомерность существования советского права, поставить точку в дискуссиях о его природе, сущности и назначении. Опираясь на авторитет Маркса, Вышинский жестко раскритиковал своих предшественников в сфере юриспру-

¹ Гойхбарг А.Г. Указ. соч. С. 5.

² Вышинский А.Я. Вопросы права и государства у К. Маркса. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 38.

³ Вышинский А.Я. Вопросы права и государства у К. Маркса. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 39.

денции, представив собственную юридическую концепцию как единственно верную. Для этого он использовал ряд идей Маркса, преподнесенных в выгодном для себя ключе. Среди них отметим положения Маркса о том, что право имеет классовый характер; государство и право порождаются общественными отношениями и имеют материальную природу; право представляет собой одну из надстроек над общественными отношениями.

ТЕОРИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА: ОБРАЩЕНИЕ К РАННЕМУ К. МАРКСУ

И.Ф. Мачин

В 1842 году 24-летний К. Маркс приступил к работе в редакции «Рейнской газеты», с этого момента берет свое начало его публицистическая деятельность.

За год до того на философском факультете Йенского университета он защитил диссертацию «Различие между натурфилософией Демокрита и Эпикура». Напомним: Маркс изучал право, историю и историю искусств в Боннском и Берлинском университетах. Вот тот интеллектуальный багаж, который был у Маркса к началу его работы в редакции «Рейнской газеты».

Университетские знания, полученные Марксом, пригодились ему при написании первых статей, таких как: «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции (1842)», «Дебаты по поводу закона о краже леса» (1842) и др.

И что особенно интересно для правоведов, в этих статьях Маркс критикует прусское законодательство и прусское государство *не только как философ*, но и как *теоретик* и как *социолог права и государства*.

Итак, «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» (1842).

В этой статье Маркс обосновывает неприемлемость введения в Пруссии института цензуры в силу того, что:

1) этот институт противоречит праву как таковому.

Маркс выступал сторонником *формального права*, т.е. права, которое позволяет признавать каждого гражданина формально равным другому гражданину. Введение же цензуры будет означать установление особых привилегий для цензоров, т.е. произойдет возврат к *сословному праву*, как привилегии для одной из сторон.

Маркс писал: «Закон, карающий за образ мыслей, не есть закон, изданный государством для его граждан, это — закон одной партии против другой»¹;

2) *цензура противоречит одной из аксиом права.*

В современной теории права используется понятие аксиомы права, под которой понимается юридическое выражение разумного начала в жизни гражданского общества.

Аксиомы права — это положения, которые не требуют доказательств; они признаются обязательными общественным и профессиональным правосознанием в рамках как национального, так и международного сообществ.

Одна из важнейших аксиом права: *Nemo iudex in propria causa («Никто не может быть судьей в своем собственном деле»)*.

Эта аксиома права использовалась, в частности, английским философом *Дж. Локком*, который, с опорой на нее, признал неприемлемость абсолютной монархии как формы правления. Так, Локк обратил внимание на то, что «цель гражданского общества состоит в том, чтобы избегать и возмещать те неудобства естественного состояния, которые неизбежно возникают из того, что каждый человек является судьей в своем собственном деле»². И потому, по Локку, сохранение абсолютной монархии означает, что монарх продолжает оставаться судьей в своем собственном деле. Несколько ранее, аксиома «Никто не может быть судьей в своем собственном деле» стала значимой для английского судьи *Коука*, который применил ее в далеком 1610 г. для решения дела врача Бонхэма против Врачебной Палаты. Был создан соответствующий судебный прецедент³.

Представляется, что и Маркс использовал эту аксиому, но уже для критики института цензуры.

Так, Маркс полагал, что инструкция о цензуре:

— *требует* неограниченного доверия к сословию чиновников;

— *исходит* из неограниченного недоверия к сословию нечиновников.

Маркс задавался вопросом: почему мы не должны считать подозрительным именно это сословие — сословие чиновников?

Для него право на безоговорочное мнение кого-либо, в данном случае цензоров, выступающими судьями в своем собственном деле, является *правом на произвол*.

Заметим, что Маркс не только критикует институт цензуры, но и намечает решение проблемы надзора за печатью (цензуры), не входя

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 15.

² Локк Дж. Сочинения: в 3-т. М., 1988. Т. 3. С. 312.

³ См.: Четвернин В.А. Лекции по теории права. Вып. 1. М., 2000. С. 60.

в противоречие с указанной аксиомой. Так, Маркс полагал, что цензура, к примеру, могла бы иметь временно-лояльный характер, если бы она была подчинена обыкновенным судам.

Статья «Дебаты по поводу закона о краже леса» (1842)

В этой статье Маркс продолжает критиковать *сословное право*, в данном случае, — обычное право привилегированных сословий. Так, он отрицает патримониальную юрисдикцию, т.е. феодальное право помещика судить и подвергать наказанию своих крестьян.

Таким образом, мы видим, что Маркс мыслит как теоретик права, указывая на то, что патримониальная юрисдикция противоречит аксиоме права: «Никто не может быть судьей в своем собственном деле». В споре же между помещиком и крестьянином победа всегда остается за помещиком.

Однако эта статья позволяет сделать еще один вывод: Маркс показывает возможность анализа политической и правовой реальности с позиций таких наук, как *социология государства* и *социология права*.

Как *социолог государства*, Маркс исследует зависимость между частным интересом и — государством. Поводом же для такого рассмотрения стал прусский законопроект о краже леса. Маркс показывает, что частный интерес способен низвести государство до роли *средства* частного интереса, в частности, лесовладельца, совсем не защищая при этом интересы крестьян. В понимании Маркса, государство в подобном случае «выходит из своей колеи» и низводится до роли исключительно *орудия лесовладельца*, а все органы государства становятся «ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес лесовладельца подслушивает, высматривает, оценивает, охраняет, хватает, бегает»¹.

В отличие от *предшествующих авторов*, которые рассматривали государство через призму интересов *богатых* и *бедных*, Маркс связывает государство скорее с определенными профессиональными группами. Вспомним, что:

Мор в XVI в. понимал существующее государство как «заговор *богатых*»;

Бабёф в XVIII в. рассуждал о «республике одного миллиона *богатых*».

Маркс же выходит на проблему лоббирования: он мыслит как современный социолог государства, рассуждающий о лоббистских организациях, стремящихся при помощи государства обеспечить интересы различных слоев населения (военных, предпринимателей, фермеров и т.д.).

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 142.

Однако в последующих своих работах, Маркс будет использовать уже философские, а не социологические понятия. Так, в «Манифесте Коммунистической партии» (1848) современную государственную власть он будет определять с помощью *философского* понятия «класс буржуазии»: «Современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами класса буржуазии»¹.

В той же работе («*Дебаты по поводу закона о краже леса*») Маркс рассуждал и как *социолог права*. Так, анализируя прусский закон о краже леса он делает вывод, что в право «протаскивают» материальное содержание частного интереса, — интереса только лесовладельцев. Тем самым, Маркс сформулировал проблему, которая не потеряла своей актуальности до настоящего времени: законодательство может защищать интересы отдельных групп давления в ущерб общенациональным интересам (интересам большинства населения).

4. Заметим, что прусский закон о краже леса, который в свое время анализировал Маркс, был востребован современной немецкой судебной практикой. Однако немецкие судьи должны были проинтерпретировать этот закон не как социологи права (к примеру, Маркс), а как правоприменители. При рассмотрении конкретного дела о краже деревьев с помощью автомобилей, они должны были решить вопрос о допустимости использования аналогии уголовного закона. Верховный федеральный суд, руководствуясь буквой закона и запретом аналогии, должен был бы ограничиться наказанием, установленным за обычную кражу леса. На самом деле Верховный федеральный суд принял другое решение и вынес приговор, сделав исключение из запрета аналогии в уголовном праве. Однако современный немецкий правовед Гельмут Фристер вполне справедливо считает, что исключений быть не должно: «Чтобы этого не происходило, нужно соблюдать границу, устанавливаемую смыслом слова, в том числе тогда, когда это приводит к внешне абсурдному результату»².

Итак, речь может идти о различных способах анализа юридических законов: социологическом, т.е. научном (Маркс) и формально-догматическом, который используют правоприменители.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 1984. С. 27.

² Фристер Г. Уголовное право Германии: общая часть. 5-е изд. М., 2013. С. 67.

КРИТИКА МАРКСИЗМА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА (П.И. НОВГОРОДЦЕВ)

Н.А. Фролова

В юбилейный год известного социолога, философа, экономиста, общественного деятеля К. Маркса (1818–1883) в научной среде специалисты, независимо от своих философско-методологических установок, обращаются к фундаментальному учению К. Маркса, осмысливается вклад марксистской идеологии в социальные науки и практику преобразований государства и общества, переоценивается полемика Маркса с другими политическими теориями и общественными движениями. Для более глубокого и всестороннего понимания этого процесса интересно обратиться к той критике в отечественной философии права в адрес теории К. Маркса и Ф. Энгельса, которая по идеологическим причинам была незаслуженно забыта в советский период времени.

В русской философии права рубежа XIX–XX вв. большое внимание уделялось марксизму, в частности, в среде неокантов, которые по методологическим основаниям своих воззрений противостояли классической доктрине марксизма. Примером такого подхода можно назвать политико-правовое учение П.И. Новгородцева. Павел Иванович Новгородцев (1866–1924) — известный русский юрист, философ и теоретик права, большое внимание уделил в своем творчестве исследованию содержания и судеб социализма, высшим проявлением которого, по его оценкам, является марксизм. Вторая глава основной работы ученого «Об общественном идеале» (1917) посвящена критике доктрины К. Маркса. Обстоятельный анализ марксизма, изучение первоисточников, материалов съездов зарубежных социалистических партий — все это послужило причиной того, что современники называли Новгородцева наиболее сведущим марксологом в России той эпохи. В отличие от Н. Бердяева, С. Бул-

гакова, Ф. Степуна, отмечавших в марксизме, прежде всего, нравственную несостоятельность, Новгородцев стремился показать *ненаучность* марксовской теории¹. Марксизм характеризуется в философии русского правоведа как «абсолютный коллективизм», «рационалистический утопизм», «экономический материализм».

Анализируя доктрину Маркса, Новгородцев выделял несколько аспектов этой теории. По его убеждению, это «типичная утопия земного рая», отрицающая самостоятельный смысл личного существования, разрывающая связь человека с мировым законом добра и не видящая в мире ничего, кроме действия материальных сил. Хорошо известно, что, согласно марксистскому учению, все переменны в области политики и права зависят от экономического базиса, как от некоторой субстанциальной основы. Исходя из этого положения, рассуждал русский философ, осуществление правды и добра заключено в рамки материальной нужды, а духовная жизнь человечества объясняется только лишь из экономических интересов и из борьбы классов. Экономический базис признается всемогущей и всеобъемлющей силою, источником закономерности и необходимости истории, залогом прогресса и счастья человечества. Марксизм, по оценкам Новгородцева, не может претендовать на научное изложение идей, поскольку он (марксизм), отрицая все сверхъестественное и чудесное, в то же время, предсказывает осуществление на земле абсолютного идеала, которое нельзя понять иначе, как выход из естественных условий, как «чудо всеобщего преобразования»². Тем не менее, заметим, что это несоответствие, на которое справедливо обращал внимание русский юрист, носит, скорее, мировоззренческий характер — Новгородцев, как представитель неокантианской философии права, выступал приверженцем идеала самодостаточной, самоценной личности, не заслоняемой никакими общественными формами, в отличие от жестко детерминированной экономическими отношениями социологической доктрины Маркса.

Вместе с тем отечественный правоведа, будучи глубоким философом и историком права, стремился выявить более значимые в теоретическом плане несоответствия марксистской доктрины. Доказывая свою позицию, он апеллирует к произведениям самих классиков марксизма, что придает его критике логическую и историческую ценность. Кроме этого, Новгородцев сумел показать марксистскую идеологию в развитии, проанализировав различия в понимании его содержания и назначения на рубеже XIX—XX вв. со

¹ В этой критике Новгородцев следует Р. Штаммлеру, который стремился доказать именно ненаучность марксизма. См.: Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории: социально-философское исследование. СПб., 1899.

² Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 228.

стороны идеологов социалистического реформизма и революционного синдикализма.

Коренное противоречие марксизма, как социальной концепции, Новгородцев видел в противоречии между утопией и реальностью — это противоречие между объективно-научным базисом его социологических построений и «чудесными превращениями» в области мистификаций. Данную коллизию, утверждал он, нельзя разрешить, не отказавшись от догматической веры в единospасающий характер марксистского учения. Кроме этого, в марксизме, по его мнению, отсутствует прочная философская основа — оно «неясное», «совершенно туманное» и т.п. В этих оценках он солидарен с Булгаковым, Новодворским, Масариком — вся философия Маркса и Энгельса есть «догмат веры, в которой нет ни диалектики, ни материализма». В итоге «получается необоснованная теория прогресса, в которой идеалистические верования опираются на материалистическое отрицание, а рационалистический оптимизм сочетается с метафизическим иррационализмом»¹.

В качестве аргументов своей позиции Новгородцев обращается к текстам Маркса и Энгельса. Например, признавая в «Коммунистическом Манифесте» (1847) экономические и политические успехи буржуазии, марксизм в то же время переносит на пролетариат черты абсолютного идеала: он является символом полного возрождения человека и человечества². Отмечая практическую двойственность марксизма, русский правовед подчеркивал черты «эволюционизма» и «утопии», «фатализма» и «прагматизма» в марксизме, причем как на теоретическом уровне, так и на уровне практической деятельности политических партий, течений, направлений социализма. Таким образом, главное противоречие марксизма, по Новгородцеву, заключается в том, что в нем одновременно заложено и стремление к осуществлению реформистского плана, и подготовка революционного ниспровержения существующего строя, что, с логической точки зрения, невозможно. Именно поэтому, как заявлял русский ученый, социализму рано или поздно приходится выбирать одно из двух: или идти в ногу с другими классами, совершать с ними общую историческую работу и добиваться своих целей путем компромисса с существующим строем, или же, отрываясь от общей исторической почвы, резко противопоставлять себя другим классам, отрицать современное общество и государство и стремиться к их разрушению³.

Как известно, развитие социализма в XIX веке выразилось в двух основных течениях — немецкой социал-демократии и французском

¹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 249–250.

² Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 223.

³ См. об этом: Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 514 и мн. др.

синдикализме¹, которые явились предметом глубокого исследования П.И. Новгородцева. Он замечал: «Вражда и раскол в социализме не случайны, а органически неизбежны: они отражают на себе естественное противоборство историзма и утопизма, законного порядка и революционного порыва, власти, поддерживающей преемственность эпох, и силы, беспощадно разрушающей прошлое»². Несмотря на то, что конечную цель своих стремлений все социалисты понимают одинаково, пути, ведущие к этой цели, вызывают острые дискуссии и практическое неприятие другой точки зрения. В этих взаимных осуждениях социалистических групп проявляется внутренняя противоречивость марксизма: будучи по конечным целям доктриной утопической, марксизм, в то же время, претендовал на научный статус и реалистичность своего учения, развивавшегося на почве рабочего движения, ставящего конкретные задачи перед пролетариатом.

Главное отличие социализма реформистского от революционно-Новгородцев определил следующим образом: «Одни всей душой уходили в будущее и лишь допускали настоящее как временную ступень (революционный синдикализм — Е.Ф.); другие, напротив, отдавались всецело работе для настоящего и лишь формально и теоретически присоединялись к мечте о будущем» (социал-демократический реформизм — Е.Ф.). При этом необходимо понимать, что реальные нужды рабочего класса «не могут быть отложены до наступления социалистического строя; уже в рамках современного государства они требуют своего удовлетворения, а это не может быть достигнуто иначе, как на почве соглашений с другими классами»³. Отсюда происходит раздвоение социализма, каждое из направлений которого тщательным образом философ права рассматривал во второй части книги «Об общественном идеале».

Анализируя деятельность германской социал-демократической рабочей партии, материалы съездов и выступления Каутского, Бебеля, Либкнехта, Бернштейна, Новгородцев отмечал резкое противоречие между программой, предусматривающей насильственное ниспровержение существующего строя и практической деятельностью, направленной на улучшение экономического, политического, культурного положения класса наемных рабочих, на проведение реформ в рамках действующего государства, без какого-либо помысла низвержения капиталистического строя в целом. Ученый справедливо подчеркивал: «Социальное преобразование не может осу-

¹ Существует другой подход к характеристике социалистических течений XIX в.: анархо-социализм (Прудон, «мютюэлизм»), анархо-коллективизм (Бакунин), анархо-коммунизм (Кропоткин) признаются разновидностью социализма.

² Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 512.

³ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 514.

шествиться путем внезапного нападения, и социальная революция вовсе не одно и то же, что политическая революция»¹. Это и есть, по его оценкам, полное крушение самой идеи марксизма, уверовавшей в единospасающий характер своей доктрины: «Если истина текущего дня может сделаться завтра бессмыслицей, то, как вообще можно говорить о грядущем торжестве социализма?»². Новгородцев всецело разделял позиции социал-демократии в отношении мирного, постепенного вращания современного государства в будущее, идеи постепенного перехода от капиталистического строя к социализму путем последовательных реформ и замечал, что это и есть «настоящая теория реформистского, парламентского социализма, которая не могла быть понята иначе, как в согласии с основами теории правового государства»³. обстоятельно исследуя возможности мирного выхода из революционных потрясений, он выявлял критерий связи класса, группы, индивида — национальное единство. Оценивая взгляды поздней социал-демократии на содержание социализма, русский правовед обращал особое внимание на примиренческую тактику идеологов этого направления (Наторп, Онкен, Зомбарт, Вильбрандт, Шпенглер, Бюрк): «Национальное единство считается невозможным без социального примирения, а социальная реформа представляется осуществимой не иначе, как при помощи сознания общей национальной связи». Таким образом, на практике социал-демократическая партия склонялась к идее социальных реформ на почве правового государства⁴. Однако стоит заметить, что социализм, ставящий своей задачей примирение пролетариата с условиями капиталистического общества (даже временно, даже формально) противоречит основной идее классического марксизма — идее насильственного ниспровержения власти буржуазии и диктатуре пролетариата. Можно ли считать подобный подход марксистским⁵? Новгородцев отвечал на него отрицательно. (К слову, Зомбарт и

¹ Так, Либкнехт, обсуждая программу партии на съезде в Галле заявлял: «... Мы лишены всяких данных для предсказаний, каким будет государство и общество (...) через 10 лет или даже через 1 год. Что сегодня считается истиной, завтра признается бессмыслицей. Что сегодня является идеалом, завтра будет действительностью, а послезавтра реакцией». Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1990. С. 378. Желание практически улучшить положение рабочего класса хорошо видно из речи Либкнехта на Эрфуртском съезде: «... Мы везде деятельно вступались за благо рабочих классов — в общинах, в лантаге, в рейхстаге; мы пользовались каждым оружием, которое мы имели. Мы не сделали так, как тот человек в Англии, который не хотел мыться, когда у него не было целого моря, и потому вовсе не мылся». См.: Protokoll über die Verhandlungen des PT. Der SDRD. Abgehalten zu Helle, S. 206. Цит. по: Новгородцев П.И. Об общественном идеале. С. 381.

² Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 378.

³ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 380.

⁴ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 384.

⁵ Бакунин в свое время предостерегал марксизм от вступления на путь легальной политической борьбы, видя в этом измену делу социальной революции.

Вильбрандт заявляли о своем полном отмежевании от марксизма: «Социалистом может быть только тот, кто не марксист»). Легко заметить, что симпатии Новгородцева на стороне немецкой социал-демократии¹, как по форме выражаемых требований, так и по существу учения — он, как философ и правовед, горячо отстаивал в рамках идеи правового и социального государства право на достойное человеческое существование и считал возможным его реализацию только на основе мирного постепенного реформирования общества.

Иное происходит в течении революционного социализма, классическим примером которого является французский синдикализм. Идеям солидарности классов и социального мира революционный синдикализм противопоставляет непримиримую и беспощадную вражду классов. Новгородцев настоятельно подчеркивал опасность насильственных крайних мер, предлагавшихся теоретиками синдикализма — забастовки, саботаж, бойкот недолго оставляют без серьезного потрясения хозяйственную жизнь государства. Теоретик революционного синдикализма, автор «Размышлений о насилии», «Иллюзий прогресса» Жорж Сорель — ярый противник солидарности, мирного сосуществования вообще. Спасение, по его мнению, может быть только «в борьбе, в развитии противоположностей, в обороте крайностей и в завершающем этот процесс конечном катастрофическом насилии»: «Насилие пролетариата, — заявлял Сорель, — не только может обеспечить будущую революцию, но, по-видимому, оно представляет из себя также и единственное средство...». Новгородцев, ставя в центр своих философских и правовых исканий личность и ее безопасность, категорически отрицал насилие любого уровня. Установка на насилие, справедливо рассуждал он, лишает личность возможности не только развиваться, но даже существовать. В то же время в одном отношении социализм Сореля, по мнению русского юриста, представлял определенный интерес: французским теоретиком синдикализма предпринята попытка определить нравственные условия, при которых возможно осуществление идеального социалистического строя. Вопросы морали у Сореля, и это отличает его позицию от марксистской, имеют первостепенное значение: «Не совершенство общественной организации, а свободный подвиг сознательной личности ставится здесь во главу угла»².

¹ Немецкий социализм, исповедуя в теории доктрину Маркса и Энгельса, на практике руководствовался идеями Руссо и Гегеля. Объявляя себя безгосударственным, по существу, он «движется на путях правового государства и легальной политики». Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 458.

² См.: Les Illusion du progress. 1906. Цит. по: Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 453.

Политическая теория синдикализма разрабатывалась сподвижниками Сореля — Лягарделем и Бертом. Суть их воззрений заключалась в теоретическом и практическом неприятии государства; на место последнего ставился процесс саморегулирования экономического оборота, что сближало в этом отношении подходы сторонников синдикализма с концепцией Прудона. Для этого направления социализма характерна идея профессионального федерализма, заимствованная у Дюги и Бенуа. Лягардель и Берт, как и Сорель, всецело были поглощены идеей классовой борьбы и, следовательно, положение о практической деятельности в условиях существующего порядка совершенно ими устраняется не только на практике, но и в самой теории. В этом смысле представители французского синдикализма стоят ближе к классическому марксизму, однако с экономико-политическими нуждами пролетариата эта теория практически не связана. Руководящее значение приобретает у представителей революционного синдикализма психология рабочего класса, именно в эту область направляют они весь свой пыл, но не более того: «Это учение — не марксизм и не прудонизм, это некоторый новый и своеобразный ницшеанский социализм. На почве массовой психологии, направляемые и выдвигаемые ею, действуют особо призванные вожди, люди героического подъема и революционного подвига»¹. Следует отметить, что русский мыслитель отрицательно относился не только к теоретическим аспектам, но и к самому духу синдикализма, к тем практическим выводам, которые из этой теории с неизбежностью следуют. Революционный синдикализм для него — это «кризис нетерпения», «жажда непосредственной реализации революционной идеи».

Новгородцев писал об очевидном крушении социалистических утопий земного рая, поскольку теория марксизма, содержащая глубокие внутренние противоречия, на практике была представлена столь же враждебными противоположностями — реформизмом и революционизмом. При этом, отмечал философ права, «вражда и раскол в социализме не случайны, а органически неизбежны: они отражают на себе естественное противоборство историзма и утопизма, законного порядка и революционного порыва, власти, поддерживающей преемственность эпох, и силы, беспощадно разрушающей прошлое»².

После октября 1917 года критическое отношение Новгородцева к марксизму резко обострилось. Он изучил работу В.И. Ленина

¹ Lagardelle Le socialisme juvrien. P. 291–292 (статья Syndicalisme francais etrannnger (1906). Цит. по: Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 477.

² Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 512.

«Государство и революция», отметив несбыточность ряда предреволюционных надежд и, главным образом, расхождение пагубной для страны практики большевистской диктатуры с теоретическими положениями марксизма¹. Такой неподдельный интерес к теме построения общественного идеала по доктрине марксизма свидетельствовал о повышенной озабоченности ученого в отношении возможного воплощения коммунистических идей в России. Эти неутошительные прогнозы компенсировались его уверенностью в том, что в конечном итоге, победа окажется на стороне реформистского социализма: «Мы должны с не оставляющей сомнения резкостью подчеркнуть, что историческое осуществление социалистических начал явится вместе с тем и полным крушением марксизма»². Позитивное значение социализма в лице Маркса, по Новгородцеву, состояло в том, что в своих практических основаниях он был выражением известной исторической необходимости, относительным, но насущным требованием времени. В этом смысле основное зерно марксизма глубоко вошло в новейшее сознание и стало необходимым элементом каждой политической системы, притязающей на титул современности³. Позднее, в статье «О путях и задачах русской интеллигенции» (1921), Новгородцев замечал, что учения социализма и анархизма имеют свои прообразы в утопии французской революционной доктрины XVIII в. с ее верой во всемогущее значение учреждений, в чудесную силу человеческого разума, в близость земного рая. Изменилось отношение ученого в этот период (1917—1918 гг.) и к содержанию этих доктрин⁴. В это время в его творческой деятельности еще более четко выразился либеральный настрой, возникший, и укрепившийся под воздействием политических событий в России в эпоху революций и гражданской войны. Если в работе «Об общественном идеале» он теоретически обосновывал и допускал возможность воплощения отдельных положений социализма и анархизма в действительности, то теперь он видел в этих доктринах лишь отрицание всех жизненных устоев⁵. Столь непри-

¹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 271, 281 и след.

² Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 515.

³ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 519.

⁴ «Несчастье заключается в том, что яд социалистических и анархических учений отравил собою, глубоко проник во все мирозерцание русского просвещенного общества». Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции. Сб.: Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 246.

⁵ «Ранее, — замечает Новгородцев, — не было представления о том, что эти учения хотят, выражаясь языком Штирнера, построить жизнь «ни на чем», что они совершают свои построения вне основ культуры, на той высоте отвлеченного рационализма, где подрываются все корни истории. Социализм и анархизм в своем чистом и безусловном выражении атеистичны, космополитичны и безгосударственны, и в этом смысле они ничего не могут построить, не отрекаясь от своей сущ-

миримое отношение к идеям социализма и анархизма основывалось уже не только на исследовании теоретических трудов их классиков и примерах Германии и Франции, но и на происходящих в эти годы событиях в России.

Под влиянием революционной действительности кантианская мысль в учении Новгородцева о необходимости реформирования общественно-политической жизни в духе западноевропейского либерализма усиливалась и подкреплялась новыми идеями и фактами. В духе Канта Новгородцев признавал необходимость своевременного общественного реформирования с учетом нравственных предпосылок государственной жизнедеятельности. Однако в России «несоциалистическая мысль не могла достигнуть этой степени зрелости; она блуждала в потемках и смутно тянулась к социализму, не подозревая, что нравственная основа социализма — уважение к человеческой личности — есть начало либеральное, а не социалистическое, и что в учениях социализма эта основа не развивается, а затемняется»¹. Выход из этого несчастья для России Новгородцев, как и другие теоретики права неокантианского направления, усматривал в идее социально-правового государства в качестве относительного идеала. Важно, считал он, «чтобы утвердилось убеждение, что отщепенство от государства — этот духовный плод социалистических и анархических влияний — должно быть с корнем исторгнуто из общего сознания, и что в этом необходимый залог возрождения России». Симпатии ученого оказались на стороне теории Бернштейна еще и потому, что немецкий идеолог реформизма, стремясь подчеркнуть ошибочность идей марксизма, выдвинул лозунг «Назад, к Канту!», что в методологическом и философском плане очень импонировало русскому приверженцу критической философии.

Анализ Новгородцевым теории марксизма и ее исторических судеб явился заметной вехой в истории политической и правовой мысли. Русский государствовед во многом прав в ее оценках. Вместе с тем следует заметить, что философия права Новгородцева, как и других неокантианцев, была рассчитана на достаточно узкий круг образованных по европейскому образцу людей доктринального мышления. Возможно, это обстоятельство, среди прочих, послужило причиной того, что на практике в России возобладали соци-

---

ности: их основное стремление может быть только разрушительным». Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции. Сб.: Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 247.

¹ Новгородцев П.И. О путях и задачах Русской интеллигенции. Сб.: Из Глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 247.

алистические начала — марксистские, ориентированные, прежде всего, на психологию масс, а потому и легче воспринимаемые народом.

Что касается существа предъявляемых со стороны Новгородцева к марксистскому учению требований, то, используя этот же подход, нельзя не отметить, что упреков не лишена и его концепция общественного идеала. Относя идею правового и социального государства к области относительных идеалов, ученый говорил об условиях и предпосылках осуществления нового государства и о воспитательных функциях будущих учреждений. Заметим, что в отличие от системы общественного воспитания (марксизм), Новгородцев предлагал решать этот вопрос (общественное воспитание) с позиций неолиберализма, а именно, строить отношения личности и общества по аксиоме: человек от природы наделен потребностью самобытного развития своих личных качеств, общество же должно помогать ему в их реализации и дальнейшем самосовершенствовании. Не менее ли утопичен проект преобразований, предложенный Новгородцевым: где, когда и при каких условиях смогут быть осознаны эти идеи всеми членами общества? Кто, на основании каких источников будет оценивать степень зрелости воспитательного процесса? Если марксизм в теории Новгородцева отрицается постольку, поскольку он ненаучен и строит свои выводы на массовой психологии (революционный синдикализм) и религиозных догматах, то, что именно предлагается взамен этой системы русским юристом — только система надлежащим образом устроенного общественного воспитания. По существу предлагаемых положений Новгородцев, как представляется, не смог противопоставить марксистскому учению — «системе абсолютного коллективизма» — ничего кроме системы индивидуализма, хотя и не абсолютного, о чем сам не раз упоминал.

В целом стоит заметить, что критика Новгородцевым марксистской идеологии не умаляет фундаментального значения теории Маркса и Энгельса, однако, и в этом заключается научный характер данной критики, Новгородцев четко показал, во-первых, несоизмеримость абсолютного идеала и несовершенных форм его осуществления, во-вторых, социологически преходящий характер доктрины марксизма и, в-третьих, теоретические противоречия учения Маркса и Энгельса. Оценивая политическую концепцию П.И. Новгородцева, можно сказать, что она не только противостояла марксистской идеологии в теории (Новгородцев — неокантианец баденской школы), но и принципиально отличалась от нее на философском, мировоззренческом, ценностном уровне. Кроме того,

добавим, что опыт Российской государственности оказался чрезвычайно полезен для других стран; было показано, что для стабильного, правового, социального государства альтернативы «реформам сверху» нет, о чем с уверенностью писал П.И.Новгородцев в 1922–1923 гг.¹

---

¹ Новгородцев П.И. размышлял об этом в одной из своих последних статей: «Да, жизнь таких народов, каков русский, тяжела и загадочна; она влечет к подражанию, скорее отталкивает другие народы своими судорожными колебаниями, крайностью своих противоречий, вечной страстностью и неудовлетворенностью своего стремления. Судьба таких народов — более страдать от течения жизни, чем наслаждаться ее плодами, более служить человечеству итогами своих устремлений, взлетов и падений, чем самому получать от них внешнюю практическую выгоду или хотя бы настойчиво и успешно искать ее». Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права. М., 1995. С. 381.

МАРКСИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.В. Корнев

Маркс — один из самых выдающихся мыслителей в истории человечества. Это понимают все, и в особенности те, кто тратит огромные усилия на дискредитацию его учения. Касается это, прежде всего, «демократических» стран, где проводится идея свободного рынка и невмешательства государства в экономическую сферу. Да и там время от времени оживает интерес к марксизму. Достаточно сказать, что в 2008 году, когда случился очередной, и, увы, не последний экономический кризис, «Капитал» Маркса оказался в числе лидеров продаж. Значит, его учение не умерло совсем, как нам неустанно говорят. Но мы живем в обществе, где производство товаров в материальном значении в какой-то степени сменилось производством смыслов. В этом процессе занято огромное количество институтов и людей: СМИ, интернет (существует мнение, что это — свободное пространство), школа, высшие учебные заведения, радио, телевидение и проч. Одним словом, в современном обществе информационное воздействие поставлено таким образом, что времена Советского Союза кажутся вполне либеральной эпохой.

Дж. Оруэлл, знакомый с идеями британских глобалистов, описывал их цели примерно так: завоевать весь земной шар и навсегда уничтожить возможность независимой мысли. Атмосферу мышления сделать иной. В перспективе уничтожить искусство, литературу, науку. Стереть всякие границы между прекрасным и уродливым.

Мы же привычно говорим о демократических и антидемократических политических режимах, о методах убеждения и принуждения и т.д. Да, все это так. Но мне больше импонирует позиция И. Бенгама, который говорил следующее: «У власти не так много способов управлять людьми: подкуп, угрозы, создание иллюзий».

Власть, естественно, не может купить всех. Да и экономически в этом нет смысла. Она покупает тех, кто обслуживает режим, и эти субъекты могут быть как коллективными, так и индивидуальными.

Для того, чтобы запугивать и карать, необходимо хорошо кормить тех, кто тебя охраняет. В советском обществе материальное положение, пенсии учителя и судьи были равными. А сейчас? Неужели для формирования гражданского общества и правового государства нам больше нужны судьи? Сомневаюсь.

А вот что касается иллюзий, тут для тех, кто интересуется историей идей, есть, на что обратить внимание. Чтобы действительно управлять людьми, достаточно предложить им хорошо продуманный идеологический проект.

Создатели иллюзий, а среди них можно назвать Кристиана Лавалья, книга которого названа «Человек экономический. Эссе о происхождении либерализма» и который утверждает: «Европа не в меньшей степени, чем Соединенные Штаты Америки, отныне представляет себя землей обетованной»¹. Что любопытно: книга издана в рамках программы «Пушкин» (причем здесь Пушкин?) при поддержке Министерства иностранных дел Франции и Посольства Франции в России.

Мы за последние тридцать лет создали иллюзию капитализма, причем в его русском варианте. Хотя слова «капитализм» почему-то стесняемся.

Мы слишком долго и наивно думали, что западный мир — некий град на холме. Однако до российского читателя практически не доходят произведения западных интеллектуалов, которые констатируют не просто кризис, а тупик западной экономической модели.

Но запад испытывает кризис не только экономической модели, но и цивилизационной. По одной из версий, цивилизация есть перевод идей и практик на понятный язык. Если мы не понимаем этого языка, значим мы — другие.

Кризис западной цивилизации предсказывали Ф. Ницше, О. Шпенглер. Тем не менее современный автор считает нужным категорически отметить, что Россия никогда не будет частью западного политического сообщества, или, если на то пошло, западного мира². Можно привести в пример целую армию ненавистников России, включая У. Черчилля и М. Тэтчер.

По всей видимости, люди рождаются для воплощения каких-либо идей. Собственно говоря, идеи в той или иной мере правят миром. Эта нейтральная позиция, поскольку есть крайние. В одном случае

¹ Лаваль К. Человек Экономический. М., 2010. С. 6.

² Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000. С. 227.

идеи обладают абсолютной властью. Такой точки зрения придерживались, например, Гольбах и Конт. Маркс же, напротив, считал, что идеи не имеют самостоятельного существования, они суть порождение определенных социальных практик или в старой терминологии — общественных отношений.

В контексте подобной точки зрения можно утверждать, что появление на свет К. Маркса 5 мая 1818 г. в городе Трире было простым явлением, то есть репродуктивной функцией семьи, если не считать, что жизнь даруется нам свыше. Сам же Маркс такую точку зрения не принял бы. Внук раввина смотрел на мир через призму материализма, хотя проблема «Маркс и религия» — тема отдельного разговора.

Но как мыслитель Маркс, безусловно, порождение капитализма, который принес миру множество страданий, включая две мировые войны. По мнению К. Лаваль: «Капитализм появился на свет не вдруг, и его развитие стало возможно только благодаря ослаблению религиозных запретов на стяжание денег, ростовщичество и доходные вложения. Возникшая нравственная казуистика привела к тому, что к торговле стали относиться терпимее, тогда как эта деятельность обладала всеми качествами, чтобы стать совершенно чуждой для этики братства, проповедуемой христианскими концепциями общественной жизни»¹.

Апелляция к религиозным корням происхождения капитализма в какой-то степени есть западная традиция. Польза и личный интерес — это стратегические концепции, считает тот же Кристиан Лаваль. Они сыграли очень важную роль в развитии западной мысли, поставившей в центр вселенной человеческое «я».

Изменение интеллектуальных и нормативных отношений между людьми после работ М. Вебера принято отождествлять с началом капитализма и распространением математически просчитываемой экономической рациональности. В результате Запад перешел от одной догматической нормативности, при которой христианское милосердие и благородная щедрость являлись идеальной нормой человеческих взаимоотношений, к нормативности иного порядка, при которой личный интерес становится путеводной нитью человеческого поведения. Не случайно Монтескье в своих «Персидских письмах» писал, что «личный интерес — величайший монарх на земле».

Безусловно, М. Вебер является признанным авторитетом во многих вопросах. Что касается религии и отношений в сфере производства и обмена товарами, большой интерес представляет его книга

¹ Лаваль К. Указ. соч. С. 35.

«Протестантская этика и дух капитализма». Однако и главная книга его жизни содержит немало интересного. Он полагает, что рациональное экономическое обобществление всегда объективировано и овладеть космосом рационального общественного действия невозможно, требуя милосердия от конкретных лиц. Объективированный космос капитализма не оставляет для этого места. Религиозной этике противостоит мир безличных отношений, который принципиально не может подчиниться её изначальным нормам. Чем глубже религия ощущает собственную несовместимость с экономическим рационализмом как таковым, тем скорее религиозная виртуозность приходит к антиэкономическому неприятию мира¹.

Не думаю, чтобы Маркс с этим согласился. С его точки зрения, если религия и повлияла на возникновение капитализма, то это влияние было минимальным. Такой подход плохо вписывается в его понимание истории. Условия жизни людей, общественные отношения определяют характер надстроечных явлений в виде права, государства, религии, искусства и проч. В основе их с Энгельсом учения лежит концепция общественно-экономической формации, которые объективно меняются в ходе социальных революций. История, по их мнению, есть последовательная смена общественно-экономических формаций.

Рождение капитализма протекало в ужасных условиях. Родина капитализма — Англия. Во времена Маркса средняя продолжительность жизни английского рабочего составляла 36 лет, в то время как чиновника — 60. Разница ощутимая. Дети рабочих начинали работать обычно с 6—8 лет в ужасных условиях. Не могу привести источник и не берусь за точность высказывания, но хочу хотя бы по смыслу воспроизвести слова Г. Уэллса, известного писателя-фантаста: «Не зная, кто такой Маркс, я уже был законченным марксистом. Я начал работать в ненавистном мне магазине с 6 лет. Питался скудно. Оплата моего труда была нищенской. У меня не было никаких перспектив в плане получения хотя бы какого-то образования, чтобы выбраться из нищеты. Я бы с удовольствием сжег ненавистный мне магазин. Меня останавливало только одно: я знал, что он хорошо застрахован».

Как видим, марксистами становились не только потому, что прониклись идеями Маркса и Энгельса. Сама жизнь ставила вопрос о необходимости подобной доктрины. И она появилась благодаря деятельности двух друзей-единомышленников — К. Маркса и Ф. Энгельса. Кстати, до сих пор идут споры о том, кто из них был ведущим, а кто ведомым. В СССР такой проблемы не существовало, а сейчас тем более.

¹ Вебер М. Хозяйство и общество. Общности. М., 2017. С. 231.

В западной литературе нередко отдают пальму первенства Ф. Энгельсу. Да, он сильно отличался от своего аскетичного друга. Полиглот, удачливый предприниматель (при этом борец с капитализмом), интересующийся помимо всего прочего военно-инженерным делом. В этом смысле Энгельс — фигура, безусловно, более интересная.

Жизнь Маркса, как жизнь любого человека, можно разделить на «до» и «после». У большинства людей этим водоразделом, как правило, служит возраст. Маркс — гений, поэтому одна веха его жизни от другой отличается переосмыслением его мировосприятия, научных позиций, которых он придерживался в обществе.

Как известно, отец Маркса был адвокатом и он очень хотел, чтобы сын пошел по его стопам. Так и случилось. К. Маркс поступил на юридический факультет Боннского университета. Есть свидетельства, что молодой Маркс не был примерным студентом. Нарушал дисциплину, часто прогуливал лекции. Многие из них не казались ему интересными. Встревоженный отец переводит сына в Берлинский университет, отличающийся строгими порядками. Именно в этом университете Маркс переключается с юриспруденции на экономику.

В молодом Марксе ничего не предвещало интеллектуального бунтаря, человека, который создаст теорию, оказавшую, и к счастью, оказывающую, огромное влияние на судьбы мира. Маркс вел обычную студенческую жизнь, увлекался модными тогда идеями. Наибольшее влияние на студента — Маркса из преподавателей оказал О. Бауэр. Среди его любимых авторов были античные мыслители: Платон, Аристотель. Он с упоением читает Ф. Аквинского, М. Падуанского, Н. Макиавелли, Ф. Бекона, Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескье, Вольтера, И. Канта, И. Фихте. Абсолютным авторитетом для него является Гегель. Но ненадолго. Он глубже проникает в смысл их учений и сравнивает с действительностью. В результате трансформируется в мыслителя иного масштаба, а главное — принципиально иного направления.

В возрасте 34 лет он напишет: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»¹.

Кое-где в Европе поняли значение марксизма. Отто фон Бисмарк в Германии фактически стал внедрять некоторые постулаты учения Маркса. Аналогично поступили и в Англии, поскольку существовала высокая вероятность социального взрыва. Как совершенно спра-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 427.

ведливо заметил Дж. Гэлбрэйт, один из самых выдающихся экономистов XX в., «полумарксизм стал прививкой от настоящего марксизма». Сам он, кстати, уважительно относился к идее социализма и может быть поэтому не получил Нобелевской премии. Ну и, конечно же, Великая Октябрьская социалистическая революция в России актуализировала социалистическую идею. Полагаю, что ни одна идея не принесла столько блага, сколько идея социализма. Другое дело, что её очень часто дискредитировали, прикрываясь верностью постулатам Маркса.

Все антимарксисты отмечают его якобы высокомерное величие, когда он поставил своей задачей изменить мир, уже описанный до него философами.

Менее всего он был озадачен тем, чтобы его учение было превращено в догму. Мы как-то забываем, что любимым изречением Маркса была следующая мысль: «Все подвергай сомнению». Прекрасный лозунг для ученого.

Итак, минуло 200 лет со дня рождения выдающегося мыслителя. В Российской Федерации его юбилей прошел незаметно. Сегодня другие приоритеты. Изменилась роль нашей страны на мировой арене. Благодаря государственному заказу (опять-таки, большое спасибо социализму) мы потихоньку восстановили наши вооруженные силы и смогли даже создать что-то новое благодаря финансированию государством НИОКР в области перспективных вооружений. Однако экономика России практически находится в стагнации. Сегодня рост составляет от 0,8 до 1,2%. Во времена так называемого застоя рост ВВП составлял 3,5–4% в год, что находится на уровне большинства стран ЕС за последние несколько десятилетий.

В Китае, экономические успехи которого поражают воображение, прошел Второй всемирный конгресс по марксизму, организованный Пекинским университетом. В работе конгресса приняло участие более тысячи человек из 30 стран. Работало 10 секций. Головной доклад «Логика выбора экономического строя» прочитал декан Института марксизма Пекинского университета Юй Хунцзюнь. В нем он отметил значение планово-рыночной модели экономического развития. Именно она ведет к процветанию и будет использоваться в ближайшей перспективе. Докладчик отметил, что Китай не знает кризисов уже около сорока лет. За это время более 700 млн китайцев вышли из нищеты. Темпы экономического роста составляли от 7 до 10%.

Известный экономист Самир Амин на конгрессе так оценил значение Маркса, который «... исследовал капитализм на ограниченном пространстве Земли, на примере небольшого числа европейских стран и пришел к выводу, что он как строй не вечен. Доказал, что капитализм стремится к порабощению всего мира и порождает одно

неравновесие и противоречие за другим. У капитализма как системы отсутствует какой-либо встроенный в неё разумный механизм поддержания пропорциональности и гармонии общества, подтверждение чему — периодически выступающие кризисы... Альтернативы учению Маркса нет. Надо начинать с Маркса и идти дальше, а не останавливаться на нем»¹.

В этой связи можно сослаться на книгу Джона Перкинса «Исповедь экономического убийцы», бестселлера «Нью-Йорк таймс» (М., 2010). В ней он как активный участник некоей экспертной группы повествует о том, как США и их союзники устанавливают свою гегемонию.

Самир Амин скептически отнесся к модели государственного капитализма, которая, как он считает, существует в России, где есть частная собственность при сильной роли государства. По его мнению, государственный капитализм в настоящее время не в состоянии эффективно работать без наличия социальной ориентации и комплексного планирования.

Накануне 200-летнего юбилея К. Маркса в Доме народных собраний в Пекине прошло торжественное собрание, на котором выступил генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР Си Цзиньпин. Он, в частности, сказал: «Прошло двести лет, и, несмотря на огромные и глубокие изменения в обществе, имя Карла Маркса пользуется уважением во всем мире, а его теория по-прежнему блистает, подобно бриллианту, светом истины»².

Председатель КНР также сказал, что китайцы выражают почтение величайшему мыслителю в истории человечества и декларируют свою твердую убежденность в марксизме.

В городе Трире, на родине Маркса прошла серия мероприятий, посвященная 200-летию юбилею мыслителя. Пятого мая был открыт памятник, подаренный городу, естественно, КНР.

В книге Рэндала Коллинза «Четыре социологические традиции», макросоциолога, специалиста в области теории революций и государственных распадов, социологическая концепция К. Маркса была причислена к конфликтной, одной из четырех.

Позиция скорее правильная, чем сомнительная. Уже одно то, что он причисляет Маркса и к социологам в том числе, делает ему честь. Но ведь марксизм можно отнести и к другим отраслям научного знания. Строго говоря, Маркс вообще является универсальным мыслителем, которых не так много в интеллектуальной истории человечества.

---

¹ URL: www.Lgz.ru

² Там же.

Конфликт лежит в самой истории. По Марксу «история идет к лучшему по своей худшей стороне». Однако конфликты бывают разные. Что, по сути, представляет собой классовая борьба? Не более, чем борьба за средства существования. О том, что марксизм по-прежнему привлекает интеллектуалов, свидетельствует выход в русском переводе книги профессора ряда английских и американских университетов Терри Иглтона «Почему Маркс был прав». В ней много интересных и отнюдь не бесспорных идей. Она состоит из десяти глав, каждая из которых представляет собой попытку развенчать наиболее часто критикуемые положения марксовской теории. Так вот о конфликтах: «Современные капиталистические нации возникли как продукт истории рабства, геноцида, насилия и угнетения, и каждый их элемент не менее отвратителен, чем история маоистского Китая или сталинского Советского Союза. Капитализм также воздвигался на крови и слезах, но в отличие от сталинизма и маоизма успел просуществовать достаточно долго для того, чтобы многие из этих ужасов стали забываться. И если Маркс избежал подобной амнезии, то отчасти потому, что жил в эпоху, когда система еще только формировалась»¹.

Вот и все отличие так называемых демократических и цивилизованных государств от иных. Фактор времени, истории здесь является определяющим. Поэтому викторианская «старая, добрая (?)» Англия ничем не отличается от сталинского СССР. В последнем режим перемалывал в лагерях «своих», а «добрая» Англия уничтожила миллионы аборигенов. Отсюда у них такое беспощадное отношение к жизни людей вне западного мира.

Убежденный марксист Терри Иглтон делает сенсационное признание «*Марксисты не желают ничего более, кроме как перестать быть марксистами*».

Но для этого, по всей видимости, мир должен стать другим. Однако в действительности наблюдается, как глобализация продвигает проект Корпорации-Государства — КГ (не путать с корпоративным государством того же Б. Муссолини). Государство-Фирма желает быть конкурентноспособным, поэтому оно сбрасывает с себя все то, что не создает рыночный продукт. Общая мировая тенденция состоит в десоциализации огромной массы населения, выталкивании их из общества. От этой тенденции проистекают реформы образования и здравоохранения, пенсионная реформа.

Кстати, по Марксу национальные правительства есть агенты мирового капитала.

¹ Иглтон Терри. Почему Маркс был прав. М., 2017. С. 24.

Видный экономист Линдон Луруш подсчитал, что в ближайшем будущем жизнь подавляющего большинства населения в мире станет только хуже. В 1950 году 2/3 населения Земли проживало в слаборазвитых странах, а в 2000 году — более 4/5. К середине XXI века там может оказаться 9/10.¹

Даже если этого и не произойдет, марксистам во всем мире рано подавать в отставку. В этой связи Маркс и его учение принадлежат не только истории, но и современности.

---

¹ Манфред Шнепс-Шнитке. Немцы в России. М., 2010. С. 341.

Выдержки

из Тома 1 Сочинений К. Марса и Ф. Энгельса. М., 1955

Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции¹

Мы не принадлежим к числу тех недовольных, которые ещё до появления нового прусского указа о цензуре заявляли: *Timeo Danaos et dona ferentes*². Наоборот, так как в новой инструкции допускается обсуждение изданных уже законов, хотя бы оно и не соответствовало взглядам правительства, то мы сейчас и займёмся самой этой инструкцией. *Цензура* — это *официальная критика*. Её нормы — это нормы критические, и они, следовательно, всего менее могут быть изъяты из критики, так как становятся на общую с ней почву...

... Статья VII. «Дарованная до сих пор Академии наук и университетам свобода от цензуры отныне отменяется на пять лет».

§ 10. «*Настоящее временное постановление* остаётся в силе с нынешнего дня в течение пяти лет. До истечения этого срока Союзный сейм должен основательно изучить вопрос о том, каким образом *можно* привести в исполнение подобного же рода постановления о

¹ «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» — первая публицистическая статья Карла Маркса, с которой он начал свою политическую деятельность как революционный демократ. Вопрос, поднятый в статье, — о положении печати в Пруссии — приобрёл особую остроту в начале 40-х годов XIX в. в связи с оживлением либерального и демократического движения в Германии, стоявшей тогда накануне буржуазной революции. Новая цензурная инструкция прусского правительства от 24 декабря 1841 г., на словах выражавшая неодобрение стеснениям литературной деятельности, на деле не только сохраняла реакционную прусскую цензуру, но и усиливала её.

Статья Маркса, разоблачавшая мнимый либерализм новой цензурной инструкции, в Германии не увидела света; написанная между 15 января и 10 февраля 1842 г., она была опубликована лишь в феврале 1843 г. в Швейцарии, в первом томе сборника «*Anekdoten zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik*» («Неизданное из области новейшей немецкой философии и публицистики»). В этот двухтомный сборник, изданный А. Руге, кроме двух статей К. Маркса входили также статьи Б. Бауэра, Л. Фейербаха, Ф. Кёппена, А. Руге и др. Статьёй «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» Маркс открыл Собрание своих сочинений, которое Г. Беккер начал издавать в Кёльне в 1851 г. (*Gesammelte Aufsätze von Karl Marx, herausgegeben von Hermann Becker*. I. Heft, Köln, 1851). Из-за правительственных преследований это издание после выхода первого выпуска было прекращено.

² Боюсь данайцев, даже дары приносящих (Вергилий, «Энеида»). *Ред.*

свободе печати, упомянутые в статье 18-й Союзного акта; соответственно с этим последует окончательное решение о нормальных границах свободы печати в Германии».

Нельзя назвать благоприятным для печати закон, отменяющий свободу печати там, где она ещё существовала, и делающий её при помощи цензуры излишней там, где она должна была быть введена. Далее, § 10 прямо признаёт, что вместо упомянутой в статье 18-й Союзного акта¹ свободы печати, которая когда-нибудь, быть может, и будет осуществлена, временно вводится закон о цензуре. Это *quid pro quo*², по крайней мере, указывает, что обстоятельства времени требовали ограничения печати, что указ обязан своим происхождением недоверию к печати. Эта строгость даже оправдывается как временная мера, имеющая силу всего на пять лет, но, к сожалению, она оставалась в силе в течение двадцати двух лет.

Уже следующая строка инструкции показывает нам, как она сама себе противоречит, желая, с одной стороны, чтобы применение цензуры ни в каком смысле не выходило за пределы того, что требуется указом, а с другой — предписывая цензуре выходить за эти пределы: «Цензор может, конечно, разрешить откровенное обсуждение также и внутренних дел». Цензор *может*, но он не обязан это делать, это не является необходимостью; уже один этот осторожный либерализм очень определённо выходит не только за пределы общего духа указа о цензуре, но и за пределы определённых его требований. Старый указ о цензуре, именно приведённая в инструкции статья 2-я, не разрешает откровенного обсуждения не только прусских, но хотя бы даже китайских дел. «Сюда», т.е. к нарушению безопасности прусского государства и германских союзных государств, — комментируется в инструкции, — «относятся все попытки изобразить в благоприятном свете существующие в какой бы то ни было стране партии, стремящиеся к ниспровержению государственного строя». Разве при таких условиях разрешается откровенное обсуждение китайских или турецких государственных дел? А уж если такие отдалённые отношения угрожают неустойчивой безопасности Германского союза, то как же не будет этому угрожать каждое неодобрительное слово о внутренних его делах?

Инструкция выходит, таким образом, за пределы статьи 2-й указа о цензуре и уклоняется в сторону либерализма; суть этого откло-

¹ Союзный акт был принят Венским конгрессом 8 июня 1815 г.; на основании этого акта многочисленные немецкие государства формально были объединены в так называемый Германский союз. Создание Германского союза не ликвидировало раздробленности Германии; общий орган Германского союза — Союзный сейм, составленный из представителей немецких государств и заседавший во Франкфурте-на-Майне, стал оплотом общегерманской реакции.

² — одно вместо другого, смешение понятий. Ред.

нения выяснится в дальнейшем, но *формально* оно подозрительно уже постольку, поскольку оно объявляет себя выводом из статьи 2-й, из которой инструкция благоразумно приводит только *первую половину*, отсылая одновременно цензора к *самой статье*. Но, с другой стороны, инструкция идёт дальше *указа о цензуре* также и в *нелиберальном направлении*, прибавляя к старым *ограничениям прессы* ещё *новые*. В вышеприведённой 2-й статье указа о цензуре сказано:

«Цель её» (цензуры) «не допускать того, что противно *общим принципам религии, независимо* от мнений и учений *отдельных* религиозных партий и терпимых в государстве сект».

В 1819 г. господствовал ещё рационализм, который под религией вообще понимал так называемую религию разума. Эта *рационалистическая точка зрения* есть также точка зрения указа о цензуре, который, впрочем, настолько непоследователен, что, имея целью защиту религии, становится на иррелигиозную точку зрения. Именно отделение общих принципов религии от её позитивного содержания и от её определённой формы противоречит уже общим принципам религии, так как каждая религия полагает, что она отличается от всех остальных — особых, *мнимых* — религий своей *особенной сущностью* и что именно она в этой своей *определённости* и является *истинной религией*. Новая цензурная инструкция опускает в цитируемой ею статье 2-й *добавочное ограничительное положение*, согласно которому отдельные религиозные партии и секты не пользуются неприкосновенностью, но она на этом не останавливается, а даёт ещё следующий комментарий:

«Не должно быть терпимо всё то, что в *фривольной, враждебной* форме направлено против *христианской* религии вообще или против *определённого вероучения*».

Старый указ о цензуре ни единым словом не упоминает о *христианской* религии; наоборот, он отличает религию от *всех* отдельных религиозных партий и сект. Новая цензурная инструкция не только превращает религию вообще в *христианскую* религию, но прибавляет ещё слова: *определённое вероучение*. Драгоценное порождение нашей науки, ставшей христианской! Кто станет ещё отрицать, что она выковала новые цепи для печати? Нельзя-де выступать против религии *ни вообще, ни в частности*. Или вы думаете, что слова «фривольный, враждебный» превратили новые цепи в цепи из роз? Как это ловко сказано: *фривольно, враждебно!* Прилагательное «фривольный» взывает к благопристойности гражданина, это — экзотерическое слово для света, а цензору нашёптывается на ухо прилагательное «враждебный»: так истолковывается в законе фривольность. Мы в этой инструкции найдём ещё много примеров этого утончённого такта, который выражается в том, что к публике обращаются с субъ-

активным словом, вызывающим краску на её лице, а с другим, объективным словом, от которого писатель невольно бледнеет, обращаются к цензору. Таким способом можно переложить на музыку и *lettres de cachet*¹.

И в каком удивительном противоречии запутывается цензурная инструкция! Фривольно только половинчатое нападение, — такое, которое направлено на отдельные стороны явления, не будучи достаточно глубоким и серьёзным, чтобы коснуться сущности предмета; именно нападки *на частное, как на частное только*, — фривольны. Если поэтому запрещены нападки лишь на христианскую религию в целом, то выходит, что разрешены только фривольные нападки на неё. Наоборот, нападки на общие принципы религии, на её сущность, на частное, *поскольку оно есть проявление сущности*, оказываются враждебными нападками. Нападать на религию можно только в форме *фривольной или враждебной*, — третьего не существует. Эта непоследовательность, в которой запутывается инструкция, есть во всяком случае только *видимость*, так как непоследовательность эта покоится на видимости, будто вообще разрешены *какие-либо* нападки на религию. Но достаточно одного беспристрастного взгляда, чтобы в этой видимости усмотреть одну только видимость. На религию нельзя нападать ни в форме враждебной, ни в форме фривольной, ни вообще, ни в частности, т.е. *никак вообще нельзя* нападать.

Однако если инструкция, в явном противоречии с указом о цензуре 1819 г., налагает новые оковы на *философскую прессу*, то эта инструкция, по крайней мере, должна была бы быть настолько последовательной, чтобы освободить *религиозную прессу* от старых оков, наложенных на неё прежним рационалистическим указом. Ведь он объявляет целью цензуры также «борьбу против фанатического перенесения в политику религиозных догматов веры и против возникающей отсюда *путаницы понятий*». Новая инструкция, правда, столь благоразумна, что умалчивает об этом пункте в своём *комментарии*, тем не менее она, *цитируя статью 2-ю*, принимает и его. Что значит фанатическое перенесение в политику религиозных догматов веры? Это значит объявить религиозные догматы веры, взятые в их специфическом содержании, определяющим фактором государства, это значит сделать *мерилом государства особую сущность религии*. Старый указ о цензуре имел право выступать против этой путаницы понятий, потому что он оставляет критике отдельную религию, определённое содержание её. Но старый указ опирался на плоский, поверхностный, презираемый вами самими *рационализм*. Вы же, основывающие государство даже в частности на *вере и христиан-*

¹ — королевские приказы о заточении без суда и следствия. *Ред.*

стве, вы, поборники *христианского государства*, как вы можете ещё предлагать цензуре, чтобы она предупреждала эту путаницу понятий?

Смешение политического и христианско-религиозного принципов стало *официальным символом веры*. Мы разясним это смешение в немногих словах. Если говорить только о христианской религии как о признанной, то вы имеете в своём государстве католиков и протестантов. И те и другие предъявляют одинаковые требования к государству, подобно тому как они имеют и одинаковые обязанности по отношению к нему. Отвлекаясь от своих религиозных разногласий, они одинаково требуют, чтобы государство было осуществлением политического и правового разума. Вы же хотите *христианского государства*. Если ваше государство будет *лютеранско-христианским*, тогда оно для *католика* превратится в ту именно церковь, к которой он не принадлежит, которую он должен отвергать как еретическую, — в церковь, внутренняя сущность которой ему противоречит. В обратном случае мы будем иметь то же самое. Если же вы объявляете *особым духом* вашего государства *общий дух христианства*, тогда вы ведь решаете вопрос о том, *что такое* общий дух христианства, на основании ваших протестантских взглядов. Вы определяете, *что такое христианское государство*, хотя последнее время показало вам, что отдельные правительственные чиновники не умеют провести границы между религиозным и мирским, между государством и церковью. Не *цензорам*, а *дипломатам* пришлось по поводу этого *смешения понятий* — не *выносить решения* — а *вести переговоры* друг с другом¹. Наконец, вы становитесь на *еретическую* точку зрения, когда вы отбрасываете известный догмат как несущественный. Если же вы называете ваше государство *христианским вообще*, то тем самым вы в дипломатически изворотливой форме признаёте, что оно *нехристианское*. Таким образом, либо запретите вообще втягивать религию в политику, — но этого вы не хотите, так как вы хотите сделать опорой государства не свободный разум, а веру; религия и служит для вас *всеобщей санкцией существующего*, — либо разрешите и *фанатическое* перенесение религии в политику. Дайте религии *по-своему* заниматься политикой. Но этого вы опять-таки не желаете. Религия должна поддерживать светскую власть, с тем, однако, чтобы светская власть не подчинялась религии. Раз вы втя-

¹ Намёк на переговоры, которые прусские дипломаты вели по поручению короля Фридриха-Вильгельма IV с римским папой в целях урегулирования конфликта между прусским правительством и католической церковью. Этот конфликт, известный под названием «церковной смуты» или «кёльнской смуты», возник в связи с вопросом о вероисповедании детей при смешанных браках (между католиками и протестантами). Начавшись в 1837 г. арестом архиепископа кёльнского, обвинённого в государственной измене за отказ подчиниться требованиям прусского короля Фридриха-Вильгельма III, этот конфликт закончился при Фридрихе Вильгельме IV капитуляцией прусского правительства. «Пруссия перед всем светом поцеловала у папы туфлю...» — так резюмировал Маркс в письме к Руге от 9 июля 1842 г. итог этого конфликта.

гиваете религию в политику, то всякое стремление *светской* власти определять, *как* религия должна выступать в политике, является несомненными, более того, *противным религии* домогательством. Кто из религиозных побуждений хочет связать себя с религией, тот должен предоставить ей во всех вопросах решающий голос. Или вы, может быть, понимаете под религией *культ вашей собственной неограниченной власти и правительственной мудрости?*

Правоверный дух новой цензурной инструкции и в другой ещё форме вступает в конфликт с *рационализмом* старого указа о цензуре. Последний включает в задачи цензуры подавление того, «что оскорбляет *мораль* и добрые нравы». Инструкция приводит это место как *цитату* из статьи 2-й. Но если в отношении религии инструкция в своём *комментарии* содержит некоторые добавления, то в отношении морали этот комментарий не свободен от пропусков. Оскорбление *морали* и *добрых нравов* превращается в нарушение «приличия, обычаев и внешней благопристойности». Мы видим, что *мораль как мораль*, как *принцип такого мира*, который подчиняется собственным законам, *исчезает*, и на место сущности выступают внешние проявления, *полицейская благопристойность, условное приличие*. «Кому подобает честь, воздайте честь», — в этом мы видим настоящую последовательность. Специфически христианский законодатель *не может признать мораль* независимой сферой, которая священна сама по себе, так как внутреннюю всеобщую сущность морали он объявляет принадлежностью религии. Независимая мораль оскорбляет всеобщие принципы религии, а особые понятия религии противоречат морали. Мораль признаёт только свою собственную всеобщую и разумную религию, религия же — только свою особую позитивную мораль. Цензура, таким образом, должна будет, по этой инструкции, отвергнуть героев мысли в области морали, вроде Канта, Фихте, Спинозы, как людей без религии, как людей, оскорбляющих приличие, обычаи и внешнюю благопристойность. Все эти моралисты исходят из принципиального противоречия между моралью и религией, ибо *мораль* зиждется на *автономии* человеческого духа, *религия* же — на его *гетерономии*. От этих неприятных новшеств цензуры, проявившихся в ослаблении её моральной совести, с одной стороны, и в ригористическом обострении её религиозной совести, с другой, перейдём к более отрадным вещам, к *уступкам*.

«Отсюда, в особенности, следует, что сочинения, в которых подвергается оценке государственное управление в целом или в отдельных его разветвлениях и в которых обсуждаются, по их внутреннему достоинству, изданные или имеющие ещё быть изданными законы, раскрываются ошибки и недостатки, указываются или предлагаются улучшения, — что такие сочинения не должны быть запрещены по

той только причине, что они написаны не в правительственном духе, если только изложение их пристойное, а *тенденция* — *благонамеренная*».

Скромность и серьёзность исследования — это требование является общим для новой инструкции и для указа о цензуре, однако инструкция считает столь же недостаточной *благопристойность* изложения, как и истинность содержания. Главным критерием для неё становится *тенденция* — более того, это её основная мысль, между тем как в указе нельзя найти даже *слова* «тенденция». В чём эта тенденция заключается, — об этом ничего не говорит и новая инструкция. Но какое значение она придаёт тенденции, покажет следующее место:

«При этом *непрерывно* предполагается, что *тенденция* соображений, высказанных относительно мероприятий правительства, не является враждебной и злонамеренной, а доброжелательной; и от цензора требуются добрая воля и понимание, дабы он умел отличить одно от другого. В соответствии с этим цензоры должны также обращать особенное внимание на форму и на тон предназначенных для печати сочинений и не разрешать их печатание, если вследствие страстности, резкости и претенциозности *их тенденция* является вредной».

Писатель, таким образом, становится жертвой *самого ужасного терроризма*, подвергается *юрисдикции подозрения*. Законы против *тенденции*, законы, не дающие объективных норм, являются террористическими законами, вроде тех, какие изобрела крайняя государственная необходимость при Робеспьере и испорченность государства при римских императорах. Законы, которые делают главным критерием не *действия как таковые*, а *образ мыслей* действующего лица, — это не что иное, как *позитивные санкции беззакония*. Лучше стричь бороды у всех и каждого, — как это делал всем известный русский царь при помощи состоявших у него на службе казаков, — чем делать критерием для этого те убеждения, в силу которых я ношу бороду.

Лишь постольку, поскольку я *проявляю* себя, поскольку я вступаю в область действительности, — я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо *своих действий* я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом. Мои действия — это единственная область, где я сталкиваюсь с законом, ибо действие — это единственное, для чего я требую права существования, *права действительности*, и в силу чего я, таким образом, подпадаю под власть *действующего права*. Но закон, преследующий за тенденцию, карает не только то, что я делаю, но и то, что я думаю, *независимо* от моих действий. Он является, следовательно, оскорблением для чести

гражданина, хитроумной ловушкой, угрожающей моему существованию.

Я могу вертеться и изворачиваться как угодно, от этого положение вещей нисколько не изменится. Моё существование взято под подозрение, моя сокровеннейшая сущность, моя индивидуальность рассматривается как *нечто дурное*, и за это мнение обо мне я и несу наказание. Закон карает меня не за то зло, которое я делаю, а за то именно зло, которого я не делаю. В сущности я несу наказание за то, что моё действие *не является противозаконным*, ибо только этим я заставляю милосердного, благожелательного судью ограничить своё рассмотрение моим *дурным образом мыслей*, который настолько благогазмен, что не обнаруживает себя в действиях.

Закон, карающий за образ мыслей, *не есть закон, изданный государством для его граждан*, это — *закон одной партии против другой*. Преследующий за тенденцию закон уничтожает равенство граждан перед законом. Это — закон не единения, а разъединения, а все законы разъединения реакционны. Это не закон, а *привилегия*. Один имеет право делать то, на что другой не имеет права, и не потому, что последнему недостаёт для этого объективного качества, — так, например, ребёнок неспособен к заключению договоров, — нет, потому только, что его благонамеренность, его образ мыслей взяты под подозрение. *Нравственное государство* предполагает в своих членах *государственный образ мыслей*, если даже они вступают в *оппозицию против органа государства*, против *правительства*. Но в таком обществе, в котором *какой-либо один* орган мнит себя единственным, исключительным обладателем государственного разума и государственной нравственности, в таком правительстве, которое принципиально противопоставляет себя народу и поэтому считает *свой антигосударственный образ мыслей* всеобщим, нормальным образом мыслей, — там нечистая совесть политиканствующей клики измышляет законы о тенденции, *законы мести*, карающие за тот образ мыслей, которого на самом деле придерживаются одни только члены правительства. Законы, преследующие за принципы, имеют своей основой беспринципность, безнравственный, грубо-вещественный взгляд на государство. Они — невольный крик нечистой совести. И как проводится в жизнь подобный закон? С помощью средства, которое ещё более возмутительно, чем самый закон: при посредстве *шпионов* или же посредством предварительного соглашения считать подозрительными целые литературные направления — соглашения, при котором, конечно, опять-таки имеет место выслеживание того, к какому направлению принадлежит данный индивид. Подобно тому как в законе, преследующем за тенденцию, *законодательная форма противоречит содержанию*; подобно тому как *правительство*, изда-

ящее этот закон, яростно выступает против того, что оно представляет в своём собственном лице, т.е. против антигосударственного образа мыслей, — точно так же правительство и в каждом частном случае является по отношению к своим законам как бы *миром, вывороченным наизнанку*, ибо оно применяет двойкую меру. Что для одной стороны — право, то для другой — правонарушение. *Уже самые законы, издаваемые правительством, представляют собой прямую противоположность тому, что они возводят в закон.*

Новая цензурная инструкция также запутывается в этой диалектике. Она впадает в противоречие, когда вменяет цензорам в обязанность делать всё то, за что она осуждает печать как за противогосударственные действия.

Так, инструкция запрещает писателям брать под подозрение образ мыслей отдельных лиц или целых классов — и тут же разрешает цензорам разделять всех граждан на подозрительных и неподозрительных, на благонамеренных и неблагонамеренных. У печати отнято право на критику, но эта последняя становится повседневной обязанностью правительственного критика. Однако этим выворачиванием наизнанку дело не ограничивается. В рамках прессы противогосударственный элемент только по своему содержанию выступает как нечто частное, со стороны же формы — как нечто всеобщее, как предмет всеобщего обсуждения.

Но теперь всё поставлено вверх ногами. Частное выступает теперь как законное *в отношении своего содержания*, а противогосударственное — как мнение государства, как государственное право; взятый же в отношении своей формы, противогосударственный элемент выступает теперь как нечто частное, недоступное лучам всеобщего света, удалённое с открытой свободной арены гласности и загнанное в канцелярию правительственного критика. Так, инструкция хочет охранять религию, сама же нарушает самый общий основной принцип всех религий — святость и неприкосновенность субъективного образа мыслей. Судьёю сердца, вместо бога, она провозглашает цензора. Так, она запрещает оскорбительные выражения и порочащие честь суждения об отдельных лицах, но подвергает вас каждый день оскорбительному и порочащему вашу честь суждению цензора. Так, она хочет уничтожить сплетни, исходящие от злонамеренных и дурно осведомлённых лиц, и вместе с тем принуждает цензора полагаться на подобные сплетни, доверяет шпионству злонамеренных и дурно осведомлённых лиц, перенося суждение из сферы объективного содержания в сферу субъективного мнения или произвола. Так, намерение государства не должно быть подвергнуто подозрению, а инструкция как раз исходит из подозрения, направленного против государства. Так, под хорошей внешностью не должны скрываться

никакие дурные намерения, но инструкция сама покоится на обманчивой внешности. Так, она желает повысить национальное чувство и в то же время сама опирается на унижающий нацию взгляд. От нас требуют поведения, соответствующего законам, требуют уважения к законам, и вместе с тем мы должны почитать такие учреждения, которые ставят нас вне закона и возводят произвол в право. Мы должны настолько признавать принцип личности, чтобы, несмотря на полный недостаток институт цензуры, доверять цензору; вы же настолько нарушаете принцип личности, что судите о ней не по поступкам, но по тому мнению, которое сложилось у вас о её мнениях, о мотивах её поступков. Вы требуете скромности, а между тем вы исходите из чудовищной нескромности, объявляя отдельных чиновников людьми, читающими в сердцах, всеведущими, философами, теологами, политиками, ставя их рядом с Аполлоном Дельфийским. С одной стороны, вы вмняете нам в обязанность уважение к нескромности, а с другой стороны, запрещаете нам нескромность. Приписывать совершенство рода отдельным индивидам — это действительно нескромно. Цензор — отдельный индивид, печать же воплощает в себе родовое начало. Нам вы предписываете доверие и в то же время вы придаёте недоверию силу закона. Вы такого высокого мнения о своих государственных учреждениях, что думаете, будто они делают слабого смертного, чиновника, святым и невозможное превращают для него в возможное. Но вы настолько не доверяете вашему государственному организму, что боитесь изолированного мнения частного лица, ибо на печать вы смотрите как на частное лицо. Чиновники, по вашему мнению, совершенно лишены личных мотивов, они-де будут действовать без злобы, страсти, ограниченности и человеческой слабости. А нечто безличное, *идеи*, вы заподозриваете в том, что они полны личных происков и субъективной низости. Инструкция требует неограниченного доверия к сословию чиновников и исходит из неограниченного недоверия к сословию нечиновников. Но почему мы не должны платить равным за равное? Почему мы не должны считать подозрительным это именно сословие чиновников? ...

...Инструкция *выражает надежду*, что на этом пути политическая литература и ежедневная пресса лучше поймут своё назначение и т.д. Но ведь *лучшее понимание* не есть нечто такое, что можно предписать; это ещё только ожидаемый плод, и надежда так и остаётся надеждой. Инструкция, однако, слишком практична, чтобы довольствоваться надеждами и благочестивыми пожеланиями. Внушая прессе, *в виде нового облегчения*, надежду на улучшение её положения в будущем, доброжелательная инструкция тут же отнимает у прессы то право, которым она пользуется в настоящее время. В надежде на своё улуч-

шение пресса теряет то, что она ещё имеет. Её постигает судьба бедного Санчо Пансы, у которого его придворный врач отнимает всякую пищу, чтобы расстройство желудка не помешало ему как следует исполнить возложенные на него герцогом обязанности...

... несколько выше инструкция предписывает:

«В соответствии с этим» (т.е. с исследованием тенденции) «цензоры должны также обращать особенное внимание на *форму* и на *тон* предназначаемых для печати сочинений и не разрешать их печатание, если вследствие страстности, резкости и претенциозности их тенденция является вредной».

Таким образом, цензор должен то судить о *тенденции по форме*, то о *форме по тенденции*. Если прежде совершенно исчезало *содержание* как критерий для цензуры, то теперь исчезает и *форма*. Была бы только тенденция хороша, а *погрешности формы* никакого-де значения не имеют. Пусть сочинение и не отличается ни особенной скромностью, ни особенной серьёзностью, пусть кажется оно полным резкости, страстности и претенциозности, — кто станет пугаться *шероховатой внешней стороны*? Нужно же уметь отличать *форму* от *сущности*. Так, в результате была отброшена всякая видимость определения, и инструкция не могла кончить ничем другим, как *полным противоречием самой себе*; — ибо всё то, из чего тенденция должна быть ещё только выведена, здесь, наоборот, определяется только посредством этой самой тенденции и само должно быть выведено из неё. Резкость патриота есть святое рвение; его страстность — это пылкость любви; его претенциозность — это доходящая до самопожертвования преданность, слишком безмерная, чтобы быть умеренной.

Все объективные нормы отпадают; всё сводится к *личному* отношению, и гарантией остаётся только *такт* цензора. Что же цензор может нарушить? Такт. А бестактность — не преступление. Что ставится под угрозу на стороне писателя? Его существование. Какое государство когда-либо ставило существование целых классов людей в зависимость от такта отдельных чиновников?

Ещё раз повторяю: *все объективные нормы отпадают*. Если, посмотреть со стороны писателя, то тенденция является последним, требуемым от него и предписываемым ему, содержанием; тенденция, в виде бесформенного мнения, выступает здесь в качестве объекта. В качестве же субъекта, как мнение о мнении, тенденция сводится к такту цензора и является для последнего единственной нормой.

Но если произвол цензора, — а право на безоговорочное мнение есть право на произвол, — есть логический вывод из инструкции, тщательно скрываемый ею под маской объективных определений, то эта же инструкция, наоборот, с полным сознанием выражает про-

извол *обер-президиума*, которому без дальнейших околичностей оказывается полное доверие, и *это оказанное обер-президенту доверие* есть последняя *гарантия прессы*. Сущность цензуры вообще, таким образом, основана на высокомерном фантастическом представлении полицейского государства о его чиновниках. Ум и добрая воля общества признаются неспособными даже на самые простые вещи, зато по отношению к чиновникам даже невозможное признаётся возможным.

Этот коренной порок проходит через все наши учреждения. Так, например, в уголовном процессе судья, обвинитель и защитник соединены в *одном лице*. Это соединение противоречит всем законам психологии. Но чиновник стоит-де выше законов психологии, а общество, наоборот, — ниже их. Однако неудовлетворительный государственный принцип ещё можно было бы простить; но он становится непростительным, когда он недостаточно честен, чтобы быть последовательным. *Ответственность* чиновников должна была бы быть настолько несоизмеримо выше ответственности общества, насколько чиновники ставятся инструкцией выше общества; и вот как раз здесь, где одна только последовательность может оправдать принцип, дать ему правовое обоснование в пределах его сферы, именно здесь от него отказываются, именно здесь применяется прямо противоположный принцип.

Цензор также является обвинителем, защитником и судьёй в одном и том же лице. Цензору доверено *управление умами*; он *безответственен...*

...*Действительным, радикальным излечением цензуры* было бы её *уничтожение*, ибо негодным является само это учреждение, а ведь учреждения более могущественны, чем люди.

Наше мнение может быть верным или нет, но, во всяком случае, *благодаря новой инструкции* прусские писатели *приобретают* больше либо *действительной свободы*, либо *идеальной*, т.е. больше *сознания*.

Rara temporum felicitas, ubi quae velis sentire et quae sentias dicere licet¹.

*Написано К. Марксом между
15 января и 10 февраля 1842 г.*

*Печатается
по тексту сборника
Перевод с немецкого*

*Печатается
по тексту сборника
Перевод с немецкого*

¹ — На редкость счастливое время, когда можно чувствовать, что хочешь, и говорить, что чувствуешь (Тацит). *Ред.*

Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая)¹

Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания

...Всё несовершенно. Цензура несовершенна, закон о печати несовершенен. Этим определяется их сущность. На тему о *правомерности их идеи* не приходится распространяться, нам остаётся лишь, — путём вычисления вероятности, предпринятого с точки зрения самой грубой эмпирии, — определить, в каком случае нам грозит наибольшее количество опасностей. Разница только во времени, в том, что те или иные мероприятия либо предупреждают самое зло посредством цензуры, либо же предупреждают повторение зла посредством закона о печати.

Мы видим, как оратор с помощью пустой фразы о «человеческом несовершенстве» ухитряется обойти существенное, внутреннее, характерное различие между цензурой и законом о печати, превратить разногласие из принципиального вопроса в балаганный спор: достанется ли больше синяков от цензуры или же от закона о печати?

¹ «Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая). Дебаты о свободе печати и об опубликовании, протоколов сословного собрания». Дебатам шестого рейнского ландтага Маркс посвятил три статьи, из которых были опубликованы лишь первая и третья (см. настоящий том, стр. 30–84 и 119–160). В первой статье этой серии Маркс, продолжая свою критику прусской реакционной цензуры, начатую в ещё неопубликованных к тому времени «Заметках о новейшей прусской цензурной инструкции», разоблачает убожество прусской реакционной печати и противопоставляет ей образ смелой, боевой печати, выражающей нужды и стремления народа. Маркс освещает в этой статье и другой вопрос, волновавший народные массы и прогрессивную часть буржуазии в предреволюционной Германии, — вопрос о представительном строе. На примере обсуждения вопроса о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания Маркс показал, что ландтаг не имел ничего общего с народным представительством, что он отстаивал сословные привилегии вопреки интересам народа.

Опубликование статьи, посвящённой дебатам о свободе печати, положило начало сотрудничеству Маркса в «Rheinische Zeitung».

«Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe» («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 г. Газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму. К сотрудничеству в газете были привлечены и некоторые левые гегельянцы. С апреля 1842 г. К. Маркс стал сотрудником «Rheinische Zeitung», а с октября того же года — одним из её редакторов. В «Rheinische Zeitung» был опубликован также ряд статей Ф. Энгельса. При редакторстве Маркса газета стала принимать всё более определённый революционно-демократический характер. Это направление «Rheinische Zeitung», приобретавшей всё большую популярность в Германии, вызвало тревогу и недовольство в правительственных кругах и злобную травлю газеты со стороны реакционной прессы. 19 января 1843 г. Прусское правительство приняло постановление закрыть «Rheinische Zeitung» с 1 апреля 1843 г., а на оставшееся время ввести для неё особенно строгую, двойную цензуру. В связи с намерением акционеров «Rheinische Zeitung» придать ей более умеренный тон и таким путём добиться отмены правительственного постановления Маркс 17 марта 1843 г. заявил о своём выходе из редакции «Rheinische Zeitung» (см. настоящий том, стр. 218).

Но если противопоставляются закон о печати и закон о цензуре, то прежде всего речь идёт не об их последствиях, а об их основаниях, не об их индивидуальном применении, а об их общей правомерности. Уже Монтескьё учит, что деспотизм более удобен для применения, чем законность, а Макиавелли утверждает, что зло выгоднее для государей, чем добро. Если мы поэтому не желаем подтвердить старое *иезуитское* изречение, что хорошая цель, — а мы подвергаем сомнению даже доброкачественность цели, — оправдывает дурные средства, то прежде всего мы должны исследовать, *хорошим* ли средством является цензура по своему существу.

Оратор прав, когда он называет закон о цензуре мерой предупреждения; это — полицейская мера предосторожности против свободы; но он неправ, когда называет закон о печати репрессивной мерой. Это — мера самой свободы, которая делает себя мерилом для своих собственных исключений. Мероприятие цензуры не есть закон. Закон о печати не есть репрессивная мера.

В законе о печати карающей является свобода. В законе о цензуре свобода подвергается каре. Закон о цензуре есть закон, который берёт свободу под подозрение. Закон о печати есть вотум доверия, который свобода выдаёт сама себе. Закон о печати карает злоупотребление свободой. Закон о цензуре карает свободу как некое злоупотребление. Он обращается со свободой как с преступницей; а разве не считается для любой сферы позорящей карой состоять под надзором полиции? Закон о цензуре имеет только *форму* закона. Закон о печати есть *действительный* закон.

Закон о печати есть *действительный закон*, потому что он выражает положительное бытие свободы. Он рассматривает свободу как *нормальное* состояние печати, печать — как бытие свободы; поэтому-то он вступает в конфликт только с проступками печати как с исключением, которое борется против своей собственной нормы и, таким образом, уничтожает себя. Свобода печати утверждает себя, как закон о печати, против этих покушений на неё самоё, т.е. против проступков печати. Закон о печати исходит из того, что свобода внутренне присуща преступнику. То, что преступник, следовательно, совершил против свободы, он совершил против самого себя, и этот проступок против самого себя выступает перед ним как *наказание*, в котором он видит признание своей свободы.

Закон о печати весьма далёк от того, чтобы быть репрессивной мерой против свободы печати, простым средством против повторения преступлений, средством, которое действует с помощью страха перед наказанием. Наоборот: *отсутствие законодательства о печати* следует рассматривать как изъятие свободы печати из сферы юридической свободы, так как юридически признанная свобода существу-

ет в государстве в форме *закона*. Законы не являются репрессивными мерами против свободы, подобно тому как закон тяжести не есть репрессивная мера против движения: если в качестве закона тяготения он управляет вечными движениями мировых тел, то в качестве закона падения он убивает меня, когда я его нарушаю и пытаюсь плясать в воздухе. Напротив, законы — это положительные, ясные, всеобщие нормы, в которых свобода приобретает безличное, теоретическое, независимое от произвола отдельного индивида-существование. Свод законов есть библия свободы народа.

Закон о печати есть, следовательно, *законодательное признание свободы печати*. Он есть выражение *права*, так как он есть положительное бытие свободы. Он поэтому должен существовать, — даже тогда, когда он совсем не применяется, как, например, в Северной Америке, — между тем как цензура, так же как и рабство, никогда не может стать законной, даже если бы она тысячекратно облекалась в форму закона.

Не существует действующих предупредительных законов. Закон предупреждает только как *повеление*. *Действенным* законом он становится лишь тогда, когда его нарушают, так как в роли *подлинного* закона он выступает тогда лишь, когда в его лице бессознательный естественный закон свободы становится сознательным государственным законом. Там, где закон является действительным законом, т.е. осуществлением свободы, он является действительным осуществлением свободы человека. Законы, таким образом, не могут предупреждать действий человека, так как являются внутренними жизненными законами самих его действий, сознательными отображениями его жизни. Закон, следовательно, отступает перед жизнью человека, как жизнью свободы, и только когда действительный поступок человека показал, что человек перестал подчиняться естественному закону свободы, последний в форме государственного закона принуждает человека быть свободным, подобно тому, как физические законы только тогда выступают как нечто чуждое мне, когда моя жизнь перестаёт быть жизнью этих законов, когда она *поражена болезнью*. *Предупредительный закон* есть, следовательно, *бесмысленное противоречие*.

Предупредительный закон не заключает, следовательно, в себе никакой *меры*, никакого *разумного правила*, так как разумное правило может быть заимствовано только из самого существа вещей, в данном случае — из существа свободы. Он *безмерен*, так как для того, чтобы служить предупреждением против свободы, он должен быть так же всеобъемлющ, как и его объект, т.е. неограничен. Предупредительный закон представляет собой, следовательно, противоречие *неограниченного ограничения*, а тот предел, на который

он наталкивается, возникает не в силу необходимости, а в силу случайности произвола, как это *ad oculos*¹ ежедневно доказывает цензура.

Человеческое тело от природы смертно. Болезни поэтому неизбежны. Почему, однако, человек обращается к врачу только тогда, когда заболевает, а не когда он здоров? Потому что не только болезнь, но и самый врач уже есть зло. Постоянная врачебная опека превратила бы жизнь в зло, а человеческое тело — в объект упражнения для медицинских коллегий. Разве не желательнее смерть, нежели жизнь, состоящая только из мер предупреждения против смерти? Разве жизни не присуще также и свободное движение? Что такое болезнь, как не стеснённая в своей свободе жизнь? Неотступный врач уже сам по себе был бы болезнью, при которой даже не было бы надежды умереть, а оставалось бы только жить. Пусть жизнь и умирает, но смерть не должна жить. Разве дух не имеет больше прав, чем тело? Правда, часто толковали это право в том смысле, что умам, способным к свободному полёту, физическая свобода передвижения даже вредна, и их поэтому лишали этой свободы. Цензура исходит из того, что болезнь есть нормальное состояние, а нормальное состояние, свобода, есть болезнь. Цензура постоянно внушает печати, что она — печать — больна, и какие бы доказательства своего здорового состояния она ни давала, она всё же должна подвергать себя лечению. Но цензура даже и не учёный врач, применяющий различные внутренние средства, смотря по болезни. Она лишь деревенский хирург, знающий против всего лишь одно универсальное механическое средство — нож. Она даже не хирург, стремящийся к восстановлению моего здоровья, она — хирург-эстет, который считает на моём теле лишним всё то, что ему не нравится, и удаляет всё, что на него неприятно действует. Она — шарлатан, вгоняющий сыпь вовнутрь, чтобы не видеть её, не заботясь нисколько о том, что она может позитивить более нежные внутренние части тела.

Вы считаете несправедливым ловить птиц. Разве клетка не есть мера предупреждения против хищных птиц, пуль и бурь? Вы считаете варварством ослеплять соловьёв, но вы не считаете варварством — острыми цензорскими перьями выкалывать глаза печати. Вы считаете деспотизмом стричь волосы свободному человеку против его воли, а цензура ежедневно режет по живому телу мыслящих людей, и только бездушные существа, не реагирующие, смиренные, сходят у неё за здоровых!

Мы показали, в какой мере закон о печати выражает право, а закон о цензуре — бесправие. Но цензура сама признаёт, что она не

¹ — воочию. Ред.

есть самоцель, что она не есть нечто хорошее само по себе, что она, следовательно, покоится на принципе: «цель оправдывает средства». Но цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель; и разве печать, в свою очередь, также не могла бы провозгласить принцип: «цель оправдывает средства»?

Закон о цензуре есть, следовательно, не закон, а полицейская мера, и даже *плохая полицейская мера*, ибо она не достигает того, чего хочет, и не хочет того, чего достигает.

Если закон о цензуре хочет *ставить преграды свободе* как чему-то нежелательному, то он достигает как раз обратного. В стране цензуры всякая запрещённая, т.е. напечатанная без цензуры, книжка есть событие. Она считается мученицей, а мученичество не бывает без ореола и без верующих. Она считается исключением, и если свобода никогда не может перестать быть ценной для человека, то тем более это относится к исключениям из общего состояния несвободы. Всякая тайна подкупает. Там, где общественное мнение составляет тайну для самого себя, его заранее подкупает каждое произведение печати, формально нарушающее таинственные границы. Цензура делает каждое запрещённое, произведение, будь оно плохое или хорошее, необычным произведением, в то время как свобода печати отнимает у произведения эту внешнюю импозантность.

Но если цензура *честна*, то она, конечно, хочет предупредить произвол, — между тем она возводит его в закон. Она не может предотвратить никакой опасности, которая была бы больше её самой. Опасность, угрожающая жизни каждого существа, заключается в утрате им самого себя. Отсутствие свободы и является поэтому подлинной смертельной опасностью для человека. Оставляя в стороне моральные последствия, следует, между тем, помнить, что нельзя пользоваться преимуществами свободной печати, не относясь в то же время терпимо к её неудобствам. Нет розы без шипов! Но подумайте, что вы теряете вместе со свободной печатью!

Свободная печать — это зоркое око народного духа, воплощённое доверие народа к самому себе, говорящие узы, соединяющие отдельную личность с государством и с целым миром; она — воплотившаяся культура, которая преобразует материальную борьбу в духовную и идеализирует её грубую материальную форму. Свободная печать — это откровенная исповедь народа перед самим собой, а чистосердечное признание, как известно, спасительно. Она — духовное зеркало, в котором народ видит самого себя, а самопознание есть первое условие мудрости. Она — дух государства, который доставляется в каждую хижину с меньшими издержками, чем материальное средство освещения. Она всесторонняя, вездесущая, всеведущая. Она — идеаль-

ный мир, который непрерывно бьёт ключом из реальной действительности и в виде всё возрастающего богатства духа обратно вливается в неё животворящим потоком.

Наше изложение показало, что разница между цензурой и законом о печати такая же, как между произволом и свободой, как между формальным законом и действительным законом. Но то, что имеет силу для сущности, имеет также силу и для явления. То, что относится к правомерности цензуры и закона о печати, относится также к *их применению*. Как различны закон о печати и закон о цензуре, так же различно и *отношение* к печати со стороны *судьи и цензора*.

Но наш оратор, глаза которого обращены к небу, видит глубоко под собой землю как некую презренную кучу пыли, и обо всех цветах он может сказать лишь одно — что они запылены. Он и здесь видит только два мероприятия, которые в своём применении *одинаково произвольны*, ибо произвол есть, мол, действие по индивидуальному усмотрению, а индивидуальное усмотрение нельзя, мол, отделить от духовных вещей, и т.д. и т.д. Но если понимание духовных вещей *индивидуально*, то какое преимущество имеет одно воззрение перед другим, мнение цензора — перед мнением писателя? Однако мы поняли мысль оратора. Чтобы доказать правомерность цензуры, он весьма примечательным окольным путём доказывает, что и цензура и закон о печати неправомерны в своём применении; так как он считает всё земное несовершенным, то для него остаётся лишь один вопрос: должен ли стоять произвол на стороне народа или же на стороне правительства?

Его *мистика* превращается в *цинизм*, когда он ставит на одну доску закон и произвол и видит только формальную разницу там, где речь идёт о нравственных и правовых противоположностях, ибо он полемизирует не против закона о печати, а против закона вообще. Существует ли такой закон, который, в силу внутренней необходимости, в каждом отдельном случае применялся бы непременно в духе законодателя, абсолютно исключая всякий произвол? Нужна невероятная смелость, чтобы называть подобную бессмысленную задачу философским камнем, так как только крайнее невежество может ставить подобную задачу. Закон всеобщ. Случай, который должен быть определён на основании закона, — единичен. Чтобы подвести единичное под всеобщее, требуется суждение. Суждение проблематично. Для применения закона требуется также и судья. Если бы законы применялись сами собой, тогда суды были бы излишни...

... Главнейшая свобода печати состоит в том, чтобы не быть промыслом. Писатель, который низводит печать до простого материаль-

ного средства, в наказание за эту внутреннюю несвободу заслуживает внешней несвободы — цензуры; впрочем, и самое его существование является уже для него наказанием.

Конечно, печать существует также и как промысел, но тогда она является уже не делом писателей, а делом типографов и книготорговцев. Но здесь речь идёт не о промысловой свободе книгоиздателей и книготорговцев, а о свободе печати ... шестой рейнский ландтаг, осудив свободу печати, осудил самого себя.

Высокомудрые практики-бюрократы, думающие про себя втихомолку и без всякого основания то, что Перикл вслух и с полным правом говорил о себе: «В знании потребностей государства¹, как и в искусстве развивать их, я могу помериться со всяким»², — эти наследственные арендаторы политического разума, наверно, будут пожимать плечами и с важностью оракула вещать, что защитники свободы печати тратят зря свой порох, ибо мягкая цензура лучше ведь суровой свободы печати. Мы ответим им то же, что ответили спартанцы Спертий и Булис персидскому сатрапу Гидарну:

«Гидарн, совет, который ты нам предлагаешь, ты не взвесил с обеих сторон. Ибо одно, что ты советуешь, ты испытал на себе самом; другое же осталось для тебя неиспытанным. Ты знаешь, что значит быть рабом; свободы же ты не вкусил ещё ни разу и не знаешь, сладостна она или нет. Ибо если бы ты вкусил её, то ты советовал бы нам сражаться за нее не только копьями, но и топорами»³.

Написано К. Марксом в апреле 1842 г.

*Напечатано в приложениях
к «Rheinische Zeitung»*

*№ 125, 128, 130, 132, 135 и 139; 5, 8,
10, 12, 15 и 19 мая 1842 г.*

Подпись: Житель Рейнской провинции

*Печатается
по тексту газеты
Перевод с немецкого*

¹ — попыткой завоевать благосклонность. *Ред.*

² Из второй книги «Истории Пеллопоннесской войны» Фукидида.

³ Из седьмой книги «Истории» Геродота. Спертий и Булис — спартанцы, направленные к персидскому царю Ксерксу в качестве искупительной жертвы за убийство персидского посла лакедемонянами.

Дебаты шестого рейнского ландтага (статья третья)

Дебаты по поводу закона о краже леса¹

Ландтаг должен решить, считает ли он нарушение лесных правил кражей. Но если бы ландтаг не объявил нарушение лесных правил кражей, то люди могли бы подумать, что он действительно не считает подобное нарушение кражей. Таким образом, лучше всего не затрагивать этот щекотливый, спорный вопрос. Здесь речь идёт об эвфемизме, а эвфемизмов следует избегать. Лесовладелец затыкает рот законодателю, так как и стены имеют уши.

Тот же самый депутат идёт ещё дальше. Он рассматривает весь этот анализ выражения «кража» как «неподобающее для пленарного заседания занятие редакционными поправками».

Вняв этим столь ясным доказательствам, ландтаг вотировал заголовок закона.

С указанной только что точки зрения, которая превращение гражданина в вора объявляет простой редакционной небрежностью, а всякие возражения против этого отклоняет как грамматический пуризм, — с этой точки зрения само собой понятно, что даже хищение валежника или собирание хвороста подводится под понятие кражи и наказывается так же, как порубка леса. ...

... Нам приходится защищать карательное уголовное уложение XVI века от упрека в чрезмерной гуманности со стороны рейнского ландтага XIX века, что мы и делаем.

Собирание валежника и самая сложная по своим формам кража леса! В обоих случаях — один общий признак: присвоение чужого леса. Значит, и то и другое — кража. К этому сводится дальновидная логика наших законодателей.

Мы первым делом укажем поэтому на различие между обоими действиями, и если придётся признать, что они различны по самой сути дела, то едва ли можно будет утверждать, что с точки зрения закона их следует считать тождественными.

¹ «Дебаты шестого рейнского ландтага (статья третья). Дебаты по поводу закона о краже леса». В этой статье Маркс впервые выступает в защиту материальных интересов народных масс. Работа над этой статьёй дала первый толчок занятиям Маркса политической экономией. Об этом Маркс писал в предисловии к своей работе «К критике политической экономии» (1859): «В 1842–1843 гг. мне как редактору «Rheinische Zeitung» пришлось впервые высказываться о так называемых материальных интересах, и это поставило меня в затруднительное положение. Обсуждение в рейнском ландтаге вопросов о краже леса и дроблении земельной собственности, ведомственная полемика, в которую г-н фон Шапер, тогдашний обер-президент Рейнской провинции, вступил с «Rheinische Zeitung» по вопросу о положении мозельских крестьян, наконец, прения о свободе торговли и покровительственных пошлинах дали первые толчки моим занятиям экономическими вопросами».

Чтобы присвоить себе растущее дерево, нужно насильственно отделить его от его органической связи. Этот акт, представляя собой явное покушение на дерево, тем самым становится явным покушением и на собственника дерева.

Если, далее, срубленный лес похищают у третьего лица, то в этом случае срубленный лес есть продукт деятельности его собственника. Срубленный лес — это уже обработанный лес. Естественная связь с собственностью уступила своё место искусственной связи. Следовательно, тот, кто похищает срубленный лес, похищает собственность.

При сборе валежника, наоборот, ничего не отделяется от собственности. Только то, что фактически уже отделилось от собственности, отделяется здесь от неё. Порубщик леса самовольно выносит приговор над собственностью. Собиратель же валежника лишь приводит в исполнение приговор, вытекающий из самой природы собственности, ибо собственник леса владеет ведь только самим деревом, а дерево уже не владеет упавшими с него ветвями.

Следовательно, собирание валежника и кража леса — это существенно различные вещи. Различны объекты, не менее различны и действия, направленные на эти объекты, следовательно различны должны быть и намерения, ибо какое же объективное мерило можем мы приложить к намерению, помимо содержания действия и его формы? Вы же, вопреки этому существенному различию, оба действия называете кражей и наказываете за оба как за кражу. Вы наказываете за собирание валежника даже строже, чем за кражу леса, так как наказание состоит здесь уже в том, что вы объявляете собирание валежника кражей, — наказание, которому вы, совершенно очевидно, не подвергаете даже тех, кто крадёт лес. В таком случае вы должны были бы объявить кражу леса убийством деревьев и наказывать за неё как за убийство. Закон не свободен от общей для всех обязанности говорить правду. Он вдвойне обязан это делать, так как он является всеобщим и подлинным выразителем правовой природы вещей. Правовая природа вещей не может поэтому приспособляться к закону — закон, напротив, должен приспособляться к ней. Но если закон называет кражей леса такое действие, которое едва ли можно назвать даже нарушением лесных правил, то закон лжёт, и бедняк приносится в жертву узаконенной лжи. ...

... Если всякое нарушение собственности, без различия, без более конкретного определения, есть кража, то не является ли в таком случае всякая частная собственность кражей? Разве, владея своей частной собственностью, я не исключаю из владения этой собственностью всякого другого? Разве я не нарушаю тем самым его право собственности? Если вы отрицаете различие между существенно отличающимися друг от друга видами преступлений одного и того

же рода, то вы отрицаете и само преступление как нечто отличное от права, вы уничтожаете само право, ибо всякое преступление имеет некоторую общую сторону с самим правом. Как историей, так и разумом в одинаковой мере подтверждается тот факт, что жестокость, не считающаяся ни с какими различиями, делает наказание совершенно безрезультатным, ибо она уничтожает наказание как результат права.

Но о чём мы спорим? Ландтаг отбрасывает, правда, всякое различие между собиранием валежника, нарушением лесных правил и кражей леса. Он отбрасывает различие между этими действиями, не считая его чем-то таким, что определяет характер действия, когда речь идёт об интересах нарушителя лесных правил. Но ландтаг признаёт это различие, как только речь заходит об интересах лесовладельца. ...

... Когда привилегированные апеллируют от установленного законом права к своим обычным правам, они требуют, вместо человеческого содержания права, животной формы права, которая теперь утратила свою реальность и превратилась в простую звериную маску.

Обычные права благородных по своему содержанию восстают против формы всеобщего закона. Они не могут быть отлиты в форму законов, так как представляют собой оформившееся беззаконие. Противоречия по своему содержанию форме закона — всеобщности и необходимости, — эти обычные права том самым показывают, что они являются обычным бесправием; их нельзя поэтому отстаивать в противовес закону, а, напротив, они — как нечто, противоположное закону, — должны быть отменены, и пользование ими должно даже повлечь за собой то или иное наказание. Ведь действие того или иного лица не перестаёт быть незаконным оттого, что этот способ действия стал для данного лица привычкой, — подобно тому, как сын разбойника, также занимающийся разбоем, не может быть оправдан его семейной идиосинкразией. Если человек намеренно нарушает закон, то подлежит наказанию его намерение; если же он это делает по привычке, то наказанию подлежит его привычка, как дурная привычка. При господстве всеобщих законов разумное обычное право есть не что иное, как обычай установленного законом права, ибо право не перестало быть обычаем оттого, что конституировалось как закон, — оно перестало быть только обычаем. Для того, кто руководствуется правом, право становится его собственным обычаем; правонарушитель же принуждается к тому, чтобы повиноваться праву, хотя оно и не является для него обычаем. Право не зависит больше от случайности — от того, разумен или неразумен обычай; обычай, наоборот, становится разумным, потому что право превратилось в закон, потому что обычай стал государственным обычаем.

Как обособленная область, существующая наряду с тем правом, которое установлено законом, обычное право поэтому разумно только там, где это право существует наряду с законом и кроме него, где обычаем есть предвосхищение установленного законом права. Об обычном праве привилегированных сословий и поэтому не может быть и речи. Закон признаёт не только их разумное право, но часто даже и их неразумные притязания. Привилегированные сословия не имеют права предвосхищать закон, ибо закон предвосхитил все возможные выводы из их права. Они поэтому настаивают на обычном праве только как на источнике для *menus plaisirs*¹, — для того, чтобы то же самое содержание, которое в законе рассматривается согласно его разумным границам, нашло в обычае широкий простор для причуд и притязаний, выходящих за эти разумные границы.

Но если эти обычные права благородных являются обычаями, противоречащими понятию разумного права, то обычные права бедноты — это права, противоречащие обычаям позитивного права. Содержание обычного права бедноты восстаёт не против формы закона, — оно, скорее, восстаёт против своей собственной неформальности. Форма закона не противоречит этому содержанию, но только оно не приобрело ещё этой формы. Достаточно самого небольшого размышления, чтобы увидеть, как односторонне рассматривали и должны были рассматривать просвещённые законодательства обычные права бедноты, наиболее богатым источником которых можно считать различные германские права². ...

... Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него. Но он сделает это не путём ограничения сферы права, а тем путём, что в каждом правовом стремлении уничтожит его отрицательную сторону, предоставив праву положительную сферу деятельности. Он не ограничится тем, что для членов одного класса устранит всё то, что не даёт им возможности подняться на более высокую ступень правовой сферы, а предоставит самому этому классу реальную возможность пользоваться своими правами. Но если государство является для этого недостаточно гуманным, богатым и великодушным, то, по крайней мере, безусловным долг законодателя — не превращать в преступление то, что имеет характер проступка, и то лишь в силу обстоятельств. С величайшей гуманностью должен он исправлять всё это, как социальную неурядицу, и было бы величайшей несправедливостью карать за эти

¹ — буквально: «мелкие удовольствия»; в переносном смысле: «добавочные расходы на всякого рода прихоти». *Ред.*

² Имеются в виду так называемые «варварские правды» («*leges barbarorum*»), составленные в V–IX вв. и представлявшие собой запись обычного права различных германских племён (франков, фризов и др.).

проступки как за антисоциальные преступления. В противном случае он поведёт борьбу против социальных побуждений, полагая, что борется против их антисоциальной формы. Одним словом, соблюдение народных обычных прав, — там, где они подавляются, — может рассматриваться только как простое нарушение полицейских постановлений, но ни в коем случае не может караться как преступление. Полицейское наказание есть средство против такого действия, которому обстоятельства придают характер нарушения внешнего порядка, но которое не является нарушением вечного правового порядка. Наказание не должно внушать больше отвращения, чем проступок, позор преступления не должен превращаться в позор для закона. Если несчастье становится преступлением или Преступление — несчастьем, то это подрывает основы государства. Ландтаг, весьма далёкий от этой точки зрения, не соблюдает даже основных правил законодательства. ...

... Но государство должно видеть в человеке, нарушившем лесные правила, нечто большее, чем правонарушителя, чем врага леса. Разве каждый из граждан не связан с государством тысячью жизненных нервов, и разве оно вправе разрезать все эти нервы только потому, что этот гражданин самовольно разрезал какой-нибудь один нерв? Государство должно видеть и в нарушителе лесных правил человека, живую частицу государства, в которой бьётся кровь его сердца, солдата, который должен защищать родину, свидетеля, к голосу которого должен прислушиваться суд, члена общины, исполняющего общественные функции, главу семьи, существование которого священо, и, наконец, самое главное — гражданина государства. Государство не может легкомысленно отстранить одного из своих членов от всех этих функций, ибо государство отсекает от себя свои живые части всякий раз, когда оно делает из гражданина преступника. И нравственный законодатель прежде всего будет считать самым серьёзным, самым болезненным и опасным делом, когда к области преступлений относят такое действие, которое до сих пор не считалось преступным. ...

... Это притязание частного интереса, убогая душа которого ни разу не была озарена и пронизана государственной идеей, — серьёзный и основательный урок для государства. Если государство хотя бы в одном отношении опускается до того, что действует сообразно характеру частной собственности, вместо того чтобы действовать сообразно своему собственному характеру, — то отсюда непосредственно следует вывод, что оно должно приспособить выбор своих средств к узким рамкам частной собственности. Частный интерес достаточно хитёр, чтобы сделать дальнейший вывод и объявить себя в своей наиболее ограниченной и убогой форме пределом и правилом

для деятельности государства. Таким образом, не говоря уже о полнейшем принижении государства, здесь всё делается наизусть, и против обвиняемого пускаются в ход средства, наиболее противоречащие разуму и праву; ибо величайшее внимание к интересам ограниченной частной собственности неизбежно превращается в безмерное пренебрежение интересами обвиняемого. Но если здесь ясно обнаруживается, что частный интерес стремится низвести и низводит государство до роли сродства частного интереса, то как же отсюда не сделать того вывода, что представительство частных интересов, сословий, стремится низвести и низводит государство до образа мыслей частного интереса? Всякое современное государство, как бы мало оно ни соответствовало своему понятию, при первой же практической попытке такой законодательной власти вынуждено будет заявить во всеуслышание: твои пути — не мои пути, и твои мысли — не мои мысли!

Насколько непригоден наём на определённый срок стражника, обязанного доносить, — лучше всего доказывается аргументом, приведённым против пожизненного назначения. Аргумент этот нельзя считать случайно сорвавшимся с уст, так как он был прочитан. Именно, депутат ландтага от городского сословия прочитал следующее замечание:

«Пожизненно назначенные общинные лесные сторожа не находятся и не могут находиться под таким строгим контролем, под каким находятся королевские чиновники. Всякое поощрение к верному исполнению долга парализуется пожизненным назначением. Если лесной сторож хотя бы наполовину будет исполнять свой долг, стремясь к тому, чтобы не вызвать обвинения в каких-либо действительных проступках, то у него всегда найдётся достаточно оправданий, не позволяющих применить к нему § 56 об увольнении. Заинтересованная сторона при таких обстоятельствах даже не осмелится поставить вопрос об увольнении». ...

... Я сознаюсь, что не разделяю этого романтического представления о лесовладельцах. Я вообще не думаю, что личности должны служить гарантиями против законов; я, наоборот, думаю, что законы должны служить гарантиями против личностей. И сумеет ли даже самая необузданная фантазия вообразить себе, что люди, которые в высокой роли законодателей ни на одну минуту не могут возвыситься над узким, практически низменным настроением своекорыстия и подняться до теоретической высоты всеобщих и объективных воззрений, люди, которые дрожат уже при одной мысли о будущих убытках и хватаются за что угодно, лишь бы защитить свои интересы, — что эти же люди станут вдруг философами пред лицом действительной опасности? Но никто, даже самый лучший законода-

тель, не должен ставить свою личность выше защищаемого им закона. Никто не имеет права декретировать самому себе вотум доверия, который чреват последствиями для третьих лиц.

... Эта логика, превращающая прислужника лесовладельца в представителя государственного авторитета, превращает государственный авторитет в прислужника лесовладельца. Весь строй государства, роль различных административных учреждений, — всё это должно выйти из своей колеи, всё это должно быть низведено до роли орудия лесовладельца; интерес лесовладельца должен стать направляющей душой всего механизма. Все органы государства становятся ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес лесовладельца подслушивает, высматривает, оценивает, охраняет, хватает, бегаёт. ...

... У интереса нет памяти, ибо он думает только о себе. Не забывает он только об одном, что ближе всего его сердцу — о себе самом. Противоречия нисколько его не смущают, ибо с самим собой он не впадает в противоречия. Он — постоянный импровизатор, ибо у него нет системы, а имеются только уловки.

В то время как гуманные и правовые мотивы являются лишь тем,
Что на балу мы, простак,

Стен подпираньем называем, —

уловки оказываются самыми деятельными факторами в резонёрствующем механизме интереса. Среди этих уловок мы замечаем две, постоянно повторяющиеся в этих дебатах в качестве основных категорий: это — «благие мотивы» и «вредные последствия». Мы видим то докладчика комиссии, то какого-либо другого члена ландтага в роли человека, защищающего от стрел возражений всякое двусмысленное положение, прикрывая его щитом изощрённых, мудрых и благих мотивов. Мы видим, что всякий вывод, вытекающий из основ права, отклоняется указанием на вредные или вызывающие опасение последствия. Остановимся на одну минуту на этих уловках с их множественностью лазеек, на этих уловках *par excellence*¹, годных для всего и для кое-чего ещё.

Интерес знает, как очернить право, — он выдвигает перспективу вредных последствий, порождаемых правом во внешнем мире; но он умеет и обелить несправедливость благими мотивами, т.е. путём углубления в её внутренний духовный мир. Право порождает дурные последствия во внешнем мире среди дурных людей, несправедливость же вытекает из благих мотивов в груди благородного человека, который её декретировал. Но и те и другие, т.е. и благие мотивы и вредные последствия, имеют ту общую им особенность, что они

¹ — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

рассматривают дело не в его отношении к себе самому, рассматривают право не как самостоятельный предмет, но, отклоняясь от права, направляют наше внимание либо на внешний мир, либо на собственный разум, что они, таким образом, маневрируют за спиной права. ...

... Всё наше изложение показало, как ландтаг низводит до уровня материальных средств частного интереса исполнительную власть, административные учреждения, жизнь обвиняемого, идею государства, само преступление и наказание. Поэтому вполне последовательно, что и судебный приговор рассматривается просто как средство, а законная сила приговора — как излишняя формальность.

«Комиссия предлагает вычеркнуть в § 6 слова: «имеющий законную силу», так как принятие их даст похитителям леса возможность при заочных приговорах избежать, в случае рецидива, более высокой меры наказания; но против этого протестуют многие депутаты, заявляя, что надо отвергнуть предложение комиссии об устранении выражения «имеющий законную силу приговор» из § 6 законопроекта. Такое обозначение приговоров даётся в этом месте, — так же как и в параграфе, — конечно, не без юридических соображений. Если бы любого приговора судьи было достаточно для обоснования более строгого наказания, тогда, конечно, намерение более строго наказывать рецидивистов осуществлялось бы гораздо проще и чаще. Но нужно ещё подумать, следует ли существенный принцип права приносить в жертву интересу охраны леса, выдвигаемому здесь докладчиком. Нельзя согласиться с тем, чтобы нарушение бесспорного основного принципа судопроизводства придавало приговору, не имеющему ещё законной силы, свойство законного приговора. Другой депутат от городов точно так же предложил отвергнуть поправку комиссии. Поправка, по его мнению, нарушает положения уголовного права, согласно которым не может последовать усиления меры наказания до тех пор, пока первое наказание не определено приговором, имеющим законную силу. На это докладчик возражает: «Все эти меры в целом представляют собой исключительный закон, а потому допустима и такая исключительная мера, как предложенная». Предложение комиссии вычеркнуть слова: «имеющий законную силу» принимается».

Приговор существует только для того, чтобы констатировать рецидивы. Судебные формы представляются алчному, беспokoйному частному интересу тягостными и излишними препятствиями, которые ставит перед ним педантичный правовой этикет. Судебный процесс — это только надёжный конвой, который должен препроводить противника в тюрьму, простое приготовление к экзекуции, а где процесс желает быть чем-то большим, там его заставляют мол-

чать. Страх своекорыстия самым аккуратным образом выслеживает, рассчитывает, соображает, как может использовать противник для себя почву права, на которую — в качестве неизбежного зла — приходится вступать при столкновении с противником; самыми предусмотрительными контрманёврами стараются предупредить действия противника. При этом наталкиваются на самое право, как на препятствие необузданному проявлению частных интересов, и право расценивается как препятствие. С ним стараются заключить сделку, выторговывают у него то здесь, то там какой-либо основной принцип, усыпляют его умоляющей ссылкой на право интереса, хлопают его по плечу и шепчут ему на ухо, что это является исключением и что нет правил без исключений, — словно стараются, разрешая праву терроризм и придирчивость по отношению к врагу, тем самым вознаградить право за ту двусмысленную эластичность совести, которую проявляют по отношению к праву как к гарантии обвиняемого и как к самостоятельному предмету. Интересу права предоставляется слово лишь постольку, поскольку он — право интереса, но интерес права должен умолкнуть, как только он вступает в коллизию с этой священной особой.

Лесовладелец, который сам наказывал, так последователен, что сам и судит, ибо он явно выступает в роли судьи, когда приговор, не имеющий законной силы, он объявляет законным. Какой глупой и непрактичной является вообще иллюзия, будто возможен беспристрастный судья, когда законодатель пристрастен! Может ли иметь какое-либо значение бескорыстный приговор, если закон своекорыстен? Судья может только с пуританской строгостью формулировать своекорыстие закона, только безоговорочно применять его. Беспристрастие в этом случае является формой приговора, но не содержанием его. Содержание предопределено законом. Если судебный процесс сводится к одной только бессодержательной форме, то такая пустая формальность не имеет никакой самостоятельной ценности. С этой точки зрения китайское право стало бы французским, если бы его втиснули в форму французской процедуры; материальное право, однако, имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы. Как в китайском праве обязательно фигурирует палка; как с содержанием средневекового уголовного уложения, в качестве процессуальной формы, неразрывно связана пытка, — подобно этому гласный, свободный судебный процесс составляет необходимую принадлежность гласного по своей природе содержания, продиктованного свободой, а не частным интересом. Судебный процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы животных — с мясом и кровью животных. Один и тот же дух должен одушевлять судебный

процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни. ...

... Дикари с Кубы считали золото фетишем испанцев. Они устраивали в честь него праздник, с песнями носились вокруг него, а затем бросали в море. Если бы дикари с Кубы присутствовали на заседании рейнского ландтага, то разве не могли бы они подумать, что дерево — это фетиш жителей Рейнской провинции? Но следующее заседание показало бы им, что с фетишизмом связывают культ животных, и дикари с Кубы побросали бы в море зайцев, чтобы спасти людей¹.

*Написано К. Марксом в октябре
1842 г.*

*Напечатано в приложениях к «Rheinische
Zeitung» № 298, 300, 303, 305 и 307;
25, 27 и 30 октября, 1 и 3 ноября
1842 г.*

Подпись: Житель Рейнской провинции.

*Печатается
по тексту газеты
Перевод с немецкого*

---

¹ Намёк на обсуждение шестым рейнским ландтагом законопроекта о нарушении правил об охоте, лишившего крестьян права охотиться даже на зайцев.

Научное издание

ПРАВО, ЗАКОН И СУД
В РАННИХ ТРУДАХ
КАРЛА МАРКСА

СБОРНИК СТАТЕЙ

к 200-летию со дня рождения К. Маркса

Ответственный редактор
профессор
В.В. Лазарев

Ответственные секретари
А.И. Сидоренко, Ю.Э. Ибрагимова

Подписано в печать 07.02.2019.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 19,0.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-9516-0845-1

9 785951 608451 >

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

Книга подготовлена по материалам конференции (собрание теоретиков права), посвященной 200-летию со дня рождения Карла Маркса. Представленные в ней статьи хотя и не отражают всего богатства творческого наследия молодого Маркса, но вводят читателя в мир реалий государственности середины XIX века и последующих оценок этих реалий (вплоть до настоящего времени) представителями разных философских и теоретических доктрин.

Работа организаторов конференции, авторов и составителей сборника направлена на осмысление мирового научно-правового наследия и его роли в современном обществе, а также на решение практических задач по преодолению кризисных социальных явлений, предполагающих поиск ответов на общетеоретическом уровне, который и позволяет выстроить адекватную правовую политику, определить векторы эффективного и устойчивого развития государства.

Для широкого круга читателей, интересующихся проблемами права и правосудия, в особенности для тех молодых исследователей, магистров и аспирантов, которые постигают историю правовой мысли.